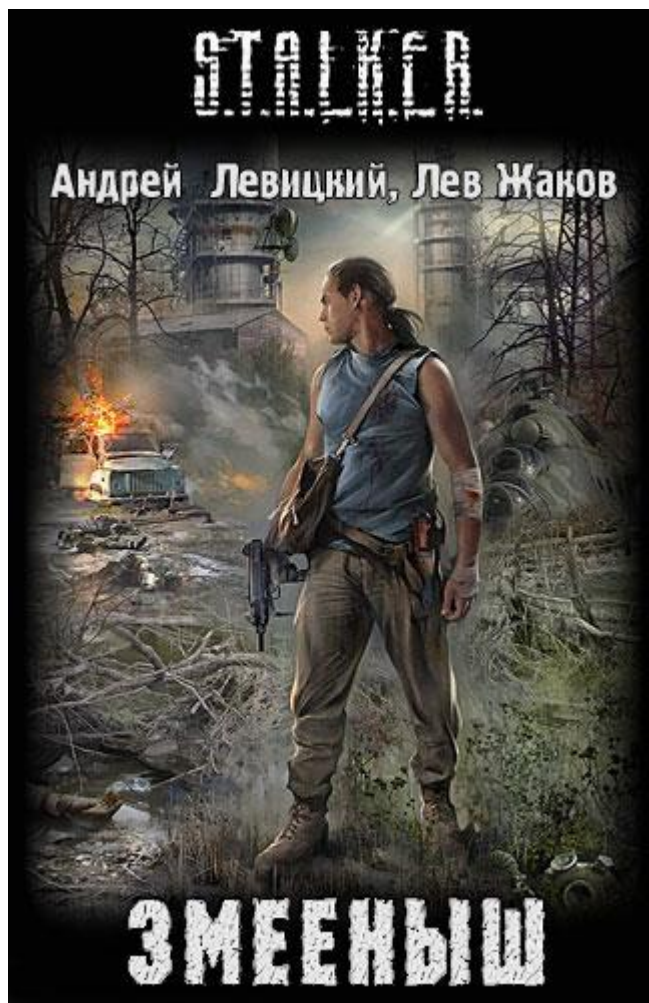

**Андрей Левицкий, Лев Жаков
Змееныш**

S.T.A.L.K.E.R. – 29

Аннотация:

Этот роман - пролог «Саги смерти», описывающий предысторию событий трилогии. Кто оно, странное существо, возникшее в глубине Зоны? Что стало причиной его появления?

Одни называют его человеком, а другие - мутантом. Его отец неизвестен, а мать погибла, спасаясь от таинственных убийц.

Он родился в Зоне - и знает ее лучше всех. Никто не умеет находить аномалии и управляться с мутантами так, как он. Никто не ведает тайных троп, по которым он ходит, никто не сможет выследить его... Ведь он — талисман Зоны. Но что будет, если все сталкеры захотят его смерти.

**Андрей Левицкий, Лев Жаков
Змееныш**

Пролог

Потом говорили, что младенца принесли мутанты. Будто бы кто-то видел контролера, который брел со свертком в руках, хотя другие утверждали, что это был кровосос.

Некоторые рассказывали про стаю слепых псов, где ребенок жил, будто Маугли. Кое-кто считал, что он - дитя одного из участников таинственной группы Осознание. А старый Игнат всерьез уверял каждого, кто готов был поставить ему стакан водки, что сталкеры отбили младенца у бюреров, живущих в подземельях Агропрома.

Много чего говорили, но правду знали лишь четверо.

Промозглой ночью, когда сквозь облака едва проглядывала бледно-желтая луна, Мазай, Магадан, Поршень и молодой Тетеря разбили лагерь возле южного края Свалки. День был теплым, но к вечеру похолодало, и сталкеры грелись у костра, ожидая, когда сварится похлебка. Возле ног Поршня стояла открытая банка тушенки. Хромой Мазай, самый старший, ковырялся в пайке. Правая нога у него плохо сгибалась в колене после того, как сталкер повстречался с кровососом.

- Хромой, кончай фольгой шуршать, - прохрипел Магадан, сплевывая и кашляя. Стоило сталкеру выйти за Периметр, как у него обострялся хронический туберкулез, заработанный в колонии общего режима во время пятилетней отсидки за разбойное нападение. Это не прибавляло Магадану ни доброты, ни жизненного оптимизма.

Он поднял лежащий на коленях АКМ, взглядываясь в темноту за спиной Тетери. Мазай продолжал ковыряться в обертке натовского спецпайка - вытаскивал по одной полоски вяленого мяса, запрокинув голову, отправлял их в рот.

- А чё, чё? - заволновался Тетеря, поправляя большие круглые очки. Молодой, худосочный и недалекий, он всего полгода как находился в Зоне, а в команду Слона попал и вовсе два месяца назад. Слепой тетерей сталкера прозвали из-за слабого зрения.

- Да вроде псы были, - отозвался Магадан, прислушиваясь. - Кончай, Хромой, я сказал!

- Был бы там кто, мы бы тут не сидели, - авторитетно сказал тот. - И не выступай, я пока в отряде главный.

- Можешь засунуть свою должность в задницу, там ей самое место. Главный он!

- Хватит ругаться, - насторожившись, прогундосил низкорослый накачанный Поршень, похожий на тумбочку с кривыми короткими ножками. - Вроде чё-то и вправду было.

- Э, парни, я не хочу, чтоб меня слепые псы сожрали. - Тетеря приподнялся, снимая с плеча «калаш».

Мазай наконец отложил паек. Теперь прислушивались все четверо.

- Вроде нету ничего, - сказал Тетеря. Глаза его за стеклами очков казались большими, испуганно расширенными. - Ведь ничего нету, да? Никого то есть...

- Да заткнись ты! - шикнул Магадан и отвесил новичку подзатыльник, как мальчишке. - Если жить хочешь.

- Оставь пацана, - хмуро велел Мазай. - Тихо все.

Магадан с Мазаем зло уставились друг на друга - и тут далекий вой разорвал ночную тишину.

- Точно, на охоту вышли! - Поршень вскочил. Магадан заперхал, поднимая автомат. Вой приближался.

- Целая стая, - определил он. - Отходим! Костер топчите!

- Стой, сволочь. - Мазай схватил его за рукав. Магадан дернул рукой, вырываясь, отсветы костра упали на перекошенное лицо. - Слышь - пищит там что-то?

- Да чё там пищит, бегом! Возле Свалки автобус стоит - залезем на него, оттуда отстреляемся! - зачастил Магадан, подхватив с земли рюкзак с пристегнутым к боковине небольшим контейнером.

Поршень с Тетерей тоже по-быстрому надели рюкзаки и взяли оружие наизготовку. Судя по вою, мутантов было больше десятка. На ровном месте, ночью, в этой жиденькой рощице, стая слепых псов означала верный конец, все сталкеры хорошо понимали это.

- Вы давайте к автобусу, - решил Мазай, - а я гляну, что там пищит.

- Блин, ты сдурел?! - выкрикнул Магадан. - Сам в пасть мутантам поперешься и на нас их наведешь! Обо всем Слону доложу, он тебя сместит!

- Да пошел ты, - только и сказал Мазай, осторожно раздвигая кусты на краю поляны. - Я вас догоню.

Магадан с размаху хлопнул Тетерю по спине.

- Чё зенки вытаращил, очкастый? Двигай! Поршень, секунду поколебавшись, направился за Мазаем.

- И ты сдурел? Этот псих сгинет и нас за собой утащит!

Не оборачиваясь, Поршень возразил:

- Я с Хромым больше года хожу. Он мужик умный, хорошо Зону знает, зря воду мутить не станет. Видать, чувствует чего. Вы нас возле автобуса ждите.

- Как же - возле! Я тебе это припомню, Поршень! - И Магадан с Тетерей побежали.

Сделав несколько шагов, Мазай, а за ним и Поршень вышли на поляну, освещенную бледной луной. Лилово-желтый свет заливал траву и кусты, деревья отбрасывали коричневые тени.

- Чё это шумит? - прогундосил Поршень, кивая вперед.

- В Крысином ручье половодье еще не спало, - вполголоса отозвался Мазай.

Из-за полосы деревьев доносился шумный плеск.

- Громковато для течения, - поежился Поршень. Не опуская ствол, он внимательно оглядел поляну. - Ну, где пищало?

Вой слепых псов раздался совсем близко, за ручьем, в хриплых голосах слышались злоба и разочарование.

- Они кого-то упустили, - сказал Мазай.

- Что это? - Поршень невольно схватил приятеля за плечо, показывая в сторону ручья.

Мазай приподнял АК. От воды послышится шум, треск ветвей, и на поляну вывалилась черная тень. Существо ростом с человека бросилось к ним, и Поршень вдавил спусковой крючок. Мазай едва успел ударить по стволу - пули ушли в землю.

- Ты чего?! - заорал Поршень.

Существо свалилось посреди поляны. Мазай побежал туда, Поршень, после секундного колебания, за ним. Хромой сталкер опустился на корточки возле тела, Поршень наклонился, всматриваясь.

- Баба, чтоб меня кровосос укусил! - ахнул он.

Женщина приподняла голову, протянула к сталкерам руку. Другой она прижимала к себе сверток, с которого текла вода.

- Помогите... - прошептала незнакомка. Длинные волосы ее растрепались, брезентовая куртка была надета поверх ночной рубашки, щеку пересекала рваная царапина. - Убил... И нас хотел...

Эти слова отняли у женщины последние силы - голова бессильно упала в траву, тело обмякло.

- Готова, - с удивлением пробормотал Поршень, нащупав худую руку. Пульса не было. Глаза женщины закрылись, под веками залегли глубокие тени, бледные губы почти не видны, и резко выделяющаяся на щеке темная царапина казалась зловещей ухмылкой самого Хозяина Зоны. - Ты гляди, как лицо у нее перекосило. Сильно испугалась чего-то, а? И молодая еще, жалко...

Мазай взял из рук женщины тряпичный сверток, Поршень склонился над ним.

- Что это?

Тут сразу несколько слепых псов взвыли неподалеку - уже на этом берегу. Похоже, они пересекли ручей, но не смогли забраться по крутому берегу, пришлось обегать - вой донесся слева. И он быстро приближался.

- Мать-перемать! - Поршень вновь поднял автомат. Мазай, закинув оружие за спину, сунул сверток под мышку. Сталкеры побежали прочь. Вой слепых псов преследовал их, догонял.

Они забрались на автобус в последний момент. Мазай, передав сверток Тетере, подтянулся и залез на крышу.

- Чё это? - Тетеря покрутил сверток в руках.

В свете бледной луны холмы Свалки за автобусом выглядели пейзажем страшной сказки или ночного кошмара. Поршень, задыхаясь, подпрыгнул, схватился за край, поставил ногу на окно. Псы бежали следом, и самый быстрый, рванувшись вперед гигантским скачком, вцепился в сапог сталкера. Тот завопил.

- Осторожно! - Мазай отобрал сверток, положил на согнутую руку и раздвинул тряпки.
- Ё! Ты ребенка сюда притащил?! - Магадан, заперхав, нажал на спусковой крючок и всадил полмагазина в слепого пса, который жевал сапог Поршня. Сталкер висел на руках, царапая короткими кривыми ногами ржавый борт, - у него никак не получалось зацепиться, найти опору.

- Не хочу быть хромым, как Мазай! - вопил обезумевший Поршень. Псы прыгали на автобус, скрежеща когтями по металлу. Ржавый остов шатался и скрипел.

- Помоги ему, - велел Мазай. Тетеря схватил Поршня за руки и втащил на крышу. Магадан, перезарядив АКМ, беспорядочно поливал очередями мечущиеся вокруг автобуса силуэты. Отстрелянные гильзы стучали по ржавому железу, как град.

Поршень наконец смог залезть и тоже схватился за оружие.

- Не дергайся, - сказал ему Мазай, усаживаясь посреди крыши по-турецки. - Тут они нас вряд ли достанут.

- Но и не уйдут, обложили! К тому же этот гад мне сапог прокусил!

- Утром и перестреляем, а ночью не видно ничего, патроны зря переведешь.

Тетеря, часто моргая, переводил взгляд со спокойного, как будда, Мазая на злых Магадана и Поршня, которые пытались подстрелить мутантов, едва видных среди теней.

За его спиной на крышу вспрыгнул огромный пес. Тетеря пригнулся и замер, шкурой ощутив опасность. Мазай осторожно положил сверток с ребенком перед собой, потянул из-за спины АК. Пес щерился, вода слепой мордой из стороны в сторону, шерсть на загривке стояла дыбом, из пасти капала слюна. Луна, выглянув между тучами, осветила красное личико младенца. Ребенок сморщился, разинул крошечный рот и заплакал.

Слепой пес прыгнул. Тетеря повалился вперед, перекатываясь, Мазай вскинул автомат, но пули лишь пропороли воздух: мутант задом сиганул с автобуса, будто испугался чего-то. Ребенок плакал, и странное дело - плач его был хорошо слышен, несмотря на громкий стук трех автоматов.

Мазай опустил АК. Тетеря приподнялся, вода стволом из стороны в сторону, не зная, стрелять или нет. Очки с лица слетели, он ненароком раздавил их локтем и теперь беспомощно шурился, моргал.

- А ну хватит! - рявкнул Мазай.

Поршень, а потом и Магадан, заметив неладное, и сами прекратили огонь. Поджав хвосты, слепые псы убегали в рощу.

- Чё это они? - Тетеря поднялся, отряхнул со штанов ржавчину. Магадан поворачивал ствол за уходящими мутантами, пока те не скрылись между деревьями. Ребенок надрывался, кричал, зажмурил глазенки без ресниц.

- Заткни его, - бросил через плечо Магадан.

- А чего они убежали? - спросил Тетеря растерянно, поднимая свои окуляры.

- Что-то тут не так. - Мазай взял дергающийся сверток на руки, и младенец, икнув, затих.

- Откуда в Зоне мог ребенок взяться? - Поршень наклонился над свертком, недоуменно разглядывая личико размером с кулак. - До Периметра далеко вроде...

- Да какая разница! Надо с ним чё-то делать, - Магадан, прислушавшись, опустил оружие. - Куда его, Хромой? Все равно помрет, нету тут бабы, чтоб кормить его. И псы за ним гнались. Надо здесь оставить, под автобусом.

- Ребенка мутантам бросить?! - ужаснулся Тетеря, неловко пытаясь приладить на нос погнутые очки с разбитой линзой. - Где вы его взяли хоть? У слепых псов отобрали, что ли?

Мазай невесело усмехнулся, а Поршень, хмурясь и потирая лодыжку, покачал головой.

- Псы за бабой молодой гнались, за мамкой его, значит. Она через ручей перебралась - мокрая вся была - и на нас выскочила. Может, на костер бежала. Ну и померла прям там, у наших ног то есть.

Магадан недоверчиво сморщился:

- Чё за хрень ты несешь, последний мозг слепой пес из тебя выел через сапог? Откуда возле Свалки баба с младенцем? Неоткуда ей тут взяться!

- Сходи и сам посмотри, - отозвался Мазай. - Возле ручья аккуратно найдешь.

- Не нанимался, - возразил Магадан сердито. - Если баба и была, ее уже псы сожрали небось.

Сталкеры замолчали, вслушиваясь. Издалека доносилось тихое рычание мутантов.

- Куда денешь-то его? - спросил наконец Поршень.

Под утро четверо сталкеров вернулись к старой водокачке на вершине холма. Это место только недавно начали отстраивать, приводить в порядок, чтобы устроить тут постоянный лагерь. На холме царило непривычное оживление: раздавались голоса, по двору бегали парни из команды Слона. На крыльце, неделю назад пристроенном ко входу в водокачку, морщась и держась за ребра, сидел Заточка. Возле него стоял мрачный Слон, сжимая за ствол СВД. При виде Мазая с компанией он перестал хмуриться.

- Привет, хозяин, - сказал хромой сталкер. - Глянь, чего мы нашли возле Крысиного ручья. - Он протянул подсохший сверток, откинул край тряпья. И удивленно прищурился, увидев, как перекосило Слона.

- Ты где это взял? - спросил тот хрипло.

Вокруг собрались сталкеры, тянули шеи, пытаясь разглядеть, что там притащил начальник одной из полевых групп.

- Чё там?

- Клумокакыйсь...

- Дитя, что ли?...

- Да ребенка где-то накопал... - Слон повторил:

- Где взяли?

- Возле ручья, женщина там на нас выскочила, от псов бежала, раненная. Упала, да и умерла на месте. Только сказала что-то странное...

- Что сказала? - спросил Слон. Это был крупный лобастый мужчина с самоуверенным жестким лицом, широкоплечий, грузный - и сейчас, как показалось Мазая, встревоженный.

Хромой пожал плечами.

- Да ерунду какую-то, я не запомнил. Так что скажешь, как мне с младенцем быть?

Люди Слона перешептывались и поглядывали на него - как хозяин поступит с таким неожиданным подарком Зоны? Прикажет вернуть ей назад? Жестокий поступок, слишком жестокий, здесь с людскими жизнями не шутят. Тогда что?

И Слон поступил мудро: решил умыть руки.

- Хрен с вами, - сказал он, отворачиваясь. - Что хочешь делай, только чтоб я его больше не видел.

Заточка, забыв стонать и охать, настороженно следил за Большим Хозяином. Слон зло глянул на него и ушел в дом, хлопнув дверью.

- Я ж говорил! - За плечом Мазая возник Магадан. - Бросай с автобуса, говорю, зачем нам эти проблемы?

- Правильно мыслишь, - сказал Заточка, вставая. - Где уже эти бабы? Я ранен!

- А вы откуда пришли-то? - спросил его Поршень. - Кто тебя под ребра так саданул?

- Не твое псевдособачье дело. - Заточка сморщился и снова схватился за бок. Кожа у сталкера была необычного оттенка - сероватая, будто из плохого картона. Узкое лицо со впалыми щеками и сломанным, свороченным набок носом покрывала густая колкая щетина, волосы росли и на длинных сильных запястьях, на тыльной стороне ладони, на пальцах...

- Зачем мусор всякий из Зоны тащите? Тут вам не ночлежка. Чё Слону с этим делать?

- Да все равно помрет, кто тут с мутантовыми отпрысками умеет обращаться? - опять влез в разговор Магадан.

Заточка покосился на него.

- Это ты о чем?

- Я дело говорю! - Магадан приосанился. - Я-то знаю, что не баба там была, а кровосос ребенка притащил. Откуда возле Свалки бабе взяться?

- Как же Мазай и Поршень бабу с кровососом могли перепутать? - спросил кто-то.

- Ну, значит, не кровосос, а контролер. Навел на них эту... гал-лю-ци-нацию, заморочил мозги, будто он - не он, а женщина. Да вы поглядите на них! Этих придурков тупых легко заморочить...

Магадана обступили сталкеры, закидали вопросами. Поршень что-то забубнил, возражая Магадану, но Мазай считал ниже своего достоинства спорить. Он поднялся на крыльцо и через длинный коридор попал на кухню, где грудастая Варя-кухарка с бабой Тоней, которых Слон привез из поселка у Периметра и поселил у себя, чтобы кормили его людей, готовили бинты и вату для перевязки.

- Короче, уважаемые бабы, дело до вас есть, - сказал сталкер, хромая к столу. Положил сверток среди грязных тарелок и отвернул край тряпья. Показалось красное личико младенца. Варя ахнула, бросив бинты, схватила его. Ребенок запищал, задергался в пеленках.

- А извивается-то - что твой змееныш. - Баба Тоня мелко перекрестилась.

Варя прижала ребенка к необъятному бюсту и засюсюкала над ним низким грудным голосом. Ее собственный ребенок умер недавно от какой-то болячки - в поселке не было врача, - а мужика раньше задрал псевдогигант, вот она с горя и пошла к Слону.

- Змееныш так Змееныш, главное, чтоб живой остался. - Мазай похромал из кухни. Он устал и очень хотел спать.

Часть первая. Человек

Глава первая. Водокачка. Экспедиция, которая все изменила

1

- А ну слезай, гаденыш! Куды забрался? Слезай, кому говорят! - стоя посреди двора, кричала кухарка Варвара.

- Чего надрываешься, тетя Варь? - Мазай, щурясь на солнце, сошел с крыльца кирпичного барака, где жили сталкеры Слона. Барак этот стоял немного ниже бывшей водонапорной башни, а еще ниже виднелись ветхие избы брошенного поселка. Земля между ними заминирована, подняться и спуститься можно только в определенном месте, да к тому же на крыше водокачки за низким бордюром всегда наготове пулемет. Слон, за эти годы разбогатевший и покрутевший, заботился о своей безопасности. Из богатого удачливого сталкера он превратился в настоящего пахана, контролировал большой участок Зоны, имел связи в группировках и среди военных.

- Чего надрываюсь?! - Варвара гневно воздела руки в сторону водокачки. - Да ты видел, Хромой, куды он залез? Как баба Тоня померла, так он совсем от рук отбился. Она-то умела его приструнить! Башку свернет, полоумный! Вот мутантово семя!

Солнце скрылось за облаками, дул зябкий ветерок, забирался под ворот куртки, холодил шею. Недавно прошел дождь - земля мокрая, палая листва липнет к сапогам. Мазай, несмотря ни на что, любил Зону, любил эту пронзительную опасную свежесть, пропитанную запахом озона от разрядившихся аномалий, пряный дух хвойных лесов, убегающие вдаль нехоженные тропки, тяжесть контейнера с артефактами на поясе... Он вдохнул полной грудью, расправил плечи и поднял голову.

И разглядел на крыше бывшей водонапорной башни гибкую фигурку. Змееныш сидел на краю, болтал ногами, выставив локоть, - и сверху на него пикировал здоровенный ворон. Мазай схватился за винтовку.

- Ну чё, долго Слон тебя ждать будет? - проворчал Заточка, появляясь в дверях водокачки, возле которой на лавке сидел с сигаретой в руках Поршень.

Варвара вскрикнула. Мазай вскинул оружие, выцеливая мутанта. Заточка, развернувшись, выдрал пистолет из кобуры на боку.

- Ах ты гаденыш! - воскликнул он зло.

Мазай рванулся вперед и выбил у него пистолет, ствол которого был направлен в мальчишку.

- Сдурел?! - Заточка змеей повернулся к сталкеру, хватаясь за нож на ремне. Хромой перехватил запястье, так сдавил его крепкими пальцами, что порученец Слона дернулся от боли.

- Да этот псих сюда мутантов подманивает! - Тетка Варвара всплеснула руками.
- Что творит-то, поганец?! - прикрыв рот ладонью, выдохнула она. Мазай, Заточка и Поршень посмотрели вверх. Ворон, пристроившись на вытянутой руке Змееныша, одним глазом глядел на сталкеров, будто смеялся. Потом он взмахнул крыльями - и взмыл под облака, почти мгновенно став точкой в небе.

- Ушел! - Заточка вырвал кисть из захвата, нагнулся за пистолетом. - Гляди, доиграешься со своим Змеенышем, Слон обоих выкинет!

Но Мазай лишь усмехнулся, возвращая винтовку на место.

- Подхалимов много, а хороших сталкеров мало. - Заточка ощерился.

- Ты в Зоне пропадаешь, а я-то тут, возле Слона, - с угрозой проговорил он. В бледных, водянистых глазах его, хитрых и недобрых, мелькнула злоба.

- Ты мне не грози, Заточка, тебе же хуже будет, - ответил Мазай презрительно.

Помощник Слона хищно оскалился, развернулся и бросил через плечо:

- Это мы еще поглядим, кому хуже.

Пожав плечами, хромой сталкер шагнул в дверной проем, напоследок кинув взгляд на крышу водокачки. Змееныша там уже не было - он скользнул вниз по стене, цепляясь за что-то, не видное снизу, прыгнул и очутился возле Мазая.

- Опять этот угрожал? - Мальчишка кивнул на темный коридор. Оттуда донесся скрип винтовой лестницы: Заточка поднимался к Большому Хозяину. - Хочешь, я на него ворона напущу, пусть глаза ему выключет? - Тонкий, почти как девушка, паренек движением головы откинул упавшую на глаза прядь. Прямые черные волосы его свисали до плеч, вороним крылом закрывали часть лица.

- Ты мог сорваться, - сказал Мазай. - Слышишь? Больше не лазай туда.

Змееныш посмотрел Мазая в глаза и улыбнулся своей загадочной полуулыбкой. Он уже немного перерос хромого сталкера, и хотя оставался по-мальчишески худым, в фигуре его ощущалась тугая юношеская гибкость.

А ведь Слон наверняка недоволен, подумал Мазай. Последнее время Змееныш самовольничает, никого не слушается. Не потому ли хозяин зовет к себе, чтобы отругать за пацана? Но тот на глаза Слону не попадает, иногда даже приносит ему артефакты, хотя и не ходит в далекие походы. Чует он их, что ли? Ну да, именно так: чует. Это Мазай выучил Змееныша, что к чему в Зоне, он водил ребенка к аномалиям, описывал их свойства, показывал, как ловчее добыть «кровь камня» и «кристалл», как издалека увидеть смертельное дерево-кукловод, как избежать встречи со стаей кабанов, не позволить контролеру подчинить свой рассудок, как не попасться на обед кровососу, а на ужин - ватаге кривоногих бюреров.

- В общем, чтоб я тебя там не видел больше, - заключил сталкер и стал подниматься.

Узкая винтовая лестница привела на круглую площадку. Сюда выходили четыре двери, Мазай толкнул ту, что слева.

В комнате было полутемно: Слон не любил яркого света. Поговаривали, что хозяину так легче не замечать грязь некоторых своих делишек. Мазай осуждать Слона не собирался, не в его это привычках. Не очень босс ему был симпатичен, но мужик он крепкий, хваткий, справный хозяин и платит хорошо - а что еще сталкеру надо? Дисциплины бы поменьше - да Мазай много времени проводил в Зоне, так что и тут не страдал.

- Ну что? - спросил он и вошел, прихрамывая.

Помещение формой напоминало кусок торта, только вместо острого угла - дверь. Это потому, что верхний ярус водонапорной башни кирпичные перегородки делили на четыре комнаты, у каждой две стены прямые, а третья - закругленная. Впрочем, позади комнаты Большого Хозяина была еще одна, совсем маленькая.

Заточка устроился на табурете, Слон сидел в кресле с высокой спинкой. На столе перед ним стояла глиняная статуэтка голой женщины - пресс-папье, придавившее стопку бумажек. В приоткрытое окно задувал ветерок, шевелил жалюзи.

- Не торопиться, - прищурившись, сказал Слон. Ему было за пятьдесят, мощный квадратный подбородок начал оплывать. Темные, без следа седины волосы стрижены

коротко, под машинку. Слон хмурился, высокий выпуклый лоб пересекала глубокая морщина. Возле твердого рта залегли складки - возраст сказывался.

- Змееныша своего, говорят, совсем распустил.

- За этим звал? - Мазай взял стул и сел у стола, положив винтовку на колени. - Я ему не родной. Был бы у него отец, приструнил бы, а так? - Он с наигранным равнодушием пожал плечами. Сталкер давно заметил, что, когда речь заходит о родителях Змееныша, Слон мрачнеет и меняет тему.

Однако в этот раз Большой Хозяин не заметил сказанных будто бы нечаянно слов. Взглянув на Мазая исподлобья, Слон взял глиняную статуэтку за голову, покрутил в руках.

- Правильно, не за этим, - ровно ответил он.

А вот Заточка все, что надо, услышал и кинул на сталкера угрожающий взгляд. Мазай проигнорировал его.

- Чего тогда потревожил? Я только прилег. - Слон прищурился.

- Уж и не потревожь своих людей. Или ты теперь тут главный?

- Он давно уже своевольничает. - Вскочив, Заточка шагнул к Слону. - Вконец оборзел хромой, много себе позволяет!

Хозяин дернул плечом, отгоняя порученца, как надоедливую муху, и тяжело посмотрел на сталкера.

- Почему же, ты в Лесном Доме главный, - спокойно ответил тот. - Но и мы не рабы. Всякому человеку отдых нужен.

- День на дворе, - окрысился Заточка и ткнул в жалюзи. - Все работают, а ты дрыхнешь!

- Я в ночное ходил, и ты это знаешь, - неторопливо ответил Мазай, не глядя на него.

Слон пристукнул подставкой статуэтки по столу, возвращая ее на стопку помятых бумаг.

- Прекратили, оба! Точно не для того тебя звал, чтоб вы тут склоку устраивали.

Заточка, вжав голову в плечи, отступил в сторону. Мазай не шелохнулся. Слон, наградив помощника недовольным взглядом, произнес:

- Мазай, собирай людей. Новая работа ждет.

- Чего на этот раз?

- Говорят, возле Восточного Могильника есть чем поживиться. После выброса аномалий прибавилось - сходите проверьте.

- Ну раз говорят... - Мазай вспомнил, как ночью, когда он вернулся на холм, из водокачки вышел военный - мелкий чин, а то и вовсе рядовой, сталкер не приглядывался. У Слона все схвачено, сержанты с Периметра ему вместо гонцов, результаты патрульных рейдов докладывают... Впрочем, ему, Мазая, что? Не сегодня, так завтра - все одно в Зону идти. Он приподнялся, опираясь на винтовку и отставив хромую ногу. - Ладно, когда выходить?

- Скоро, - хмуро сказал Слон. - Змееныша своего возьмешь.

- Да ты спятил!

Вырвалось. Хозяин непослушания не любил, с дерзкими был крут. Мазай одернул себя, понимая, что поздно спохватился...

Но Слон опять будто не услышал его слов, только брови чуть сильнее свел, и морщина поперек лба стала глубже.

- Пора ему на дело идти, хватит мои харчи за просто так наворачивать. Пусть отрабатывает.

- Да он ребенок еще! - Мазай выпрямился, сжимая ствол винтовки так, что костяшки побелели. Заточка криво ухмылялся, и сталкер понял, кто навел хозяина на эту дикую мысль. Тащить в Зону четырнадцатилетнего щенка - верная смерть пацану!

- С мутантами, говорят, у него талант, артефакты не хуже самого Лесника складывает в сборки всякие - значит пора ему.

- Погибнет же! Рано ему в глубокую Зону соваться еще, пусть подрастет!

Рот Слона гневно искривился - но он сдержался и произнес только:

- Я сказал.

Мазай и сам не заметил, что сжимает винтовку, как дубинку.

- А я сказал, что не возьму его, - упрямо гнул он. - Змееныш не дорос еще. Ты, может, и хозяин, но такое мне приказать не можешь.

Заточка выступил вперед, открыв рот, но Слон движением руки остановил его. Положив свои огромные, как экскаваторные ковши, ладони на стол, хозяин Лесного Дома приподнялся.

- Не возьмешь - выгоню его, и баста. Мое слово железное, ты знаешь. Из Зоны его ты притащил - а кормил я. Теперь пусть отрабатывает, не то сам на корм мутантам пойдет. И ты за ним отправишься, уж я постараюсь, чтобы никто в Зоне с тобой больше дел не имел.

Мазай всмотрелся в суровое лицо с крупными тяжелыми чертами. Нет, Слон не шутит, какое там. Сталкер опустил взгляд. Что это с хозяином? Вроде раньше он на Змееныша внимания не обращал, если тот на глаза ему попадался - отворачивался только. Казалось, Слону почти все равно, что какой-то заморыш снует по двору - да и ест-то всего ничего, вон какой худой... А оно, значит, вон как, мальчишка Слону поперек глотки.

- Когда выступать? - спросил Мазай, не поднимая глаз.

Слон опустил в кресло, снова взял статуэтку и принялся постукивать ею по краю стола.

- Заодно и присмотришь там за ним, - сказал он. - К вечеру выходите.

Мазай спускался по лестнице, прихрамывая больше обычного и, против обыкновения, держась за перила. И чего он полез со Слоном спорить?

На крыльце огляделся. Во дворе было пусто, возле скамейки валялся окурок, Поршень ушел. Из кухни тянуло вкусным мясным духом - время обеда. Насчет «только прилег» в разговоре со Слоном Мазай приврал, он успел поспать. Подволакивая разболевшуюся ногу, сталкер направился к столовой - бревенчатой пристройке, переделанной из большого сарая.

Когда он вошел, хлопнув дверью, никто не поднял голов, все были заняты. В просторном помещении за двумя большими столами сидели человек десять. Сталкеры не разговаривали, раздавался лишь стук ложек да редкое хлюпанье. За густой мясной похлебкой собрались не все люди Слона, кто-то был в Зоне, кто-то дежурил на крыше у пулемета. Мазай от порога оглядел сталкеров. Вон Тетеря блеснул очками - один есть, - кто тут еще из его ребят? Ага, Ясень. Его недавно приставил Слон к отряду, до этого они так и ходили прежним составом: Мазай, Тетеря да Поршень с Магаданом.

Мазай тяжело опустился рядом с обедающими, перекинул ногу через лавку.

- Варь, дай пожрать! - крикнул он.

В проеме кухонной двери мелькнул край длинной Варвариной юбки, гроыхнула поварешка, наконец появилась кухарка с подносом, где стояла дымящаяся миска супа и тарелка с ломтями белого хлеба.

- Кому батона еще? - Варвара сгрузила перед Мазаем миску и оглядела стол. К ней тут же потянулись несколько рук. Хромой дернул повернувшуюся кухарку за грязный фартук.

- Змееныш у тебя?

- Где ж ему еще быть, - хмыкнула Варвара. - Ежели не в лесу ошивается, так дрыхнет или у меня на кухне болтается. Чего передать?

Мазай со вздохом зачерпнул полную ложку густого перлового супа, в котором плавали крупно порезанные куски мяса и шкварки.

- Пусть собирается, с нами пойдет, - неохотно сказал он.

- Это еще что ты удумал, мальчонку в Зону ровно взрослого брать? - всплеснула руками кухарка. - Вот ерунда еще, не буду ничего говорить!

Мазай поднял от тарелки смущенный взгляд.

- Это не я удумал - Слон приказал. Иди давай, Варя, без тебя хреново.

Сталкеры зашептались. Варвара хозяина побаивалась, поэтому захлопнула рот и ушла на кухню, забрав поднос. Оттуда послышался ее зычный голос: «Змееныш, ты куда полез?!» - и сердитое ворчание, похожее на гудение большого шмеля.

Положив ложку, Тетеря уставился на командира.

- Ты серьезно, Хромой? Мы ж только вернулись.

- Где Поршень и Магадан? Надо им сказать, - сердито отозвался Мазай.

Ясень оторвался от миски.

- На склад пошли, Игнат обещал новые «калаши» выдать. Когда идти-то, прости господи?

- После обеда выходим.

Один из сталкеров, переглянувшись с соседом, спросил:

- Слышь, Мазай, насчет Змееныша правда, что ль?

- Я врать буду? - нахмурился тот.

- Не, так слышь, а чего это на Слона нашло? Ты б ему сказал, что Змееныш совсем щенок пока, куда ему в дело?

Его поддержали нестройным хором.

- Тебя Слон послушается, ты у него на особом счету, - добавил сталкер. - Рано пацану Зону топтать, пусть хоть мяса какого наберет...

- Чего это я на особом счету? - Мазай покачал головой, ковыряясь в миске. Аппетита не было, но перед походом стоило набить брюхо, потому что ужинать придется уже глубоко в Зоне, ближе к ночи.

- Кожа да кости, - поддержал сталкера сосед. - Чего надумал хозяин, жадность, что ль, заела? Обидно, что пацан харчуеться задарма?

- Да погоди, - перебил сталкер. - Мазай, ты ж лучший командир, вон отряд твой за столько лет целый остался, видано ли это? Слон тебя уважает, скажи ему, куда это годится...

- В других отрядах по несколько раз состав сменялся, а то и командир, - заметил кто-то из угла. - Такого старшего поискать надо.

- Вот я и говорю, послушает тебя Слон.

- Когда это кого Слон слушал? - хмыкнули в углу.

Мазай молчал. Тетеря протер очки клетчатым платком, засунул его в нагрудный карман и поглядел на командира.

- Змееныша в Зону? - повторил он, будто бы только сейчас до него дошел смысл спора. - А и ничего - вместе пойдем!

2

Он ждал их на склоне - огромный рыжий псевдопес, больше похожий на мамонта, чем на потомка волков. Тетеря замер, целясь, но на него налетел не успевший притормозить Поршень, и пуля ушла вверх. Мазай схватил висящий на спине «калаш».

- Стреляй! - крикнул он, шагнув с тропы в сторону, чтобы не задеть Тетерю и Поршня.

Мутант был такой огромный, что, казалось, мог без проблем загрызть всех четверых, а потом закусить Змеенышем. Кстати, где он? Мазай завертел головой, высматривая мальчишку.

- Стреляй, ну! - повторил он, поднимая оружие. Магадан с Ясенем у него за спиной зашевелились, отходя и занимая удобные позиции.

- За ним сразу воронка. - Тетеря так и не выстрелил. - Если я в него пальну, пес в нее может упасть. Она сработает, а мы близко слишком.

Псевдопес припал к земле необъятным рыжим брюхом и зарычал, изготавившись к прыжку. Шерсть на загривке встала дыбом, как у матерого волка. Позади него и вправду виднелась аномалия - слабое колыхание воздуха да несколько травинки, кружащихся почти над башкой мутанта. Первый выстрел Тетери чудом не включил воронку.

Мазай опустил ствол.

- Не двигайтесь! - велел он, лихорадочно размышляя.

- Может, он и сам уйдет? - пробормотал Поршень, не сводя взгляда с горящих глаз мутанта. Тот глухо, утробно зарычал, длинный хвост хлестнул по тугому выпуклому боку, едва не зацепив аномалию.

- Сейчас прыгнет - попробуем на лету взять, чтоб выстрелом в сторону толкнуть, - негромко сказал Мазай. - Рискнем, Тетеря?

Очкастый сталкер за эти годы возмужал, стал смелее и ловчее, но в худосочной фигуре и длинной цыплячьей шее его все равно проглядывала былая интеллигентская нескладность.

Дужки очков он давно заменил крепкой черной резинкой, стянувшей затылок, - так не слетят. Тетеря кивнул Мазаю, и тут на тропе возник Змееныш. Никто не заметил, откуда он взялся, мальчишка будто вырос из-под земли прямо напротив изготовившегося к прыжку мутанта.

- Змееныш, уйди! - крикнул Мазай. Псевдопес прыгнул.

Магадан сипло ругнулся, Тетеря вскинул ствол, но не выстрелил: Змееныш стоял на линии огня.

А дальше случилось странное, такое, от чего суеверный Ясень потом долго крестился и бормотал что-то себе под нос.

Каждый описывал увиденное по-разному, но все сходились в одном: мальчишка вскинул руки и низко загудел. Вот только это был неслышный звук, он возник скорее в головах сталкеров, нежели в окружающем их пространстве, от него завибрировало в затылке, и шейные позвонки пронзила тупая боль. Воздух между пацаном и зверем уплотнился - и псевдопес с воем свалился на тропу. Змееныш коротко рассмеялся, махнул рукой. Поджав хвост, припадая на переднюю лапу, мутант рванул в кусты.

Тетеря выстрелил ему вслед, но пес уже скрылся в зарослях.

Прыгнув вперед, Мазай схватил Змееныша за руку, крепко сжал тонкое запястье.

- Ты спятил?! - выдохнул он, не скрывая страха. Посмотрев на воронку, оттащил Змееныша с тропы, подальше от вздрогнувшей аномалии. Тетеря наконец захлопнул рот и пошел за командиром. Следом, неуверенно оглядываясь, зашагали остальные.

- Что это было? - прогундел Поршень. Ясень потрясение молчал, осеняя себя крестами.

- Если б я не знал, что такое невозможно, поклялся бы, что малой прогнал мутанта взглядом, - отозвался Тетеря.

- Я всегда говорил, что он отродье... - Магадан споткнулся, заметив, что Мазай обернулся и угрожающе смотрит на него. - Чего устался?! Он приказал тва-рюке уйти! Как он мог бы это сделать, если не... если он не из их рода?!

Вздыхнув про себя, Мазай обратился к Змеенышу:

- Да, объясни уже. Ты круто рисковал. Не для того я брал тебя в экспедицию.

Змееныш лучился счастьем.

- Да вы чего? - воскликнул он. - Я же прогнал мутанта! Что плохого?

- Как ты это сделал? - спросил Тетеря. - Ты разве шаман вроде Болотника?

- Нет, конечно. А может, и да, - беспечно отозвался Змееныш, легко шагая по высокой траве рядом с Мазаем и не пытаясь высвободить руку из его пальцев.

Лицо хромого сталкера было бледным и сердитым.

- Ты, я вижу, не очень понял, чего сотворил, - придушенным голосом сказал он. - Прогнал мутанта - хорошо. Но мы в Зоне. Тут опасность на каждом шагу. В Зоне легко погибнуть, если не соблюдать правила. А когда ты идешь в отряде, в связке... Да я просто испугался за тебя, черт возьми!

Змееныш только плечами пожал, он не очень-то понимал, почему остальные всполошились. Ясень все еще крестился, Магадан сопел и зло шурился, Поршень чесал затылок, только Тетеря более или менее пришел в себя.

- Слышь, так как ты это сделал? - спросил он. - Это в натуре было круто, нам бы пригодилась такая фишка. Мазай правильно говорит, в руках себя держать надо, тут все за одного, это да. На линии огня передо мной стал - плохо. Но как у тебя получилось? И что еще можешь?

Лицо Змееныша светилось от радости, его распирало ощущение собственной мощи.

- А ты видел, Тетеря, как я его? - воскликнул он, потирая покрасневшее запястье - Мазай наконец-то отпустил его руку. - Сбежал, поджав хвост!

- Как будто бес какой в тебя вселился, - пробормотал Ясень, но никто не обратил на него внимания.

- Я просто почувствовал его. Ну, вроде как иногда человека чувствуешь, когда тот сильно боится, от него что-то исходит, дрожание такое. - Змееныш после произошедшего был непривычно разговорчив, обычно он молчал и думал о чем-то своем. - А тут я ощутил его злость, ярость, еще голод - ну и понял, что могу ответить на это своей злостью. Я вдруг

так на него разозлился, откуда-то отсюда поднялась волна, - он положил ладонь на грудь, - такая огненно-красная, а у него была багрово-коричневая, но слабее моей. Он сразу понял, что я его круче. Это как если бы он, псевдопес то есть, наткнулся на мою злость как на стену и башкой об нее стукнулся, ну и почувствовал, что не может пробить ее. И сдался! Видел, как хвост поджал, слышал, как скулил, а, Тетеря? Мазай, ты видел? Я, наверное, и не так еще могу!

- Наверное, - хохотнул Тетеря, переглядываясь с Мазаем.

Они осторожно миновали притаившуюся на тропе воронку и остановились по команде хромого сталкера.

- Почти пришли, теперь внимание, - велел Мазай. Тетеря кивнул, Магадан сплюнул, однако достал из бокового кармана рюкзака толстую перчатку.

- Тетеря, Ясень, вы на стреме, охраняете нас. Магадан, Поршень и я ищем артефакты. Змееныш, ты возле меня, не отходи ни на шаг!

- Да я отойду - ты и не заметишь.

- Нет! - прикрикнул Мазай. - Хватит уже, поигрался, теперь пора делать дело, за которым пришли. Возьми у Тетери контейнер и шагай за мной след в след. Никакой самостоятельности!

Тетеря отстегнул от пояса металлическую коробку, протянул мальчишке. Тот, пожав плечами, взял ее.

- Внимательно по сторонам смотрим, - говорил дальше Мазай. - Мы на склоне сейчас, тут подъем небольшой, метров пятьдесят еще, дальше лес кончается, там открытое место. Расходимся, Тетеря с Ясением - по краям идете. Цепью прочесываем лес до опушки, обходим слева и прочесываем тот сектор, затем следующий - до вечера работы хватит. Завтра будем искать восточнее. И смотрите в оба!

Слону верно донесли: тут уже аномалии пошли густо, приходилось идти осторожно, постоянно оглядая подозрительные места.

Между Тетерей и Поршнем над зарослями папоротников гудела и плавилась крупная воронка. Чуть в стороне, под сломанной молодой осиной, лежал «ломоть мяса» - темное образование, комок аномальной материи, плоть Зоны. Поршень с Мазаем заметили артефакт одновременно и вдвоем двинулись туда, но Мазай сразу остановился.

- Бери ты, у меня вон там вроде «капля» лежит. Отсюда не разобрать, сейчас скажу... - он сделал шаг вперед, и тут его за локоть схватил Змееныш.

- погоди! Не ходи дальше, там на лежке кабаны. За сломанной осиной, видишь?

- Откуда знаешь? - Мазай замер. Тетеря слева насторожился, палец его на спусковом крючке напрягся.

- погодь, Поршень, - вполголоса сказал он сталкеру, который уже опустился на карачки и подбирался к «ломтю мяса» с контейнером в руке. Поршень не услышал Тетерю за гудением разделявшей их воронки.

- Поднимет мутантов! - тихо выругался Мазай. Магадан, заметив, что все остановились, тоже задержался в кустах, за ним и Ясень встал.

- Что там? - спросил Магадан.

- Кабаны! - прошептал хромой сталкер. Магадан присел, втянув голову в плечи, оглянулся.

- Ты куда смотришь, Ясень, чё не сказал?!

- Чего? - удивился Ясень, вытягивая шею. Поршень медленно пробирался по высокой траве к артефакту.

- Спугнет, - процедил сквозь зубы Мазай и позвал вполголоса: - Вертайся!

У кабанов сон чуткий, а злые они со сна - не дай боже. Нетерпеливо вертевшийся на месте Змееныш взмолился:

- Я прогоню их, Мазай! Я могу! Я их чувствую!

- Не смей! - приказал хромой, не сводя глаз с Поршня. Тот был всего в паре метров от сломанного деревца, за которым, по словам пацана, спали мутанты. Кабанья стая - это пять-шесть взрослых особей. Да так близко! Если Поршень сломает сучок, хрустнет, тронет осину... Кто-то не вернется из экспедиции. Мазай был хорошим командиром, его ребята всегда приходили обратно. Не хотелось терять никого, даже сволочь Магадана.

Он снял с пояса гайку на бечевке, чтобы кинуть в сталкера, увлеченного видом артефакта. Дернется тугодум Поршень, когда в него попадет гайка, или догадается замереть, осторожно обернуться?

- Стволы наизготовку! - вполголоса велел Мазай. Тетеря кивнул, Магадан обернулся к Ясеню и передал ему приказ, тот поднял автомат. А Мазай все раскачивал гайку и никак не решался кинуть.

Змееныш не выдержал.

- Я их знаешь как чувствую - каждую жилку! - Воскликнул он шепотом и сделал шаг вперед, разводя руки.

- Не смей! - вскрикнул Мазай. Но было поздно.

Веселая волна злости поднялась из живота, наливаясь огненно-красным, охватила Змееныша, затопив сознание, вырвалась наружу - и покатила через лес, туда, где за поваленной осиной спали кабаны. Лицо Змееныша осветилось внутренним огнем, пальцы растопырились, словно помогая внутреннему жару вырваться наружу. Он запрокинул голову и тихо засмеялся.

Мазая продрало от макушки до пяток - смех был нечеловеческим, почти звериным или, скорее, мутантским. Сталкер невольно шагнул назад.

Это его и спасло.

Невидимая волна, катившаяся от Змееныша, достигла кабаньей лежки. Мутанты проснулись.

Их отклик оказался таким мощным, что мальчишка пошатнулся, вскрикнул, закрыв лицо ладонями. Кабаны озверели, когда их разбудила волна ментального жара - достаточно сильная, чтобы разозлить, но недостаточно, чтобы прогнать.

Стая вскочила, от ярости не понимая, куда бежать, взор мутантов застилала пелена дикого, необузданного гнева, жажда мести и крови, - и через миг они ринулись на того, кто, как решили мутанты, попытался на них напасть. Примитивные разумы захлестнуло желание растерзать, разорвать в клочья эту тонкую фигурку, от которой исходили жалящие импульсы.

Поршня растоптали первого. Сталкер уже протянул руку к артефакту, когда сломанная осина взмыла над рылом огромного кабана. Вожак прыгнул на человека, вдавил в землю, и артефакт, который Поршень все же успел схватить, взлетел в воздух.

Мазай поливал кабанов очередью из автомата. Змееныш корчился на земле, его раздирала боль, внутренности выжигало чужой яростью.

Стая ломанулась к Магадану и Ясеню.

«Ломоть мяса» описал дугу - и свалился возле воронки. С гудением аномалия включилась.

Мазай увидел недоумение на лице Тетери, перекосившиеся очки, огромные, беспомощные глаза - и потом сталкера затянуло. Два мощных витка - и воронка выплюнула на траву окровавленную изломанную куклу. Схватив Змееныша за плечо, Мазай вздернул его на ноги, потащил назад, на ходу стреляя по кабанам. Трава гнулась в сторону аномалии, сталкер с трудом преодолевал ее периферийное действие.

Огромный вожак с разбегу врезался в грудь Магадана. Громкий хруст ребер долетел даже сквозь гудение воронки, Мазай сморщился, как от боли, будто это ему проломили грудину. Он не любил недоброго, подлого Магадана, но... тот погиб по его, Мазая, вине - по вине командира группы!

Вожак, хромя, бежал дальше, один глаз его вытек от пуль Ясеня. Мазай бросил стонущего Змееныша, как только они оказались вне зоны действия воронки, и выдернул пустой магазин из автомата.

Стая заметалась. Окривевший вожак забирал вправо, не видя Ясеня, но ощущая на шкуре болезненные уколы его пуль. С ревом мутант прыгнул сквозь молодые елочки, круша стволы, пытаясь уйти от выстрелов, - и попал в трамплин.

- Беги! - охрипшим голосом заорал Мазай. - Прячься за деревья!

Аномалия не смогла кинуть матерого самца далеко, однако Ясеню хватило и этого. Темная туша приземлилась сталкеру на плечо, опрокинула его. Вожак слабо дернулся, едва

перебирая ногами по траве. Ясень заворочался, вылезая из-под туши, - мутант придавил ему руку.

Мазай прекратил стрелять, но поздно: стая уже кинулась туда, где выстрелы стихли чуть раньше, то есть к Ясеню.

И тогда бывалый, повидавший виды сталкер отвернулся, закрыв глаза. Это был жест бессилия.

Мутанты пробежали по Ясеню, по своему жожаку - и скрылись в ельнике. Издалека донеслось гудение, послышался визг - один из них попал в воронку, - и все стихло. Экспедиция погибла.

3

- Это из-за меня они умерли?

- Не думай об этом, - быстро отозвался Мазай. - Ты не виноват.

- Но если бы я не решил...

- Ты же не знал, что не справишься со стаей, верно? - с тяжелым сердцем возразил сталкер. Знал, не знал... должен был подумать!

Змееныш как будто почувствовал невысказанное и опустил голову.

- Нет, виноват я. Ты это знаешь, и я знаю.

- Искать виноватого глупо, - отрезал Мазай. - Ты, я... Все виноваты, и надо думать, как жить дальше. Да, они погибли, зато ты понял, что не справишься со стаей кабанов. Что не убивает нас, делает нас сильнее. Теперь, когда ты знаешь границы своей силы, учись пользоваться ею так, чтобы не нанести никому вреда. - Мазай говорил с трудом, заставляя себя произносить слова утешения, понимая, что иначе глубина отчаяния Змееныша дойдет до предела, и кто знает, что случится тогда? Самого Мазая сейчас волновало, как объяснить Слону провал экспедиции, не подставляя мальчишку.

Миновав заминированный склон, они подошли к водокачке. Был поздний вечер, почти ночь, между облаками на Зону глядела молодая луна. В бараке сталкеров горели три окна, а в водокачке одно - Слон не спал. Ему сразу докладывают, что Мазай вернулся, хотя должен был отсутствовать еще дня три-четыре. И вернулся, почитай, один.

Когда подошли к железным воротам, во дворе залаяли собаки. Змееныш положил ладонь Мазая на локоть.

- Я пойду к Слону, - сказал он. - Я виноват, буду отвечать.

- Кто там? Чего надо? - раздался с той стороны бетонного забора сиплый, заспанный голос. Их не ждали.

- Отворяй, свои, - буркнул Мазай и в тусклом лунном свете взглянул в черные глаза Змееныша. - Ты спать иди, вон качает тебя. С утра к Слону пойдешь.

Мальчишка опустил голову. Лязгнув засов, заскрипела воротина, в просвет высунулась взъерошенная голова. На стволе автомата блеснул лунный блик.

- Мазай, вы чего? Третьего дня должны же... А где?... - вопрос повис в воздухе. Мазай прошел мимо охранника, сгибаясь под тяжестью рюкзаков - взял все, что смог унести, из снаряги и оружия, не пропадать же добру. За ним, глядя в землю, скользнул Змееныш.

- Чё случилось-то? - спросил охранник, закладывая обратно засов и запирая замки, хотя и не ждал ответа - понимал состояние вернувшихся, видел их лица. Вскоре все само прояснится...

Где-то хлопнуло окно, кто-то выглянул, раздался удивленный возглас. Мазай направился к складу, сгрузил на крыльцо рюкзаки и оружие, крепко взял Змееныша за плечо и повел в кухню. Змееныш дернулся, пытаясь вырваться из хватки, но тут же поник и больше не сопротивлялся, даже глаз не поднимал.

- Поесть тебе надо, - сказал Мазай. На душе лежала неподъемная тяжесть, и он не знал, что с этим делать. Подходя к ярко освещенному прямоугольнику двери, сталкер положил руку на плечо Змееныша и добавил вполголоса: - Слушай, эй! Посмотри на меня. А теперь запомни: нам остается принять то, что произошло, и научиться с этим жить. Ты понял?

На кухне было тихо и прохладно, плита погашена. Варвара сидела на табурете, водрузив на нос очки с погнутой дужкой, читала газету. На столе стоял поднос с большим латунным кофейником, кружка с недопитым кофе да тарелка ватрушек.

- Слышь, Заточка, что удумали наши-то... - начала она, поднимая глаза от газеты, и ахнула. - Мазай!

Бросив газету, женщина всплеснула руками.

- Что такое?!

- Потом, Варя. - Мазай толкнул Змееныша вперед. - Накорми его и уложи спать, сделай доброе дело. А я пока вещи сдам...

- Ох ты ж, это что же такое делается-то? - Варвара вскочила, схватила Змееныша за плечи, встряхнув, заглянула ему в глаза. Усадив, быстренько достала новую кружку, плеснула туда щедрую порцию кофе, добавила молока и сунула мальчишке под нос. Подвинула тарелку с ватрушками.

- Разве ж можно ребенка в Зону тягать?! - Кухарка села с другой стороны стола, растерянно посмотрела на Мазая. - Что, никого больше?... - спросила она и прикрыла рот ладонью.

Мазай отвернулся. Варвара всхлипнула, но сразу утерла глаза и принялась подливать Змеенышу кофе - хотя тот к кружке даже не притронулся.

- Пей, кушай булочки-то, - уговаривала Варвара, и низкий голос ее журчал, как ручей по камням. - Тебе в себя надо прийти, а в таком деле кофе лучший помощник. Или, может, еще... - она нерешительно оглянулась на буфет, где за стеклом стояла бутылка коньяка.

Оставив Змееныша под присмотром Варвары, сталкер вышел на двор. Там уже собрались трое, ждали его.

- Ну, случилось чего? - Они окружили Мазая.

- Идите вы, а? Ну не до вас сейчас, - хмуро отозвался хромой. - Игнат где? Мне снарягу сдать надо.

- Слон еще не спит, - сочувственно отозвался кто-то. - Заточка уже спрашивал, к хозяину докладывать побег...

- Ты иди, мы снарягу покараулим, - добавил подошедший охранник. - Тут ведь лучше сразу, чем тянуть.

- Да вон уж и идет Игнат-то, - сказал еще кто-то.

- Ну, бывай, Мазай, - добавил другой голос.

Они считай что прощались с ним. Хозяин такого не любил, не прощал. В Зоне всякое бывает, ясное дело, но Слон на то и Слон, неудачников да неумех не держит, у него всегда все в ажуре, потому и стал он Большим Хозяином и Лесной Дом себе отгрохал, и военные у него в друзьях...

Мазай показал на снарягу подошедшему Игнату и зашагал к водокачке. Почему Заточка его еще не кличет? Задержался, хозяину докладывая, слюной от злой радости брызжет: наконец-то Мазай прокололся, а то больно высоко нос задирает...

Но не мелкого подхалима Заточку боялся Мазай и даже не Слона. И за себя он не очень-то переживал. Хороший сталкер, умелый и многоопытный, везде найдет себе место. Что со Змеенышем будет, что Слон с мальчишкой сделает? Как бы так обсказать все, чтобы выгородить малого? Эх, надо было сговориться заранее! Он остановился на крыльце, оглянувшись на сгрудившихся у склада сталкеров, махнул рукой и вошел внутрь.

На лестнице было темно, сверху доносились приглушенные голоса - это в кабинете. Заточка докладывает... Или нет, голос сердитый, значит, Слон. Хотя у того голос ниже, громче... Мазай ненадолго задержался на ступеньках: у хозяина гости, можно оттянуть неизбежное...

И тут же пошел быстрее, спотыкаясь в темноте, не веря себе. Не мог Змееныш обойти его, пока он со сталкерами во дворе говорил, Варвара не отпустила бы мальчишку!

Дверь была заперта.

Громкие голоса Змееныш слышал еще на лестнице. Когда он вошел, Слон с Заточкой жарко спорили. Они уставились на ночного гостя, как на привидение. Слон сидел за столом,

порученец стоял рядом, наклонившись, что-то доказывал, размахивал руками. При виде мальчишки Заточка замер в нелепой позе, отставив зад и раздвинув локти.

- Ты! - выдохнул он наконец и тряхнул головой, как собака. Сунув руки в карманы, отступил к своей табуретке у раскрытого окна, сел, закинул ногу на ногу, выставив острое колено. - Чего надо?

Змееныш спешил сюда, чтобы опередить Мазая, но по дороге все равно пытался обдумать, что говорить, - и ничего не сообразил, решил действовать по наитию.

- Мазай не виноват, - выпалил он с порога. - Он не виноват, не наказывай его.

Слон не двигался, только брови слегка приподнялись.

- Да? - проговорил он неторопливо. - То-то я удивился. Мазай сталкер умелый, хоть и связался с таким, как ты. А кто виноват? Кого наказывать?

Заточка пошевелился, собираясь задать вопрос, но Слон опередил его:

- Двери закрывай, когдаходишь.

Справившись с первым удивлением, босс развалился в кресле, одной рукой уперся в подлокотник, задрав локоть, другую положил на стол.

Змееныш обернулся, прикрыл дверь и сдвинул задвижку, хотя хозяин приказал только закрыть, не запирать, но он не хотел, чтобы Мазай появился в кабинете до окончания разговора.

- Это все я! - с вызовом повторил он, глядя Слону в глаза. - Я поднял кабанов.

Заточка вскочил с табуретки, вновь наклонился к хозяину и зашептал что-то, но тот лишь дернул плечом, отмахиваясь.

- Что ты сделал? - Слон все расслышал, но не был уверен, что правильно понял. - Поднял кабанов? Спугнул то есть? - Пальцы лежащей на столе руки дрогнули, пару раз поднялись и опустились, издав едва слышный стук.

- Да... то есть нет. Я прогнал псевдопса, но с кабанами не справился. Они оказались сильнее меня, ну и... - Змееныш поник.

- Погодь, малой. - Слон наклонился вперед, упершись большими ладонями в стол, вперил в Змееныша мрачный, подозрительный взгляд. - Объясни еще раз, что ты сделал?

- Да кабанов спугнул, и те затоптали всех! - не выдержал Заточка. Ему не терпелось нашептать Слону что-то свое, однако тот наградил порученца гневным взглядом и вновь повернулся к ночному гостю.

- Что значит «не справился»? Ясное дело, ты и не мог справиться с мутантами. Даже опытный сталкер не выстоит против стаи. Что ты несешь? - В голосе хозяина прорезались нетерпение и злость, он хищно подобрался, лоб пересекла глубокая морщина. Угроза - явственно ощутимая, горячая угроза - повисла в кабинете, Змееныш почувствовал ее, для него угроза была как душный пар, от которого неприятно першило в горле, перехватывало дыхание и слезились глаза.

- Я мог их прогнать, как и псевдопса, - повторил мальчик, недоумевая, почему Слон так агрессивен, а еще - почему он все никак не поймет, что Змееныш имеет в виду. - Но не рассчитал и... - он вновь потупился и повторил тихо: - Мазай ни при чем, не трогай его.

- Выкинуть вон, и дело с концом! - воскликнул Заточка. Змееныш даже не посмотрел на него, думая о своем и машинально теребя задвижку контейнера, до сих пор висевшего на поясе. На кухне Варвара сказала ему, чтобы снял контейнер да выставил «эту гадость» наружу, под дверь, но он не послушал, а после, как только она отвернулась, так и вообще слинял оттуда, бегом, чтобы незаметно опередить Мазая, который в темном дворе разговаривал со сталкерами.

Слон в задумчивости откинулся на спинку кресла, взгляд его тревожно бежал высокую тонкую фигуру Змееныша. Заточке, который заглядывал хозяину в лицо, показалось даже, что в прищуренных глазах мелькнула опаска. Большой Хозяин испугался какого-то щенка - не может быть! Да нет, точно нет, он просто прикидывает, как извлечь из этого выгоду... Вдруг Слон стукнул кулаком по столу.

- Кабанов он поднял, болотник нашелся! Мне все ясно. Выгораживаешь этого... Дьявол с вами с обоими, мне плевать, кто виноват. Я одно знаю: я дал вам оружие и снарягу, чтоб вы мне хабар принесли. Жратву, опять же. Короче, нехило потратился. Раз пришел ты - тебе и

отвечать. И Мазаю своему скажи, хотя чего там, я и сам скажу. - Слон криво усмехнулся. - Короче, ты попал на бабки, пацан. Раз виноват, плати. Я с вашей экспедиции ждал возврата тысяч на пятнадцать, не меньше. Там после последнего выброса знаешь сколько артефактов должно быть? Я уже с кем нужно договорился и что теперь людям скажу? Из-за тебя, выходит, хорошего человека подставил... Сумел ты дров наломать по-взрослому - расплачивайся как большой. Думал я тебя после проверки взять в долю, как настоящего сталкера, а теперь будешь за еду работать да за крышу и артефакты добывать в счет долга. Должен ты мне теперь, ясно? Я и так тебя сколько лет кормлю задарма, хватит.

- Меня не ты кормил, а Мазай, - глухо ответил Змееныш, не поднимая головы.

- Как же, - хмыкнул Слон. - А Мазай чью еду жрал? Я тут всех кормлю.

Заточка неприятно засмеялся.

- Ишь чего удумал, - блестя мелкими острыми зубами, прошипел он. - Дармоед!

Змееныш вскинул голову, длинные волосы рассыпались по плечам, челка упала на глаза, он сдунул ее.

- Бреешь, - процедил он, кривя губы, и Заточка удивленно моргнул - лицо мальчишки на мгновение приобрело какое-то звериное выражение. - Ты из Мазая вычитал за мое содержание, я знаю. Бреешь.

Слон побагровел.

- Пес брешет, мутантский выкормыш! Ты меня учить жить будешь?! И дальше стану вычитывать, вдвое против прежнего, и с тебя потребую, чтоб отдавал!

- Да пошел ты! - звонко ответил Змееныш. В голосе не было обиды, только упрямство и уверенность в своей правоте. - Мы с Мазаем от тебя уйдем, сами заживем. Я ему сейчас скажу - соберемся и до утра уйдем, чтоб харчи твои убогие не жрать. На, забирай, урод жирный...

Он щелкнул застежкой контейнера, крышка на пружине подскочила, открывая ряд ячеек.

Слон в бешенстве вскочил, глаза налились кровью, сжав кулаки, он шагнул к Змеенышу. Заточка, с тревогой следивший за хозяином, бросился вперед:

- Не надо, не марай руки, я сам разберусь!

Он выхватил нож, лезвие блеснуло в тусклом свете, падающем между пластиковыми полосами жалюзи. Они едва заметно покачивались - окно было приоткрыто, ночной ветерок задувал в кабинет. Змееныш сунул руки в контейнер и схватил лежащие там два артефакта. Заточка от изумления замер на месте, разинув рот. Голыми руками!

...И с криком повалился на пол, прикрыв голову, когда Змееныш соединил «слизь» с «шрапнелью» в комок (тот мгновенно запузирился, исходя сероватой грязной пенкой, зашипел, как клубок рассерженных змей) - и кинул сборку ему под ноги.

«Слизь» шипела, обволакивая «шрапнель» пеной. В обычных условиях сработавшая шрапнель разлетается сотнями комочков, пробивающих сантиметровую доску. Но «слизь» заморозила реакцию с одной стороны артефакта, переместив вектор приложения сил в противоположное направление, - когда «шрапнель» сработала, это напоминало кумулятивный взрыв.

«Шрапнель» снесла левую тумбу антикварного стола, взметнулись щепки и труха, мельчайшая древесная пыль наполнила кабинет. Заточка со змеиной ловкостью перекатился, уходя от тугой струи осколков, вжался в стену. Змееныш, зажмурившись, метнулся к окну.

Наполовину ослепший, присевший за столом Слон рванул ручку верхнего ящика и схватил пистолет. Моргая и шурясь, повертел головой, пытаясь сориентироваться. Сквозь заполнившую комнату опилочную пелену он заметил силуэт в окне и нажал спусковой крючок.

Пуля ударила в жалюзи над головой. Нырнув между ними и стеной, Змееныш взлетел на подоконник, коленом толкнул окно, качнулся вперед, упершись в край подоконника, кувыркнулся - и повис, спиной прижавшись к стене. Повернулся, просунув пальцы левой руки в щель между бетонными блоками, скользнул вниз.

Голоса стали громче, Мазай услышал ругань Слона, затем все смолкло. Сталкер занервничал. Что там? Что со Змеенышем?

И тут в комнате гроыхнуло. Дрогнул пол, что-то тяжело заскрипело на крыше бывшей водонапорной башни. На секунду Мазай замер, прислушиваясь, потом бухнул кулаком в дверь.

- Открывайте! Что у вас творится?!

Ответом был истошный крик Заточки - и два выстрела из ТТ. Мазай отступил на пару шагов, быстрым взглядом окинув разболтавшиеся петли, бросился к двери и врезался в нее плечом. Раз, другой... Хромая нога болела и мешала, на тесной площадке нельзя было взять нормальный разбег. Сталкер вновь навалился на дверь - она распахнулась, и Мазай едва не упал на Слона.

- Ты?! - взревел хозяин. Мазай еще никогда не видел его таким: рожа красная, глаза выпучены, руки трясутся от бешенства. - С дороги!!!

Страшный удар обрушился на хромого, швырнул к стене. Сталкер свалился в углу, приподнялся, тряс головой. Глухой болезненный гул заполнил сознание.

- Я вокруг башни, а ты к бараку! Поднимай всех, пока он не ушел!

Раздался стук быстрых шагов, заскрипели ступени. Мазай увидел, как за хозяином, пригибаясь и держась за локоть, к лестнице метнулся Заточка - лицо перекошено, весь осыпан трухой, на лбу кровоточащая царапина.

Мазай встал, постучал кулаком по плохо гнущемуся колену и на всякий случай заглянул в комнату, хотя и так было ясно, что Змееныш сбежал - через окно, как же еще. Внизу грохнула дверь, приглушенные голоса донеслись снаружи. Подволакивая ногу, сталкер поспешил вниз. Если эти двое в таком состоянии догонят пацана...

Змееныш скользнул по стене, держась одной рукой за штырь, ногой нашарил карниз над окном нижнего этажа - узкую полочку в одну доску. Она прогибалась и скрипела даже под его небольшим весом. Ветер растрепал волосы, рубаха на спине вздулась пузырем и опала, хлопнув по спине. Змееныш встал, балансируя на карнизе, отпустил штырь и прыгнул спиной вниз. Чтобы спуститься по стене водокачки, требовались ловкость и сноровка - все это у него было.

Однако сейчас прыжок получился неудачным: рукав зацепился за штырь, железка процарапала запястье, тело дернуло, и Змееныш не спрыгнул на подоконник, а тяжело упал, вцепившись в полку одной рукой.

Он повис, болтая ногами. Змееныш слышал, что творилось в комнате, слышал крик разъяренного Слона и понимал, что может не успеть. Быстро глянув вниз - до земли еще пару метров, - разжал пальцы, оттолкнулся от стены, сгруппировавшись, упал на обе ноги. Перекатился, вскочил и побежал. Рукав был разорван почти до плеча, запястье и локоть саднило.

Сбоку хлопнула дверь, в кирпичном бараке вспыхнул свет, раздалось недовольные голоса сталкеров, которых поднимал Заточка. Змееныш повернул за водокачку - и налетел на выбежавшего из башни Слона.

Ни слова не говоря, тот с громким выдохом ударил мальчишку в лицо, но не дал упасть - ухватил другой рукой за плечи и притянул к себе. Голова Змееныша мотнулась, из разбитых губ брызнула кровь, он задергался в крепкой хватке Большого Хозяина.

Вывалившие из барака полуодетые вооруженные сталкеры спешили к ним. Слон, громко сопя, потянулся к тонкой шее Зееныша, но схватить не успел. Подавшись вперед, Змееныш вцепился зубами в волосатое запястье, со всей силы сжал челюсти и прокусил кожу. Слон, вскрикнув, толкнул мальчишку, повалил на землю, присел и стиснул его горло огромными руками.

- Хватай щенка! - крикнул Заточка из освещенного прямоугольника двери, но люди Слона остановились, опустили оружие. Кого хватать? Что происходит? Почему хозяин напал на Змееныша, ведь он свой?

Из водокачки выбежал Мазай. Змееныш дергался, но вырваться не мог. Слон придавил его к земле и навис, сжимая горло.

- Стой, сволочь! - Заточка, метнувшись наперерез Мазаю, подсек его под хромую ногу.

- Э-э, ты чё делаешь?! - Игнат шагнул к ним. Порученец наклонился над упавшим Мазаем - и с утробным протяжным хрипом отлетел назад, получив сильнейший удар под дых.

Мазай встал, волоча ногу, сделал еще пару шагов и навалился на хозяина, отдирая его руки от горла полумертвого Змееныша. Порученец упал на колени, прижимая руки к брюху, а на земле в лунном свете блеснул выроненный им самодельный нож с неровным лезвием. Хромой, широко расставив ноги, присел и просунул руки под мышки хозяина, надавил, разжимая смертельную хватку. Пытаясь вдохнуть, Заточка начал подниматься, чтобы броситься на помощь хозяину, - но ощутил на плече тяжелую ладонь, поднял глаза и увидел стоящего над ним Игната. В руке старого сталкера был пистолет.

Змееныш вывернулся из-под Слона, отполз и приподнялся на локтях. Тряхнув головой, вскочил на ноги - окровавленные губы распухли, рукав оторван, на горле багровые пятна. Слон, сведя над переносицей брови, наморщил лоб, сцепил зубы - и начал вставать, приподнимая Мазая. Когда колени того оторвались от земли, Слон повел плечами - и скинул хромого. Развернувшись, врезал ему кулаком в грудь и шагнул следом за отлетевшим телом. Лицо хозяина было страшным, выпученные в ярости глаза налились кровью. Змееныш с угрюмым ожесточением кинулся за ним, прыгнул на спину. Мазай тяжело поднялся, опираясь о стену водокачки. Слон перехватил Змееныша за руку, глухо хекнув, швырнул на землю. Мальчишка ударился спиной, перекатился, встал на колени, качая головой - перед глазами плыло.

- Хозяин, чё такое? - неуверенно окликнул один из сталкеров, столпившихся неподалеку.

- Убью! - прорычал Слон, шагнув к Змеенышу, но Мазай, нагнувшись, боднул его в живот - и, неожиданно для всех, сумел свалить с ног.

- Беги! - крикнул Мазай, падая вслед за хозяином, и захрипел: Слон схватил его за горло. Змееныш встал, пошатываясь, сделал шаг, второй. Заточка зашипел, вывернулся из-под руки Игната, вскочив ему навстречу. Не замедляя шага, Змееныш наклонился, тут же выпрямился, поднял руку - в ней блеснул самодельный нож порученца. Их взгляды встретились... и Заточка попятился, скалясь. Часто облизывая сухие губы, порученец выставил перед собой руки. Он был амбидекстром, хотя отродясь не слышал таких мудреных слов, - владел правой и левой рукой одинаково. Узкие серые кисти его, ненормально длинные, расслабленно покачивались, Заточка стал похож на тощую обезьяну с безумными дикими глазами. На полусогнутых он сделал шаг вслед за Змеенышем, который не оборачиваясь уходил прочь. Потом второй, третий... Ствол пистолета уперся ему между лопаток, и голос Игната произнес:

- Стой, сука! На месте!

Заточка с ненавистью заурчал, видя, что мальчишка уходит, но потом глаза его стали осмысленнее, сгорбленная спина распрямилась, и руки опустились.

- погоди, Змееныш! - крикнул кто-то из толпы. - Там же мины!

Мальчишка исчез в темноте. Порученец развернулся, коротко глянул на Игната, шагнув мимо него, крикнул остальным:

- Хватайте его, чего встали?!

Сталкеры в ответ загомонили - никто не решался в темноте спускаться по заминированному склону. Все прислушались, вытягивая шеи, глядя вниз между хибар. Взрыва не было.

- Вон! - крикнул кто-то, тыча пальцем.

Тонкая фигурка мелькнула между брошенными избами у основания холма, исчезла и возникла вновь уже на опушке.

Мазая оттащили от Слона. Тот поднялся, тяжело дыша, утирая разбитый рот. Лицо было темным от гнева.

- Дай сюда, - велел он, вырвал пистолет у Игната. Взвел курок и наставил на хромого. Тот выпрямился, неловко вывернув больную ногу.

Слон в упор глядел на Мазая, палец на спусковом крючке не дрожал.

Сталкеры зашумели, зароптали.

- Хозяин! - негромко окликнул Заточка, осторожно подходя к Слону сбоку, и прошептал: - Не сейчас.

Не опуская оружия, Слон покосился на людей. Мазай стоял молча, слегка морщась от боли в ноге, презрительно смотрел на Слона. И Большой Хозяин наконец сообразил, как все это выглядит со стороны: он пытался убить Змееныша, Мазай защищал пацана... Десяток настороженных взглядов буравили его. Люди не поймут. К тому же, если прикончить Мазая сейчас - кто деньги отдавать будет? Слон плюнул под ноги хромого, скрипнул зубами и опустил оружие.

- Утром придешь ко мне, - бросил он, развернулся и тяжело, устало зашагал к двери водокачки.

Глава вторая. Лесной дом и окрестности. В глубь зоны

1

В большой спальне было темно, только через дальнее, не до конца занавешенное окно пробивалась полоска лунного света. Мазай одетый сидел на койке, свесив руки между колен. Идти с утра к Слону равносильно признанию своей вины. Хозяин ошибок не прощает, особенно когда речь идет о деньгах или самолюбии, а они со Змеенышем посягнули и на то, и на то. Экспедиция накрылась, Слон лишился артефактов и людей, да еще на глазах у всех ему было оказана вопиющая непокорность, а мальчишка сбежал, Большому Хозяину подбили глаз... Удивительно, как Слон сдержался и не пристрелил Мазая на месте. Значит, жадность пересилила. То есть хозяин поставит сталкера на счетчик, придется отдавать ему артефакты в счет долга, работать бесплатно, по сути, сделаться рабом. Мазай и корпоративную дисциплину не любил, старался чаще бывать в поле, чтобы меньше приказам подчиняться, самому себе быть барином. А тут он и слова поперек не сможет сказать. Накрылась его репутация удачливого командира - вся команда погибла... сколько лет они были вместе? Мазай до хруста сжал пальцы, мысленно извинившись перед умершими напарниками, что не уделяет им сейчас в памяти своей должного внимания. Теперь надо думать о другом, о насущном. Рабство у Слона - нет, это не для него.

Надо уходить. На север, подальше - в глубь Зоны.

Наклонившись, он тихо вытащил из-под кровати рюкзак, открыл старую тумбочку, переложил в рюкзак зубную щетку и мыльницу, подумав, забрал и потрепанный томик рассказов О'Генри, который иногда перечитывал. Сюда он больше не вернется.

Стояла тишина, лишь в углу негромко, с переливами, храпел Филин, да Заика на соседней койке, как всегда, сопел и бормотал во сне. Мазай поднял рюкзак и медленно, подволакивая ногу, двинулся к выходу. Половицы едва слышно поскрипывали под толстыми подошвами армейских ботинок. В соседней комнате Мазай остановился перед рядом железных шкафчиков, пошарил по карманам в поисках ключа. Раньше личное оружие хранилось в стеллаже, но после того как исчезла пара стволов, Слон приказал соорудить эти шкафчики и вручил ключи постоянно работающим на него сталкерам.

Оружие старое, заедает иногда, с сожалением подумал Мазай, доставая из своего отсека самозарядную винтовку. И патронов всего ничего... Он взял жестянку, сунул в боковой карман рюкзака и запер дверцу. Вышел на крыльцо, огляделся. Был тот предрассветный час, когда небо уже светлеет и на востоке появляются первые проблески зари, но ночь еще не отступила. Горизонт затянуло облаками, влажная хмарь стояла в воздухе. Ссутулившись, закинув рюкзак на спину, Мазай пересек двор и толкнул дверь кухни - надо нагрузиться едой, пока Варвара не поднялась.

В тусклом свете луны, падающим сквозь незанавешенное окно, он открыл холодильник.

Варвара замерла в дверях, ведущих из бокового коридора в кухню. Засаленный ситцевый халат завязан кое-как, полы разъехались, открывая длинную ночную сорочку,

спадающую с необъятных грудей. Кто-то вломился в ее святыню! Рука сама нашла на стене рукоять тяжелой чугунной сковороды...

- Получай, ворюга, кровосос тебя укуси!

Тетка Варвара взмахнула своим оружием над головой вынырнувшего из холодильника злодея - и тихо ахнула.

- Мазай, это ты?

Толстые пальцы ослабели, сковорода выскользнула и грохнулась на пол. Варвара запахла халат, бессильно опустилась на табурет возле стола.

- Уходишь? - шепотом спросила она, прижав руки к груди.

- Тихо, Варя. - Мазай нагнулся, поднял тяжелую сковороду. - Ты все знаешь уже, да? Раз так, сама понимаешь, мне здесь больше жизни не будет.

Кухарка мелко закивала, потом, спохватившись, поднялась, стала открывать шкафы, вынимать всякие продукты.

- Держи вот буханку, тушенку еще возьми... Колбасу нашел?

Вместимость у рюкзака не бесконечная, поэтому Мазай отложил часть еды.

- Не суетись, Варя. - Он покидал продукты в мешок, затянул, повесил за спину. - Спасибо.

- Ты иди, иди, - испуганно зашептала кухарка, через плечо сталкера выглядывая в окно. - Заточка что твой петух, с зарей встает, не дай бог увидит... - Она то ли вздохнула, то ли всхлипнула, села, подперев щеку пухлой ладонью. - Береги себя, Мазаюшка, пусть мутанты обходят тебя стороной...

Мазай неловко махнул Варваре и вышел на крыльцо. Темнота сменилась густыми сумерками, небо на востоке светлело, облака у горизонта заалели. Сталкер окинул последним взглядом Лесной Дом: бывшую водокачку, жилой барак, кухню со столовой, строящийся гараж, россыпь старых домишек на склонах, туманный лес внизу. Больше он этого не увидит - да и ладно. Здесь прошла немалая часть жизни, спасибо этому месту, пора подыскивать новое.

С этими мыслями Мазай спустился по трем невысоким ступеням и тут заметил на лавке возле склада - добротного деревянного сарая на бетонном фундаменте - сгорбленную фигуру. Поколебавшись, Мазай приблизился к сидящему на скамье Игнату.

- Чего не спишь? - тихо спросил он.

Игнат поднял голову, оглянулся, встал и поманил Мазая. Дверь склада оказалась открытой, не пришлось греметь замком и ключами. Внутри было прохладно, резко пахло смазкой.

- Я знал, что уйдешь, - прошептал завхоз, доставая из-под полы толстовки фонарик и освещая стеллажи. - И правильно, чего там. Слон думает, он хозяин жизни, а не своего Лесного Дома, поэтому людей совсем не ценит, старается каждого подмять. И того не понимает, что людям может быть обидно... - Бормоча, Игнат убрел в глубь склада и скоро вернулся, неся на плече новенький «калаш», а в руках по пистолету. Карманы его оттопыривались. Мазай подставил рюкзак, завхоз сгрузил туда несколько коробок патронов и хороший охотничий нож в кожаных ножнах.

- Пойдем вместе? - неожиданно для себя пригласил Мазай. - Будешь, как и я, вольным сталкером.

- Бери, бери, пригодится, - вручая пистолеты, повторял Игнат, как будто Мазай отказывался. Он словно не услышал слов хромого. - И «калаш» возьми, я-то помню, что твою винтовку менять пора, сам ведь выдавал... - Он замолчал, глядя, как Мазай застегивает потяжелевший рюкзак и надевает лямки, озабоченно добавил: - Куртка-то у тебя прорвалась, смотри вон, на локте...

Мазай качнул головой:

- Некогда уже менять. Светает, пойду я.

Игнат проводил его до выхода, прикрыл дверь. Прислонившись к стене, ссутулившись, пробормотал:

- Куда уж мне. И ты вон немолод, а я совсем старый, чтоб по болотам за мутантами скакать да на земле спать. Место тут теплое, кормят... Я уж тут теперь до конца, видно. А тебе удачи.

Мазай кивнул, помедлив, неловко хлопнул Игната по плечу и пошел прочь. Он хотел побыстрей разыскать Змееныша.

Кровь стучала в висках, лоб пылал. Змееныш бежал, то и дело спотыкаясь. Ему было очень плохо. Болела обожженная рука, бровь рассек темно-розовый рубец - след от ветви, хлестнувшей по лицу, когда Змееныш прыгал на осину, уходя от внезапно выросшей на пути жарки.

Однако хуже физической боли была другая - душевная. Мысли мешались, в ушах шумело, голова кружилась, из-за этого Змееныш и не заметил ту аномалию, не ощутил ее, как обычно. Он понимал, что заболевает от переживаний последних двух дней, что ему надо укрыться, спрятаться в норе и отлежаться, как раненому зверю. Но останавливаться опасно, за ним могут гнаться, нужно уйти подальше в Зону, покинуть территорию Слона.

Когда Мазай учил подопечного сталкерскому ремеслу, то показал ему два своих схрона недалеко от границы - хорошо бы добраться до одного из них. Змеенышу больше нравилась покосившаяся избушка посреди еловой рощи. Маленький домик, почти сарай, стены из дранки - Мазай когда-то сам сколотил его посреди молодого ельника, и теперь, спустя десять лет, деревца, еще не очень высокие, но раскидистые, пушистые, целиком скрыли избушку от посторонних глаз. Про нее, кроме хромого, знали еще только Тетеря да Поршень, но их теперь нет. Змееныш скрипнул зубами. Не думай об этом! В Зоне такое с любым может произойти, нельзя предугадать, откуда появится опасность. Нет его вины в том, что кабаны затоптали сталкеров. Или есть?

Он поднырнул под нависший над тропой ствол старого бука, вершина которого лежала в развилке ветвей осины. И не заметил сухой сук, торчащий вниз, задел его больной рукой, вскрикнул, но не остановился. Так мне! - ожесточенно думал он. Я заслужил эту боль, ведь из-за меня погибли люди. Если бы я не решил тогда показать свою крутость, не тронул кабанов - мы бы обогнули их и все были живы.

Сил оставалось все меньше, воздух с хрипом вырывался из груди, царапал горло. Второй схрон располагался ближе, но был менее надежен. Просто яма под замшелым бревном - Мазай ее расширил, укрепил стенки, выстлал дно железными листами. Под одним из них хранилось оружие и кое-какие консервы. В яме можно спокойно пересидеть с неделю, но ее легче найти, чем домик в ельнике, вход Мазай замаскировал под звериную нору и ничем не закрывал, внутри запросто мог поселиться кровосос или псевдоплоть. Хотя яма находится во владениях Слона, тут мутанты почти не встречаются, обжитая территория, - но ведь «почти» не считается. С кабанами он тоже почти справился, а что получилось?

Не думай! - вновь одернул себя Змееныш, и тут же, словно в насмешку, носок ботинка задел вылезший поперек тропы корень. Парень полетел носом вперед, лишь в последний миг выставил руки, задержав падение. В обожженную ладонь впилась шишка, и Змееныш взвыл сквозь зубы. Вскочил, задыхаясь, прижал руку к груди и побежал дальше, вернее, поковылял. Сильно заболела нога, ладонь саднило, будто углем прижгли.

Но мысли упорно возвращались к тем событиям. Снова и снова перед внутренним взором вставала предательская воронка, в которой погиб Тетеря. Аномалия издевательски скалилась, ее тусклая аура в воспаленных глазах Змееныша сияла, словно прожектор, заслоняя путь. Он вскарабкался по склону, здоровой рукой придерживаясь за кусты, растущие по краям тропы. Воронка продолжала скалиться, она вращалась, быстро передвигаясь с места на место, словно приплясывая, вызывая у Змееныша головокружение и тошноту.

А затем на миг наступила ясность, мутная пелена рассеялась, и Змееныш увидел перед собой, меньше чем в трех метрах, настоящую воронку. Только эта аномалия была не плодом воображения, не горячечным бредом - она висела над тропой, и Змееныш ковылял прямо в нее. Он еще не чувствовал действие воронки, время для него будто замедлилось - настолько ему было плохо, с таким трудом он вбиринимал окружающее, - но Змееныш видел, что она

уже включилась, от нее начали расходиться видимые лишь ему одному волны - как мелкая рябь на воде.

Прыгать сил не было. Змееныш повалился на землю и бездумно, бессильно покатился с холма, двигаясь будто сквозь глицерин. Воронка раскрутилась, и его потянуло обратно, все сильнее - поволокло сквозь кусты вверх по склону.

Он развернулся, цепляясь за траву. Стебли резали больную ладонь в кровь, но Змееныш не чувствовал. Мутно глянув вокруг, он выгнулся, вытянул руки и схватился за ствол старого дуба, на который едва не упал.

Обхватив дерево, замер на секунду, пытаясь вдохнуть. Воздух застревал в горле, как влажная вата. Аномалия казалась ему кровососом, протянувшим десятки смертоносных щупалец, которые схватили за руки и ноги - и тащат, тащат, утягивают в жуткую красную пасть...

И тут воронка выключилась. Змееныш обмяк, потом стал выпрямляться, придерживаясь за ствол. Постоял, прижавшись лбом к изрытой трещинами коре, поднял голову, собираясь бежать дальше, - и увидел в густых сумерках, что сверху одна трещина расширяется, превращаясь в дупло.

В другое время забраться на два метра по корявому стволу не составило бы для Змееныша никакого труда. Но сейчас мышцы ломило, кружилась голова - он и сам потом не мог понять, как все-таки сумел залезть. Почти в полном беспамятстве Змееныш уселся на краю дупла. Здесь его не найдут...

Глухое ворчание раздалось совсем рядом. Он покачнулся, упав на бок, съехал на подстилку из листьев и травы - и увидел в полутьме прямо перед собой морду псевдоплоти. Как она оказалось тут, на дереве?

Псевдоплоть испуганно заворочалась - она не ожидала вторжения. Взметнулись клешни, мутант хрюкнул, метя человеку в глаз.

Это был конец. Уже не соображая, что делает, Змееныш скользнул в сторону, спиной уперся в стенку дупла, ногами - в щетинистый бок мутанта и с силой пнул его, испустив болезненный полукрик-полустон.

Вместе со звуком из глубины его существа плеснулась горячая волна боли и злости. Псевдоплоть утробно заурчала - и вылетела из дупла. Оглушенная незримой волной, которую исторг Змееныш, она рухнула в траву, поднялась, шатаясь, и быстро заковыляла прочь, слабо похрюкивая. Несколько секунд Змееныш, приподнявшись, глядел ей вслед, а потом сил не осталось совсем, и он повалился на бок, закрыв слезящиеся глаза, замер в прелой, теплой полутьме.

Он не увидел, как ошеломленная псевдоплоть, бредя, словно пьяная, попала в воронку, не слышал ее короткого истошного визга - он провалился в небытие.

В комнате Слона на третьем этаже не было окон, поэтому никто не знал, что хозяин всю ночь не спал.

Он сидел на низкой кровати, рядом на полу стоял стакан, в руках Слон держал полупустую бутылку «Блэк Джека». Янтарная жидкость покачивалась в стекле - у Слона слегка дрожали руки.

- Такой же заносчивый, - пробормотал он, трясая головой. - Такой же гордый, как... - встряхнув бутылку, Слон поднял ее, посмотрел сквозь остатки виски на тусклую электрическую лампочку без абажура, свисающую с потолка на синем проводе. Неаккуратно плеснул пойло в стакан, пролив почти половину, и сделал большой глоток. По полу растеклась оранжевая лужица.

Поперхнувшись и постучав себя ладонью по горлу, Слон глянул на часы - шестой уже, начинает светать. Одумался Мазай? Тоже гордец каких поискать. И чего они все выеживаются? Эти сталкеры думают, будто они вольные и могут делать все, что захотят. И ни у кого нет стратегического мышления, видения перспективы! Слон сжал горлышко бутылки, представляя, что берет за горло всех сталкеров и военных и всю Зону. Только он способен глобально мыслить, только он может планировать на много шагов вперед и твердой рукой вести своих людей к процветанию. К его, Слона, процветанию. Если, конечно, они будут его слушать. Дисциплина - обязательное условие. Эту Зону надо держать крепко!

Раньше Слон позволял Мазая кое-что, хотя тот и притащил в Лесной Дом Змееныша, - потому что Мазай был хорошим командиром и удачливым сталкером, всегда приносил приличный хабар. Но теперь пора поставить его на место.

Да, так Слон и сделает. Убивать Мазая нет смысла, с мертвого денег не возьмешь. Хозяин Лесного Дома поднялся, встал посреди комнаты, обводя ее мутным взглядом. Снял кожаную куртку, висящую на приоткрытой дверце шкафа. Треснутая полировка исказила красное лицо, он в сердцах плюнул на дверцу и вышел из комнаты.

Заточка, в одежде и ботинках, спал на раскладушке снаружи. Слон пнул его.

- Давай Мазая ко мне.

Порученец приподнял голову, потер опухшие глаза.

- Спит небось... - зевнул он.

- Тебя не спросили, - хмуро бросил Слон через плечо, спускаясь по винтовой лестнице на этаж ниже. Заточка уронил голову на подушку, потянул на плечо одеяло - но опомнился, встряхнулся, как собака, вскочил, подхватил с пола ветровку и поспешил вниз, стуча подошвами по ступеням. Слон уже скрылся в кабинете.

Хозяин успел развалиться в кресле, закурить толстую сигару, пустить в потолок густой клуб дыма - и начать нетерпеливо постукивать пальцами по столу. Куда они запропали? Уже должны быть тут, собираться-то Мазая не надо - он должен был не спать ночь, винить себя за тупость, думать, как оправдаться... Может, захочет поторговаться, хотя куда там, Слон ни копейки из своих денег не упустит. Будучи человеком деловым, он уже подсчитал, сколько и каких артефактов Мазая нужно принести, - это не на один год работы. Конечно, сталкер может заартачиться, да Слон все продумал. Раз отряд Мазая погиб, он больше не командир. Слон определит его в другой отряд, хоть вон к Болту или Маргоше, короче, к кому-то из тех, кто Мазая недолюбливает, - и велит присматривать за ним, чтоб не исчез ненароком. И никаких выходных, никаких отгулов и шатаний по барам... И - кстати! - чтобы ни сталкер, ни Змееныш, которого наверняка скоро найдут и приведут, не сбежали в другой раз - построить вокруг Лесного Дома хорошую стену, огородить водокачку и все хозяйственные постройки!

Размышления прервал робкий стук в дверь. Слону звук понравился - он свидетельствовал о смирении. Одумался Мазай, значит.

- Заходи, - почти благодушно отозвался Слон. Дверь приоткрылась, показалась голова Заточки.

- Можно? - спросил он.

Помощник был бледен, глаза бегали. Слон приподнялся, заранее наполняясь гневом.

- Чего еще?

- Мазай сбежал... - выдавил Заточка, не решаясь войти.

Слон медленно положил ладонь на женскую статуэтку.

- Вот как, - почти спокойно протянул он. Затем сжал глиняную головку - и швырнул пресс-папье в помощника. - Ну так за ним, идиоты!!!

Заточка успел отпрянуть, дверь хлопнула. Статуэтка врезалась в нее и сватилась на пол у порога.

- Бери двоих и без Мазая не возвращайся! - рявкнул Слон вслед. Упав в кресло, он сжал голову, трещащую после бессонной ночи и полбутылки виски. А ведь во всем виноват чертов Змееныш!

2

Рассвело. Мазай тревожился все сильнее: куда делся Змееныш? В схроне под бревном его не было, оставалась избушка, она ближе к границе подконтрольной Слону территории, но сумел ли мальчик добраться туда? Мазай видел, в каком состоянии тот сбежал - раненый, без еды, без оружия... Глубоко в Зону не мог уйти, должен был спрятаться в одном из схронов - там и припасы, и снаряжение, - дожидаться Мазая. Холодный пот пробирал сталкера, когда он представлял, что может статься с новичком в Зоне, да еще безоружным и

раненым. Хотя ведь Змееныш не новичок, даром что мало-летка, - Мазай сам обучат его. Все так, но в четырнадцать лет люди еще слишком беспечны, и случай с кабанами только подтверждает это. Конечно, Змееныш быстро учится, все схватывает на лету, из смерти группы, как бы она ни была трагична, он наверняка сделал практические выводы и больше не полезет на рожон... Не полезет? Но ведь полез к Слону защищать его, Мазай! Вперся перед сталкером в кабинет хозяина и неловким ведением разговора вызвал гнев - как до того вызвал гнев кабанов неумелой атакой на них!

Это все нервы, успокойся! - одернул он себя, шаря взглядом по подлеску вокруг тропы, высматривая какие-нибудь следы: сломанный сучок, примятую траву... Нет, ничего - и Мазай волновался все больше.

Вот и ельник. После бессонной ночи сталкер чувствовал себя неважно, последствия драки со Слоном - крупным сильным мужиком - тоже давали о себе знать: побаливала скула, ныла спина, в ногу стреляло. Поправив лямки рюкзака, Мазай прибавил ходу, раздвинул колючие ветки руками, протиснулся между густо растущими елочками и выбрался на полянку перед домом. Сердце упало. Задвинутый засов покрыт тонкой пленкой плесени - здесь никого не было с месяц, не меньше. Так что же случилось с пацаном? Неужели в расстроенных чувствах попался кабану на клык или в аномалию угодил? Да не может такого быть, он все эти аномально-мутантные дела за версту чувствует! Но почему тогда Змееныша нет ни в одном из схронов?

Мазай отворил низкую дверцу, вошел внутрь. Тут было тихо и промозгло, на полу слой пыли, ведро на лавке у входа заросло паутиной. Сталкер присел на лавку, скинув рюкзак. Надо отдохнуть и поесть, прежде чем двигаться дальше. Слон вышлет погоню, как узнает, что Мазай исчез.

Сталкер вытащил из рюкзака завернутые в газету бутерброды - щедро нарезанные сердобольной Варей хлеб и колбаса.

Долго задерживаться нельзя - опасно: схрон на территории Слона, где уже рыщут посланные хозяином люди. Наскоро перекусив, Мазай бросил скомканную газету в ведро, сорвав паутину, поднялся. По жестяному боку ведра просеменил недовольный паук. Закинув рюкзак за спину, сталкер вышел из домика, запер его на засов. Раздвинул ветви елочек...

Пуля ударила в ствол дерева, брызнули щепки, резко, едко запахло смолой. Свистнула над ухом и вонзилась в бровь острая щепка.

На краю большой поляны, начинавшейся за ельником, стояли Заточка, Маргоша и Болт, получивший свою кличку за специфическую форму головы. Ясное дело, Слон послал тех, кого Мазай терпеть не может, - самых поганых сталкеров Лесного Дома!

Мазай нырнул обратно в ельник, пригнувшись и кинув взгляд на избушку. Там отсидеться не получится, слишком хлипкая, к тому же его легко окружат, а он и не заметит - крутом густо растут елки, в которых можно и быка спрятать.

Кровь из пробитой брови заливала правый глаз. Сталкер выскочил с другой стороны ельника, преодолев широкую просеку, забежал за раскидистый дуб, под которым торчал пышный низкорослый куст. Его засекли - несколько выстрелов пропахали землю у ног, разбили в пыль кору старого дерева.

Хорошо, что Игнат по доброте душевной дал автомат. Высунувшись, Мазай вдавил спусковой крючок, но из-за крови на лице не смог толком прицелиться - пули пошли ниже, чем он хотел, подсекли ноги Маргоши, а Заточка с Болтом отпрыгнули за деревья. Мазай скинул рюкзак, достал бинт, прижался к дубу спиной и стал обвязывать лоб, вслушиваясь. С той стороны доносились лишь стоны Маргоши, больше ничего. Болт - следопыт бывалый, умеет передвигаться бесшумно, да и Заточка не пальцем деланный. Напряженно размышляя, Мазай кое-как закрепил повязку на голове, вытер ладонью лицо. Что сделают убийцы? Что бы он сам сделал в такой ситуации, будь на месте Заточки? Тут мудрить нечего: сейчас они бесшумно разойдутся в две стороны и расстреляют его сбоку, хоронясь за кустами и деревьями. Эти трое - самые подлые из людей Слона, и с Мазаем у них давние счеты. У него есть граната, но сейчас от нее мало пользы...

В это время Заточка с Болтом присели в неглубоком овраге. Тяжело дыша, к ним подполз толстый Маргоша, ноги его были в крови. Болт схватил сталкера за плечи и втащил в овраг.

- Дебил, чего под пули подставляешься?! - зашипел Заточка.

Переворачивая стонущего Маргошу, Болт протянул укоризненно:

- Больно человеку, а ты его еще материшь... - Заточка вконец окрысился:

- Какое, на хрен, больно, нам дело надо сделать, не то хозяин бошки поносит, а ты - больно! - Сжав автомат, он осторожно раздвинул траву и выглянул.

Болт жгутами перетянул Маргоше ноги, чтобы не истек кровью. Толстый сталкер лежал, полузакрыв глаза, пухлые щеки его побледнели и тряслись, как желе.

- Так, жирный, лежи здесь, - велел Заточка, - автомат наружу выставь, выцеливай Мазая. Он вон за тем дубом, понял?

- Да, может, его там уже и нету, - возразил Болт, переворачивая стонущего Маргошу на живот и помогая подползти к краю оврага. Подтянув за собой автомат, Маргоша выставил дуло из травы.

- Не, там он. Дальше полянка, вишь, если б захотел отбежать - я б засек. Так что, Болт, ты знаешь, что делать?

- Ага, - откликнулся Болт, меняя магазин. - Я слева, ты справа. Кто первый его увидит - тот и мочит. Тока осторожно, Заточка, чтоб он нас самих не замочил. Это ж тебе Мазай, а не хрен псевдопесий!

И сталкеры, низко пригибаясь, осторожно пошли от оврага в обход дуба, прячась за кустами и деревьями.

Мазай принял решение. Он снял куртку и положил на куст - издали теперь можно было принять растение за сгорбившегося, присевшего на корточки человека. Повесив автомат на спину и поплевав на ладони, сталкер полез на дерево. Кое-как развернувшись в развилке ветвей, он замер с оружием в руках. И вовремя - слева между деревьями показался Заточка. Мазай очень медленно повернул в ту сторону автомат, покосился вправо - но Болта видно не было, и потому он пока не стал стрелять.

Заточка перебегал от куста к кусту, от дерева к дереву, вглядываясь в лесной сумрак. В очередной раз остановившись, прищурился - ага, вот он, беглец, присел под дубом! Первым желанием было выстрелить с ходу, но Заточка сдержался: надо подобраться ближе, отсюда он Мазая разве что ранит, ведь тот виден едва-едва... Заточка двинулся дальше с удвоенной осторожностью.

Мазай сверху видел этот маневр. Еще немного, и Заточка сообразит, что его цель - лишь куртка на кусте. В какой-то момент порученец приостановился и начал поднимать автомат, однако затем, поразмыслив, опустил - понял, видать, что с этой позиции стрелять неудобно. Теперь не было времени дожидаться появления Болта, еще пара-другая секунд, и порученец раскусит немудреную хитрость Мазая. Сталкер прицелился в согнутую фигуру, палец уже почти вдавил крючок, когда внизу хрустнула ветка.

И как Болт сумел незаметно подойти так близко?! Он вдруг возник на полянке перед дубом, будто из воздуха сгустился, перекатившись, вскочил на одно колено, вскинул обеими руками ТТ и разрядил пол-обоймы в куртку на кусте. Мазай от неожиданности выстрелил - и резко повел автоматом, не отпуская спускового крючка. Плечо Заточки взорвалось фонтанчиком крови, порученец мгновенно пропал из виду.

Болт услышал грохот над головой, задрал ствол пистолета к небу, но вновь открыть огонь не успел: выстрелы из АК пробили его грудь. Без звука сталкер повалился навзничь, палец сжался, и пуля угодила в основание сука, на котором пристроился Мазай.

Это и спасло хромого. Сук дрогнул, Мазай полетел вниз, и тут же в ствол дерева там, где только что была его голова, ударили пули из автомата Заточки. Порученец стрелял непонятно откуда, видно его не было, Мазай упал набок, очень неловко, подогнув руку. В ушах грохотало: палили с двух сторон, Маргоша в овраге с перепугу тоже открыл огонь. Мазай знал, где находится овраг, ведь это был его ельник. Кривясь, едва не плача от

немилосердной боли в локте, он рванул гранату с перевязи на груди. Пули секли куст, врезались в дуб, пропарывали воздух. Нырнув в сторону, чтобы от выстрелов Заточки прикрывал ствол, Мазай дернул чеку и швырнул гранату в овраг. Пока та не успела взорваться, не глядя полоснул очередью по кустам - выстрелы Заточки смолкли, и тут же взрыв заглушил автомат Маргоши. После этого наступила гулкая тишина - и Мазай, пригнувшись, спотыкаясь и качаясь как пьяный, побежал прочь.

Спустя пару минут кусты на краю полянки раздвинулись, оттуда выбрался Заточка с автоматом наизготовку. Одежда вокруг пулевого отверстия на правом плече пропиталась кровью. Порученец затравленно огляделся, чуть не на четвереньках подобрался к старой осине, выглянул. Ни звука, ни движения... Куда Мазай делся - притаился или сбежал? Или сдох? Вроде Заточка слышат треск ветвей и хруст шишек под ногами, но это могли быть последствия взрыва. Порученец ждал долго, все было тихо, и ничто не шевелилось, только изредка налетающий ветерок колыхал ветки над головой. Наконец он решился - выпрыгнул из-за дерева, широко повел стволом, прочертив очередью полянку с дубом и этим гадским кустом, на котором еще болтались обрывки куртки. Ничего.

Прекратив стрелять, но не опуская оружия, Заточка приблизился к дубу.

- Выходи! - нерешительно позвал он, понимая, как глупо это звучит.

Тишина была ему ответом - обычная насмешливая тишина Зоны.

Заточка выпрямился, отпустил автомат и скривился, схватившись за раненое плечо.

- Сука! Гад пархатый! - пробормотал он, обходя дуб. Мазая не было, следы вели в лес.

Прикрывая рану ладонью, Заточка поспешил дальше и увидел мертвого Болта. Ругаясь, порученец вернулся к оврагу, брезгливо заглянул в развороченную яму. Среди выжженных кустов лежал еще один труп, вернее, то, что от него осталось. Маргошу разнесло чуть не в клочья - такое впечатление, что граната взорвалась прямо у него на спине.

Мысли Заточки лихорадочно метались. Мазай пропал, эти двое убиты. Слон такого не простит - замочит на месте, если верный Заточка припрется к нему с такой вестью. Ну так хозяину и незачем знать все. Хромой-то ранен, Заточка его задел, с оружием и снарягой у Мазая плохо - не мог из Лесного Дома много утащить, - один, помощи ждать неоткуда... Сдохнет, это уж как пить дать. А если не сдохнет - забьется в самую дальнюю вонючую щель Зоны, чтобы только Слон не прознал, на долгие годы. Да нет, сдохнет, поправил себя Заточка, вернувшись к ельнику и подняв с мокрой от крови травы пистолет Болта. Уже сдох! В аномалию угодил, в холодец - вот как! Маргошу с Болтом подстрелил, нехристь, самого Заточку подбил, но тот в долгу не остался: ранил Мазая, а после толкнул прямым в холодец. Заточка может, он даром что тощий - а жилистый и ловкий, как черт, Слон это знает, он-то видел, как Заточка тогда разобрался с Вороном... Значит, решено: холодец. Растворило Мазая всего, даже косточек не осталось. Слон, может, засомневается, но... поверит в конце концов - а что ему делать? Заточка его убедит, Заточка хитрый.

Змееныш проспал почти сутки, и все равно, когда очнулся, его немного знобило. Похлопав себя по щекам, он вылез из дупла и осмотрелся.

Был ранний вечер, солнце стояло низко над деревьями, подсвечивая кроны багрянцем. В подлеске сгущались сумерки. Змееныша еще качало, но он отдохнул, поднабрался сил - и ощущал зверский аппетит и жажду. Сориентировавшись, он зашагал через лес к ближайшему схрону. Мазай уже там, никакой Слон не остановит Мазая, в этом Змееныш уверен. Шагая сквозь чащу, он сорвал пучок листьев заячьей капусты и сжевал, чтобы немного уменьшить голод.

До поросшей осинами и березами балки добрался быстро. Вот и большое бревно, маскирующее вход. Но что-то тихо тут... Змееныш замедлил шаг, прислушался, осмотрев негустой лес, бегом кинулся к поваленному стволу и ужом проскользнул в нору.

Внутри никого не было.

Главное - никаких следов Мазая. Пол устилал ровный слой нанесенных ветром листьев и грязи, по которым много дней никто не ходил.

Значит, сталкер в избушке, сказал себе Змееныш. Он приподнял лист жести, вытащил брикет пайка, разорвал упаковку и впился зубами в кусок вяленого мяса. Не успев дожевать его, сломал шоколадку, сунул в рот несколько коричневых квадратиков.

Долго здесь оставаться нельзя. Со времени побега прошло около суток, много чего могло случиться. Мазай ищет его... Змееныш нахмурился. Понятно, что в дупле сталкер не мог отыскать беглеца и осматривал схроны - так почему не оставил знака, что был здесь? Змееныш облизал губы, рукавом вытер подбородок. Сунув за пазуху остаток пайка, положил железный лист на место, присыпал землей - и вылез наружу.

Когда Змееныш скорым шагом добрался до ельника, уже смеркалось, он не сразу заметил поломанные ветки и лежащее в стороне тело. Сначала он ощутил раздражение слепой собаки, которую спугнул своим появлением, - розовая призрачная волна накатила сбоку. Змееныш кинул туда взгляд, и собака припала к земле за мертвым телом, недовольно ворча. Змееныш осторожно шагнул к ней, излучая бледно-желтую волну спокойствия и дружелюбия. Он не знал, как делает это, просто ощущал внутри разную энергию, и цвет ее означал эмоцию. Глубокий сон был синим, ярость - алой, болотно-зеленым выглядели подозрение, недоверие...

Верхняя губа мутанта задралась, обнажив острые клыки, но нападать псевдособака не стала, отползла на брюхе под куст малины, на которой еще болтались иссохшие ягодки, и оттуда следила за человеком, излучая зелено-желтую, мутную покорность, куда вплетались струйки черного страха и все того же розового, как кровавая пена, недовольства.

Это был Маргоша. Змееныш сразу узнал его, хотя никто другой не сумел бы: от сталкера остался разорванный остов - как будто дети распотрошили тряпичную куклу и бросили, раскидав вату, нитки и пуговицы. Однако сохранилась часть лица, а главное, исходящий от трупа дух как нельзя более соответствовал характеру Маргоши: гнилостный, мертвячий.

Змееныш побежал к схрону, вломился в ельник, раздирая ветки, и утихшая было боль в обожженной руке вспыхнула с новой силой.

Дверь открыта нараспашку, на полу в пыли протянулись цепочки следов, они накладывались друг на друга, петляли, но Змееныш с одного взгляда понял, что тут было. Вот Мазай - он вошел, сидел на лавке возле дверей, вон рядом еще замасленная газета, тут он перекусил - и сразу покинул схрон. Вот чужие следы, один человек - конечно же, из людей Слона, - осматривал избушку, заглядывал в печку - наверняка искал нычку, чтобы забрать оружие. А поверху отпечатки лап - сюда наведались псевдопсы, которым, видно, не досталось места у трупа Маргоши, надеялись поживиться падалью, да ничего не обнаружили и убрались, над полом еще висит слабый голубоватый дымок их разочарования.

Оружие и припасы не тронули - тот, кто тут был, не сумел найти нычку. Но и Мазай, выходит, не взял ничего. Куда же он делся? Эти следы... кто-то чужой безнаказанно шастал по их домику. Неужели Мазая поймали люди Слона?!

Выскочив из схрона, Змееныш побежал к Лесному Дому.

До холма он добрался, когда была ночь, но Змееныш все равно прождал в лесу почти два часа, чтобы уж точно все заснули. Оставались часовые на крыше водонапорной башни, однако Змееныш знал, как проникнуть незамеченным.

Он прокрался через двор, держась в тени водокачки, сквозь решетчатое окно заглянул в кирпичный барак - Мазая там не было, постель пуста. Где они его держат, в подвале или в недостроенном гараже?

Ноги сами принесли Змееныша на кухню. Варвара спала в комнатке за ней, он пробрался туда, и кухарка подскочила, когда ее потрясли за плечо.

3

- А-а, грабят-убивают!!! - завопила она. И чуть не окочурилась, когда тонкая рука зажала ей рот.

- Тише, тетя Варя, - прошептал знакомый голос в темноте. Змееныш убрал ладонь, и кухарка замолчала. Приглядевшись, всплеснула руками.

- Ты! Боже ж ты мой, кровосос тебя укуси, откуда ты?! Зачем тут? Слон знаешь какой злой на тебя! - И Варвара, схватив со стула халат, торопливо натянула его. - Ты, конечно же, голодный, - добавила она, всовывая босые ноги в тапки и поднимаясь.

Варвара, добрая и глупая, иначе не могла выразить свои чувства к человеку, кроме как накормив его. Схватив Змееныша за руку, она потащила его на кухню.

- У меня окорока кусок остался и плов после ужина, еще бутербродов тебе с собой соберу, пирожки тоже есть, с мясом, как ты любишь...

Змееныш не упирался, но когда Варвара усадила его за стол, покачал головой, отодвинул поставленную перед ним тарелку и сказал:

- Я не за этим. Где Мазай?

Услышав вопрос, суетливо хлопотавшая Варвара замерла, не донеся до стола кофейник. Рука дрогнула. Кухарка поставила кофейник, села на табуретку, закрыла лицо толстыми ладонями - и вдруг разревелась. Она хлюпала, икала и всхлипывала, так что Змееныш не сразу понял, что она говорит.

- Убили? - повторил он, разобрав наконец слова. Варвара кивнула, вытерла мокрые глаза полрой халата.

- Мазаюшка ушел в ночь, за тобой сразу. Слон как узнал - послал за ним Заточку с Маргошей и Болтом. Вернулся один Заточка, сильно раненный, - всхлипывая, сбивчиво рассказывала она. - Жаль, что Мазай и его не убил, гниду эту! - Варвара сжала кулак и погрозила в сторону водокачки.

Змееныш с помертвевшим лицом слушал ее.

- Я видел то, что осталось от Маргоши, - выдавил он. - И Болта. Но Мазая там не было.

Кухарка протяжно всхлипнула, протянув руку, погладила его по волосам - в другое время Змееныш отстранился бы, а сейчас просто не заметил.

- Бедный ребенок, - прошептала она. - Не надо было тебе все это рассказывать, ну да чего уж теперь. - Кухарка подвинула ближе к Змеенышу тарелку с пирожками. - Кушай, детка, - прожурчала она голосом, хриплым от слез. - Кушай, тебе надо набраться сил.

- Я не верю, что он умер. - Змееныш наклонился вперед, глядя ей в глаза. - Там не было его тела!

Варвара оглянулась, будто их могли подслушивать, тоже наклонилась и быстро заговорила:

- Заточка, чтоб кровосос его кишки себе на щупальца намотал, столкнул Мазая в холодец. Растворился совсем наш Мазаюшка... - кухарка смахнула слезу, не выдержала и вновь заплакала, вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони.

Змееныш сгорбился, застыл на табуретке, уставившись на кофейник перед собой. Кухарка всхлипывала, он молчал. Наконец выпрямился, посмотрел на Варвару, будто собираясь что-то сказать, - а она полными слез глупыми коровьими глазами глядела на него, - но так ничего и не сказал. Едва заметно кивнув, повернулся и вышел из кухни.

- Змееныш, а покушать... - начала она, приподнимаясь, но потом махнула рукой, без сил опустилась на стул, закрыла глаза и надолго затихла.

Змееныш, никем не замеченный, покинул вершину холма, прошел мимо брошенных изб, глядя перед собой остановившимся взглядом, не думая даже о минах, врытых в склон, - но Зона хранила его, он не наступил ни на одну. Не оглядываясь, он покинул обитель Слона и медленно зашагал в ночной лес, полный мутных проблесков аномалий, шелеста и скрипа.

Между Янтарем и Дикими территориями не удалось пройти без потерь. От погони благодаря тайным тропкам и вовремя подвернувшейся жарке Мазай ушел быстро, но в Диких территориях на него напали двое наемников. То ли на оружие и снарягу одинокого stalkера позарились, то ли заскучали... В итоге оба навсегда остались в заросшем крапивой овраге, а Мазай получил пулю в больную ногу. Поначалу он хотел идти дальше на север, в сторону Радара и Лиманска, а теперь решил свернуть в безлюдные тихие места на северо-западе от Янтара, найти схрон и пересидеть, залечить ранение.

Пуля неглубоко вошла в мясистую часть бедра, Мазай легко выковырял ее ножом, перетянул рану. Крови немного, но на общем самочувствии рана сказалась. Хоть и привычно

сталкеру хромать, скорость продвижения заметно уменьшилась, за последний час он прошел не больше пары километров - а ведь местность ровная и почти без аномалий.

Он миновал грузовую железнодорожную станцию, заросшую бурьяном, травой и кустами, обошел по широкой дуге стоящий на рельсах тепловоз с единственным вагоном, полным песка, - машина гудела, двигатель работал, почему - непонятно, - и углубился в лес.

Мазай тащился по краю луга, держась в тени деревьев, подволакивая раненую ногу. Бедро ныло все сильнее, кровь не унималась, слабо, но текла - неудивительно, надо дать себе хоть несколько часов роздыху. Повязка размокла и сползала, а обезболивающее, которое Мазай вкатил себе, больше не действовало.

Но кругом нет ни одного укромного местечка - ни вывороченного дерева, между корнями которого можно прикорнуть, ни глухого оврага, ни заброшенного дома. Тихо, спокойно, пустынно. Аномалий с артефактами мало, а раз так, то и сталкеры почти не встречаются. Военных патрулей и подавно нет. Здесь можно год прожить, два - и никого не встретить. Глухомань, закоулки Зоны - но не такая зловещая, угрюмая глухомань, как та, что раскинулась за ЧАЭС, и менее опасная.

Солнце коснулось леса, холодные розоватые лучи пробились между редкими облаками. Деревья отбрасывали на заливной луг впереди длинные тени. Мазай остановился на опушке, из-под ладони оглядел открытое пространство. Ветер слабо колыхал высокое пышное разнотравье. Ни колеи, ни черной проплешины от костра... Нехоженные, заповедные земли. Ближе к деревьям росли осока и болотный багульник - значит рядом речка или болото. Пожалуй, надо отойти в глубь леса, спрятаться под какой-нибудь раскидистой елью да отдохнуть, перекусить, сменить повязку. Мазай чувствовал, как с каждой каплей крови, пропитывающей бинт, утекают силы.

Одно плохо: после встречи с наемниками и других неприятностей вроде внезапно выскочившей на тропу слепой собаки патронов для автомата оставалось полмагазина, а в ТТ - всего три штуки. И жестянка в рюкзаке пуста.

Едва он вошел под сень леса, как услышал далекий плеск воды, и верно - речка. Мазай похромал на звук, обходя кочки, на которых росли высокие кусты голубики. Ботинки погружались в мох, под подошвами хлюпало. Берега у речушки болотистые - как бы к воде подобраться?

Он направился вдоль реки, слыша бульканье и шелест воды, но не видя ее, скрытую зарослями ивняка. Берег потихоньку становился выше, а почва суше. Когда под ногами совсем перестало хлюпать, Мазай собрался свернуть к реке - вроде и кусты стати реже, и ковылять с раной на бедре уже совсем немоготу, - но увидел впереди покосившуюся избушку, вросшую в землю. Окошко заляпано грязью, на крыше растет густой иван-чай, трепещут на ветру бледно-розовые лепестки.

Мазай огляделся, шурясь. Какая заповедная, звенящая тишина кругом... Избушка притаилась в центре брошенных, всеми забытых земель. Травы, леса, поля - казалось, весь мир из них состоит, и никаких людей, никакого оружия, вертолетов, стрельбы. Он и не подозревал, что в Зоне остались такие места. А домик этот - отличный схрон, как по заказу, будто незримые силы, повелевающие Зоной, смилостивились над беглым сталкером и сделали ему подарок. Укрыт от посторонних глаз, зверья вокруг не видать, аномалий нет - их Мазай вообще мало встречал после Диких территорий, когда свернул на северо-запад, - зато вода в наличии, да и охотиться можно будет. Здесь он перевяжет рану, поест, отоспится.

Подволакивая ногу, сталкер из последних сил поспешил к избушке. Дверь смотрела на речку, к порогу вели три вырубленные в земле ступени. Уже скинув рюкзак, Мазай нахмурился, посмотрел на них. Отваленная глина лежит рядом, давно скрытая травой, ступеньки тоже заросли, однако стебли примяты - здесь недавно ходили. В глубине души свербел червячок сомнения: что-то не так, бесплатный сыр бывает только в капкане для крысиного волка. С чего это Зона расщедрилась на такой дар? Зона - хитра, лукава, кровожадна, она может казаться услужливой, может пожалеть, но это обманчивая жалость, за которой скрывается коварная, вероломная натура.

Мазай повернулся, обвел долгим взглядом лес. Деревья, кусты на берегу, папоротник и мох... Нигде никого, ни сучок не хрустнет, ни ветка не шевельнется, ветер улегся,

безмятежная тишина кругом. Но знакомое ощущение угрозы висит в воздухе, и волны слабой, щекочущей дрожи пробегают по спине, от плеч до копчика. И этот запах...

Кровосос!

Его будто ударили в затылок, слово гулко разнеслось в голове. Мазай просунул руки в лямки рюкзака и поковылял прочь, чтобы как можно скорее убраться из этого места. Избушку облюбовал кровосос - старые, матерые самцы источают едва уловимый дух скисшего пива, тут нельзя ошибиться. Несколько раз оглянувшись, сталкер начал торопливо подниматься по склону. Холм не очень высокий, но крутой, деревьев тут почти нет, зато вершина поросла...

Остановившись, он потянул носом воздух.

Вот это попал так попал!

Мазай обескураженно выругался. Ровная, как ножом срезанная макушка холма густо поросла кровяной. Он лишь однажды имел с ней дело и надеялся, что больше никогда не придется повторить тот опыт.

Очень характерный острый аромат расходился от растения с узкими длинными листьями, похожими на расплюснутые, обгаренные кровью пальцы - их покрывала частая сетка тончайших красных прожилок.

Оставаться возле кровянки надолго нельзя. Это Лесник как-то показал ее Мазай и сообщил то небольшое, что знал, - трава очень редкая, мало кто про нее слышал.

Главное - она выделяет ядовитый газ.

Вдруг его будто ржавым гвоздем ткнули в спину. Вздвогнув, Мазай обернулся - и столкнулся взглядом с кровососом.

Пучок щупалец шевелился за грязным окошком хижины. Дряхлый древний кровосос тоскливо-голодным взглядом следил за человеком. Он был омерзителен, и Мазай, вскинув автомат, дал короткую очередь. Слишком поздно спохватился, что патронов всего ничего... а теперь стало и того меньше. Кровососа он так и не подстрелил: пули ударили в бревнышко над окном, мутант исчез. То ли сделался невидимым, то ли отпрянул в глубь дома. Сейчас выйдет и погонится за вконец выбившимся из сил сталкером, у которого кровоточит рана и патронов, считай, не осталось.

Чертыхнувшись, Мазай пошел дальше. Насколько он знал, испарения кровянки для кровососа даже более ядовиты, чем для человека, на вершину холма мутант не сунется.

Но как долго протянет он сам? Насколько велики заросли, успеет ли он их пересечь, прежде чем яд достигнет критической концентрации в крови?

На вершине холма Мазай остановился и глухо выругался. Кровянка простиралась далеко, поднявшийся ветер шевелил узкие листья - целое море красноватой зелени. Он свернул и, сильно прихрамывая, поспешил вдоль зарослей, ощущая едкий дурманящий запах. Смерть, по словам Лесника, будет мучительной. Медленное удушье, когда постепенно, почти незаметно начинаются спазмы гортани - воздуху все сложнее проникнуть в легкие, горло будто сужается, через двадцать-тридцать минут начинаешь бороться за каждый вдох и понимаешь, что проигрываешь в этой борьбе...

Не думай об этом - думай, как уйти от кровососа! Мазай уже едва ковылял - сказывалась усталость. Преследует ли его мутант? Оглянувшись: избушка, деревья и кусты возле нее - все плывет. Ну да, действие кровянки начинается с того, что портится зрение, окружающее затягивает дымка. Впрочем, мутант, конечно, сделался невидимым, не определить, пошел ли он следом. Хотя какие могут быть сомнения? Такого голодного взгляда Мазай не видел давно!

Сделав несколько шагов вниз по склону, чтобы выбраться из зоны ядовитых испарений, он глубоко вдохнул чистый воздух. Зрение немного прояснилось, и сталкер заметил, что трава перед избушкой колышется - не вся, как от ветра, а только в одном месте, и колебания эти движутся в его сторону. Мазай тряхнул головой и захромал дальше, решив, что войдет в заросли кровянки, лишь когда мутант будет уже совсем близко.

Вскоре он обернулся, чтобы проверить, быстро ли движется кровосос, - и едва не вскрикнул. Над примятой травой плыли щупальца. Да этот кровосос стар, как изношенная подошва! Ему не хватает сил, чтобы совсем исчезнуть...

Мазай вскинул автомат, вдавил спусковой крючок.

Но мутант заметил движение человека - и пропал начисто. Пули пронесли над травой, выбили щепки из крыши избушки. Ни звука, ни падающего тела - кровосос, хоть и древний старик, успел отпрыгнуть, Мазай промахнулся.

Проклиная себя за то, что истратил последние патроны, сталкер заковылял дальше. Теперь конец - это же кровосос, а не крыса какая-нибудь! Даже этакая развалина легко убьет раненого, обессиленного человека.

Нога с каждым шагом болела сильнее, она распухла и мешала идти. Мазай свернул в заросли кровянки и присел, стараясь дышать неглубоко. Листья с красными прожилками качались вокруг, шуршали, источая смертельный аромат. С вершины сталкер хорошо разглядел окрестности и окончательно убедился: положение безнадежно.

Заросли покрывали весь склон и тянулись дальше между деревьями. Холм простирался вперед еще метров на двадцать, загибаясь влево, смыкался с рекой. И там, где заросли кровянки вплотную подходили к воде, высилось дерево-кукловод. Мазай сразу узнал его, даже сквозь марево ядовитых испарений, - и содрогнулся. Кукловод всегда вызывал у него отвращение. Кажется, дерево даже кого-то поймало, но на таком расстоянии, да еще с помутившимся зрением он не мог толком разглядеть. Этот мутант-гибрид казачся сталкеру порождением больной фантазии, чем-то совершенно нереальным. Как оно ловит людей, как понимает, что под кроной появилась жертва? Каким дьявольским образом тончайшие отростки-веточки срастаются с нервными окончаниями? Мазая передернуло. Нет, там не пройти. И реку ему сейчас не преодолеть - она довольно широкая, течение быстрое... И нигде - ни моста, ни хотя бы бревна, перекинутого над темной водой.

Он окончательно понял, что попал в ловушку. Сзади голодный кровосос, впереди дерево-кукловод, справа заросли кровянки, слева река. Хуже всего, что он прикован к ядовитому растению - стоит выйти из него, и мутант набросится. Только что толку сидеть в зарослях? Кровосос сюда не сунется, но и Мазай сдохнет тут в течение полчаса...

В горле запершило, Мазай закашлялся. Вот уже и дышать тяжело - это начало конца.

Сталкер проверил патроны - только один. Это что, тоже подарок Зоны? Один патрон, последний, чтобы застрелиться...

- Выкуси! - Выпрямившись, Мазай согнул правую руку и хлопнул левой по бицепсу. - В себя стреляют только трусы. Последняя пуля не мне достанется!

Он решительным движением скинул рюкзак в траву, пошарил по карманам, в под сумке - и нашел еще один патрон. Если кровосос настолько стар, что ему сложно оставаться невидимым, надо просто подкараулить мутанта и подстрелить, другого способа нет. Вставив патрон в магазин, Мазай сделал шаг из высокой травы на склон холма, постоял, вдыхая менее насыщенный ядовитыми испарениями воздух, и сквозь марево оглядел треугольную ложину между холмом, рекой и избушкой кровососа. Лощина дрожала, плыла, будто он разглядывал ее сквозь жаркий воздух над костром.

Среди деревьев у склона мелькнула размытая тень, проплыли и исчезли щупальца. Мазай вскинул автомат, пару секунд выждал, тщательно целясь, и нажал на спусковой крючок.

Пуля вжикнула по извивающемуся стволу осины, донесся тихий полустон-полувздых... Попал!

Нет, кровососа одним выстрелом не убьешь, даже эту развалину. В воздухе обозначился четко видимый силуэт, налился красками, потемнел, затем опять растворился - смутная тень метнулась вперед и пропала, оставив на траве брызги крови. Мазай шагнул назад, под прикрытие едкого запаха кровянки. Попал, да что толку? Только разозлил, кровосос может теперь попытаться схватить его и оттащить вниз, на безопасное для себя место. Мазай бессильно скрипнул зубами, часто моргая от рези в глазах, - и увидел, как прямо перед ним ниже по склону примялись листья папоротника. Не веря в удачу, Мазай выстрелил почти в упор.

...И на этот раз не попал. Пуля вжикнула над головой взбирающегося на четвереньках мутанта. На миг тот проявился - и медленно истаял, его образ размылся в воздухе, дрожа по краям, пока не исчез целиком.

Что за невезуха?! Мазай мысленно послал матушку Зону на три буквы, а после выругался вслух. Голова кружилась, он с трудом стоял на ногах. В горле першит, дышать тяжело. Мазай сдерживал кашель, потому что знал: если закашляется, станет только хуже, спазм быстрее сдавит дыхательные пути.

Он не видел выхода. Остается торчать в зарослях кровянки или идти на кровососа с автоматом в качестве дубины. И то, и то - стопроцентная смерть.

Сталкер стоял, пошатываясь, с трудом втягивая ртом напоенный смертельным ароматом воздух. Когда он опустил дрожащие руки, бесполезный автомат выскользнул из пальцев и упал в высокую траву.

И тут же у края зарослей возник кровосос - проступил в воздухе, первыми возникли щупальца, потом голова, впалая грудь... Прямо из пустого пространства под нею закапало красное, словно кровоточил сам воздух. Мертвенный, угрюмый и какой-то очень усталый взгляд уперся в лицо, Мазая обдало влажным холодом, будто сталкер мгновенно перенесся в дождливую позднюю осень, под пронизывающий ветер. Кровосос проступил целиком и сразу начал исчезать. Тело подернулось рябью, как отражение в воде, пропало - остались лишь щупальца. Они качнулись и стали отдаляться от зарослей кровянки, пока не растворились в мареве. Теперь ничто не свидетельствовало о присутствии неподалеку мутанта, кисловатого запаха его Мазай тоже не ощущал за острым духом кровянки, но шестым чувством чуял: кровосос рядом и ждет.

Мазай потрогал потный лоб, сглотнул. Кровянка насыщала ядом кровь и сознание, в голове шумело, начались странные галлюцинации: ему казалось, он слышит тихий шепот, доносящийся со стороны хижины - шепот смерти. А умирать не хотелось. Раньше Мазай никогда не задумывался о своей смерти, хотя каждый день был готов встретиться с ней. Потому что смерть ему грозила быстрая - или в аномалии, или на клыках у кабана, в лапах псевдогиганта, под клешнями псевдоплоти... не успеешь и понять, как тебя уже нет. Но никогда не думал Мазай, что ему выпадет мучительная, долгая смерть, и он будет так слаб и беспомощен, что не сумеет ее избежать.

Мир дрогнул, пошел волнами. Зажмурившись, Мазай потер лоб, щеки, царапая ладони о щетину, потрогал скулу. Огляделся. Он стоял в самых зарослей - эх куда занесло! Кровянка здесь почти по пояс, а дух такой, что любой человек через несколько минут концы отдаст.

Качаясь, сталкер выбрался обратно к краю зарослей. Мысли в голове вяло шевелились, сплетаясь, как сонные змеи, скользкие и будто чужие. Есть один вариант. Надо только припомнить - какой? Кто-то рассказывал ему, какой-то бородатый охотник... Ах да, Лесник! Лесник говорил, есть один способ... Но ведь это тоже почти верная смерть... Стоп, дальше нельзя! - Он остановился у самого края зарослей. Кровосос где-то там, хотя сейчас его не видно. Тяжело, с присвистом дыша, Мазай кое-как наклонился, чуть не упав, сорвал длинную травинку, поднял на ладони и оглядел вблизи.

Почти верная смерть. Лесник рассказал...

Нет, нет! Лучше погибнуть или от испарений кровянки, или от щупалец кровососа, а не от того и другого сразу!

Или без разницы?

Там река, которая в обычных обстоятельствах не составила бы преграды, но сейчас ее не переплыть, он пойдет ко дну, как Чапаев. Здесь - дерево-кукловод, рядом - кровосос, а тут - кровянка. Везде погибель, но...

Мучительный кашель раздирал горло, сдерживать его едва хватало сил. Мазай харкнул, плюнул себе под ноги и увидел лежащий в траве рюкзак.

И принял решение.

Двигаясь как зомби, медленно и неуверенно, он снял с фиксатора на рюкзаке маленький котелок. Сколько времени осталось? Не больше пятнадцати минут, а скорее - и того меньше, потом кровянка свалит его.

Мазай внаклонку двинулся по вершине холма, собирая сухие веточки. Много не надо, чтобы сделать настой, достаточно просто нагреть воду до температуры тела, кипятить ни к чему. Протоптав метрах в полутора от края зарослей небольшую полянку, он сложил веточки шалашом и щелкнул зажигалкой. Сушняк занялся быстро, язычки пламени забежали по

сучьям. Те плавилась, будто пластмассовые, изгибались в огне. Присевший рядом Мазай поднял голову - кровосос стоял неподалеку, как вытесанное из замшелого темного дерева изваяние, и тоскливыми взглядом следил за человеком.

Перед глазами плыло, костерок превратился в желтое пятно посреди красно-зеленого полотна травы. Деревья на склоне холма стали черными полосами, мир слился в единый серый фон. Котелок вдруг обратился лицом Змееныша, и Мазай чуть не вскрикнул, потянулся к нему. Лицо смазаться, обернулось красной рожей рассерженного Слона. Вновь раздались голоса - много, со всех сторон, болезненно гулкие, как из колодца, голоса всех сталкеров, которых Мазай знал в жизни, они наперебой осуждали его, кричали, что неправ, что бросил мальчишку одного на растерзание этим зверям в человеческом обличье, всем этим Заточкам, Болтам, Слонам, Маргошам... Мазай застыл посреди разноголосого бормотания, закусив губу. На подбородок потекла капля крови.

Потом в костре громко треснул сучок, и голоса разом смолкли, будто захлопнулась дверь.

Он всхлипнул, рукавом отер кровь с подбородка. Предстояло самое сложное - зачерпнуть воды. Для этого надо спуститься к реке, мимо кровососа или дерева-кукловода.

Мазай взял котелок и направился по вершине холма в сторону дерева, шаркая, как старый дед, горбясь и кривясь. Испарения кровянки заворачивались вокруг незримым смерчем, клонили его к земле. Искоса глянул в сторону - кровосос уныло тащился следом. Мутант уже не прятался, понял, гад, что стрелять нечем, - но держался ниже по склону, чтобы не попасть под ядовитые испарения.

Оказавшись метрах в трех от дерева, сталкер замер в нерешительности. На каком расстоянии кукловод становится опасным, как далеко он может протянуть свои ветки? Точно не знает никто - а тот, кому довелось узнать, уже не расскажет.

Больше всего Мазая удивляла и отвращала бессмысленность действий кукловода. Мутанты нападают, потому что голодны и злы. Контролеры берут людей под ментальный колпак, чтобы защититься или использовать вместо себя для какого-то дела. А зачем дереву люди-куклы? Ведь оно - бездумное растение, корни да ствол с ветвями, что ему надо кроме воды, почвы и солнечного света?

Какая польза или какое удовольствие кукловоду заставлять людей плясать?

Один несчастный болтался на ветвях. Он напоминал мумию, одежда висела как на вешалке - но он был жив. Мазай отвернулся, посмотрел на кровососа. Тот не сводил с человека мучительно голодного взгляда, ожидая, когда Мазай покинет слишком опасную для мутанта область.

Сталкер продел руку под дужку котелка, повесив его на сгиб локтя, накинуд капюшон, натянул на кулаки рукава и сжал края, чтобы скрыть любой участок кожи. Склонил голову к груди - и поковылял под деревом со всей скоростью, на которую был способен. Дыхание прерывалось, мучительный кашель рвался наружу, перед глазами плыло.

Кровосос заскользил вперед, однако в метре от дерева замер и поднял щупальца, пытаясь дотянуться до жертвы.

Гибкие упругие веточки зашарили по капюшону, по плечам, по спине, жадно ища голую кожу, чтобы присосаться к ней, пробить плоть и слиться с нервными окончаниями. Мазай ковылял, пошатываясь. Самое сложное впереди - набрать воду надо под деревом, чтобы не достал кровосос, - а для этого придется оголить ладонь и запястье, самое лакомое для кукловода место...

...Он не помнил, как добрался до костра. Огонь почти потух, зола покрывала смятую траву. Мазай поставил котелок в центр кострища, подкинул собранный по дороге сушняк, раздул огонь. Вода на стенках котелка зашипела, испаряясь.

Кровосос завыл - протяжно, тоскливо. Чувствовал, что жертва пытается ускользнуть, да не мог понять, что она затеяла. Мазай видел обвисшую кожу на его морде, покрытую пигментными пятнами, - настоящий патриарх кровососьего племени, аксакал! Сталкер принялся рвать красные листья и бросать в котелок. Вода там успела немного нагреться.

Забеспокоившийся кровосос вылез из кустов и подполз ближе, почти к самому краю зарослей. Разделенные полосой травы мутант и человек посмотрели друг на друга. Тварь

пошевелила щупальцами, принюхиваясь, сделала нерешительный шаг вперед, но тут же отступила подальше. Мазай не выдержал и закашлялся.

Горло продрало, как наждаком, а в легкие будто железных опилок насыпали. Перед глазами взорвались искры, Мазай, открыв рот, шагнул к краю зарослей, надеясь глотнуть менее насыщенного ядом воздуха, кровь закапала с губы.

Оживившись, кровосос поспешил вперед - и Мазай попятился к костру. Разочарованный мутант остановился, пожирая жертву взглядом, вновь отошел немного.

Сталкер опустил руку в котелок, чтобы сразу ощутить, когда отвар станет достаточно теплым. Его колотило в ознобе, голоса мертвых и живых вновь звучали со всех сторон, перекликались деревья на краю леса, кто-то страшный глухо бормотал в избушке, мертвенный шепот издавали волны реки. Мазай потряс головой, нагнулся ниже над котелком. Листья окрасили воду в бурый цвет. Лесник говорил, под действием отвара человека совсем теряет контроль, царапает лицо, бьется в судорогах, и если отвар слишком крепок, спазм охватывает все тело, и ты гибнешь от удушья. Но если заварить недостаточно крепко, отвар не подействует...

Наконец Мазай решил: пора. Прихватив горячую дужку рукавом, он приподнял котелок, наклонил и стал лить бурую воду в рот, жадно глотая. Теплый отвар смягчал разодранное кашлем горло.

Кровосос зашевелился, подобрался ближе, недоуменно посмотрел на пьющего человека, не выдержал - и полез в траву.

Мазай, откинув пустой котелок, стер с лица мокрые листья. С трудом распрямив ноги, будто спортсмен, выжимающий штангу, он побрел прочь от мутанта - вниз с холма. Надо выйти из зарослей кровянки, иначе конец...

Кровосос тащился за ним, шепча и постанывая. Он двигался с трудом, но все же догонял, ведь Мазай едва ковылял. Когда сталкер понял, что мутант совсем близко, то упал на бок и покатился вниз по склону. Тварь, вытянув щупальца и по-бабьи причитая, торопилась за ним.

Скатившись в низину, сталкер замер, лежа на спине. В глазах потемнело, и последнее, что увидел Мазай, было нечеловеческое лицо над ним, а последнее, что запомнил - холодные щупальца, приникшие к шее.

4

Змееныш нес по лесу ивовые ветки, нарезанные у ручья. Из гибкого ивняка он собирался сплести люльку в ветвях старого дуба, раскинувшего ветви над поляной недалеко от южного края Свалки. Выстлать дно мхом - и получится сносное укрытие, где можно прожить несколько дней. Минуло много времени с того дня, как исчез Мазай. Змееныш обживался в Зоне - он и раньше знал ее лучше всех обитателей Лесного Дома и окрестностей, теперь же иногда неделями не покидал леса, не встречал людей, подолгу не говорил, стал даже забывать некоторые слова, так что, когда ему все же приходилось вступать в беседу, он иногда замолкал, приоткрыв рот, хмурился, чем приводил собеседников в недоумение. После всех событий, произошедших на холме с водонапорной башней, в душе его постепенно воцарялся покой.

Близился вечер, от деревьев протянулись длинные тени. Змееныш вышел на поляну и остановился, не дойдя до дуба нескольких шагов. Одна из теней шевельнулась... из-под куста поднялся псевдопес - совсем молодой, годовалый, но уже крупный, сильный. Верхняя губа мутанта приподнялась, обнажив клыки, в горле зародился глухой рокот, перешедший в рычание. Змееныш замер, сжимая охапку прутьев. Псевдопес медленно приближался, пригнув голову, ступая по траве на полусогнутых напряженных лапах. Красная дымка злобы шла от него. «Узи» висел на спине, достать его человек не успел бы - стоит отпустить прутья, и мутант кинется на него, вцепится в горло.

Идея пришла внезапно. Хотя Змееныш обещал себе, что больше не будет пытаться влиять на мутантов, сейчас это был единственный выход. Он видел багровый комок злобы в

сознании псевдопса. Комок почти целиком заполнил простой, неглубокий разум, который и сам напоминал ком, вернее, серый дымчатый клубок, сплетенный из бледных нитей воспоминаний и эмоций.

Змееныш мысленно потянулся к нему, дотронулся. Псевдопес вздрогнул, зарычал громче - и остановился. В круглых черных глазах мелькнуло недоумение. Это придало уверенности, Змееныш представил, как едва заметно поглаживает мутанта по голове. Красное свечение поблекло, сквозь него пробились слабые отблески любопытства... и дружелюбия. Тогда Змееныш осторожно, едва дыша, потянул за эти новые нити, раздувая интерес мутанта, гася злобу.

Старая самка, в прошлом году вырастившая помет, лежала под кустами желтой акации, недалеко от стаи. Смутная тоска одолевала псевдособаку, она не понимала причины, но старалась держаться подальше от других самок, у которых еще оставались щенки. Иногда она вслушивалась в голоса своего последнего, уже успевшего подрасти приплода, почти взрослых псевдопсов - хотя всех прошлых, которых рожала на протяжении жизни, давно забыла. Все они постепенно вливаться в стаю, и сейчас она бы не смогла определить, кто из самцов и самок были ее детьми... Кроме последних пяти.

От большого дуба, растущего на краю поляны, донесся знакомый скулеж, и самка подняла голову. Некоторое время она напряженно вслушивалась, потом вскочила и пошла на голос, прихрамывая.

В просвете между кустами самка увидела, как, сцепившись, катаются по опушке псевдопес и человек.

Самка напряглась, шерсть на затылке встала дыбом. Ребенка обижают! Она пошла дальше, выбралась на поляну. Молодой мутант повизгивал и скулил. Самка зарычала, припала к земле грудью, готовясь прыгнуть.

Человек вскрикнул, переворачиваясь, мелькнула рыжая спина псевдопса - тот перелетел через голову и упал в траву. Собака с недоумением посмотрела на них, закрыла пасть, постояла, затем легла и, положив на лапы большую голову с сединой в бровях, стала наблюдать за игрой человека и мутанта. Те резвились, как двухмесячные щенки. Ее сын весело скулил, чужак повизгивал, как собака, и самка, не сводя с них темных глаз, удовлетворенно заурчала, вновь испытав подзабытое уже чувство радости за детей.

Солнце клонилось к закату, когда стая встала с лежки и пошла к месту охоты у Свалки. Бесшумно мелькали среди деревьев серые тени, шелестела трава, иногда тихо повизгивал кто-то из молодняка. Самка вскочила, издав предупреждающий рык, побежала следом.

Псевдопес прислушался, замер и Змееныш, мокрый от пота, раскрасневшийся и веселый.

Самка не успела добежать до стаи, она только выскочила из кустов позади поляны, как остальные учуяли человека. Вожак - крупный, темно-серый с рыжими пятнами пес - повернул к раскидистому дубу, и остальные мутанты двинулись за ним, раздувая ноздри. Старая собака кинулась наперерез вожаку, толкнула его мордой в бок. Мутант дернул головой, самка отскочила и твякнула несколько раз. Вожак остановился. Старая псевдособака имела большой авторитет в стае. А тут еще с поляны вышел подросток, поскуливая, виляя хвостом. Вожак недоуменно зарычал в ответ.

Змееныш стоял среди разбросанных ивовых прутьев, вслушиваясь в голоса псевдопсов и наблюдая за их сознаниями. Вожак заворчал на старую самку, которая когда-то была его матерью, развернулся и продолжил путь к Свалке. Подренок побежал следом, все еще твякая и повизгивая, старая самка похромала за ними. Улыбаясь про себя, Змееныш стал собирать ветки.

Глава третья. Три года спустя. Талисман зоны

- Гля, Кирза! - Он плечом толкнул напарника. - Щастье нам привалило. Видишь, чё там лежит?

Худой, нескладный Кирза завертел головой. Они стояли посреди заброшенного поселка, настороженно вслушиваясь, с автоматами наготове - два тертых сталкера, грязные небритые черти, не интересующиеся ничем, кроме артефактов, которые они меняли на боеприпас, снарягу да еду с водкой либо продавали скупщикам, чтоб на вырученные деньги купить все то же самое и со всем этим вернуться в глубокую Зону за новыми артефактами, но сначала спустить остаток заработка в каком-нибудь кабаке у Периметра... Не крутые следопыты, но и не желторотые дурни, не слишком фартовые, но и неудачниками их никто не называл. Заскорузлые, мозолистые, проспиртованные, битые жизнью, Стопка - постарше и поопытнее, Кирза - помоложе и понаивнее. Соль Зоны, плоть от плоти ее.

Все здесь не нравилось Стопке: и то, что дома почти разрушены, внутри поживиться нечем, и то, что над поселком висит напряженная тишина - будто из-за каждого угла следит за непрошеными гостями голодный мутант. Впрочем, такое ощущение всегда преследовало Стопку после хорошей попойки, а вчера была она самая, родимая.

- Да у тебя еще хмель не выветрился, Стопарь, - Кирза водил стволом «калаша» из стороны в сторону. Он не заметил никакого привалившего «щастья», более того, его никак не оставляла мысль, что нынешняя ходка какая-то совсем неудачная. С утра ни одного артефакта, возле Диких территорий едва отбились от мародера, а теперь вот занесла нелегкая в этот поселок, который даже на карте не отмечен.

- Тебе не кирзачи надо было натянуть, а туфли на каблуках! - разозлился Стопка и, зажав ноздрю корявым мозолистым пальцем, сморкнулся на дорогу. - На крышу гля, зелень! Что это, по-твоему? По мне, так это пять тыщ в банковских пачках!

Кирза аж на цыпочки привстал, разглядывая улицу впереди. Они стояли на перекрестке, кругом - разрушенные, обгорелые остовы домов, от крыш давно остались одни воспоминания. Только старый коровник во дворе напротив еще накрывали несколько досок, которые лежали поверх заросших какой-то лохматой дрянью стен. Кирза не так мучался с похмелья, как напарник, но башка у него тоже побаливала, и сталкер жалел, что они вообще сегодня пошли на дело.

- А по-моему, это «ржавые волосы», - неуверенно сказал он.

- Выше гляди, молодой! - Стопка, злясь на тупость напарника, от нетерпения ткнул стволом автомата в сторону артефакта.

- А выше - жарка пыхтит, - уныло сообщил Кир-, поднимая взгляд на крышу коровника.

- Так а рядом, рядом-то что лежит, тупая башка?! - Кирза вдохнул - и забыл выдохнуть. Заметив реакцию напарника, Стопка кивнул.

- Всегда меня слушай, я Зону почти пятнадцать лет топчу. - Он сплюнул в песок и мрачно улыбнулся.

Они перелезли через прогнивший забор, обогнули дом. Кирза обошел вокруг сарайчика, стены которого густо, без единого просвета заросли бурым аномальным растением.

- Не подобраться, - растерянно сказал он, возвращаясь к напарнику. - Слышь, может, ну ее на фиг?

Стопка, сбросив рюкзак, разминал плечи. Брезентовую куртку его усеивали пятна грязи и жира, на груди слева красовалась прожженная дырка размером с пятак.

- Чего-о?! - дернулся Стопка. - Пять штук - на фиг? Ты чё, спятил?

- Да не, я так, просто... - стушевался Кирза, переминаясь с ноги на ногу в своих кирзачах сорок пятого размера. - Только как мы ее того... добудем?

- Ты у нас длинный, ты и достань, - сердито отозвался напарник. Вытащил из нагрудного кармана спичечный коробок, раскрыл и втянул волосатыми ноздрями понюшку табака. - Скажешь тоже, блин: «душу» на фиг! самого тебя того... на фиг, - никак не мог он успокоиться. - Вздумал еще таким хабаром разбрасываться... это ж полгода бухать можно!

Кирза оглядел себя, будто видел в первый раз. Был он высокий и нескладный, худые руки торчали из рукавов - даже самый большой размер оказывался коротким этой версте коломенской, - а куртка болталась, как на пугале, свисая с узких плеч.

- Я ж не дядя Степа, - сказал он. За рост его постоянно дразнили, он давно привык и даже не огрызался. - Ты же у нас опытный, сам вечно трындишь, ну так вот и думай, чё делать.

Стопке перевалило за пятьдесят, по меркам Зоны он старик. Как он вообще дожил до такого возраста? Возможно, сейчас Стопка старейший сталкер Зоны, даже, может, Слона старше, а уж Слон-то давно на дело не ходит, в Лесном Доме отсиживается, тянет оттуда за ниточки, управляя многочисленными делами. А он, Стопка, своими ногами пятнадцать лет тут оттоптал - и целехонький остался. «Пьяному Зона по колено», - любил говаривать он.

- Что, чуть что - струсил, на меня ответственность сваливаешь? - окрысился Стопка. Обычно ему нравилось, когда с его авторитетом соглашались, но сейчас не хотелось признавать, что он совсем не представляет, как добыть артефакт.

- Да не, - возразил Кирза, - не в том дело, просто ты же старший... двадцать лет Зону топчешь...

Стопка исподлобья глянул на напарника, скривился.

- Заладил, как псевдоплоть... Издеваешься? Я, может, тебе хочу шанс предоставить. Проявить себя. А то чего это все я да я придумываю? Будто у тебя мозгов нет, одни сапоги. Консервы кончатся - сварим их да съедим. - Он вытер красный, с сеткой синих прожилок нос, вздохнул. - Да-а... Зачем я тебя вообще в напарники брал? Без тебя всяко лучше, хоть под ногами никто не путается.

Стопка отвернулся, и Кирза, давно привыкший к ворчанию напарника, ответил:

- Ладно, не гундось опять в самое ухо. Не хочешь думать - сам чё-нибудь соображу.

Сбросив рюкзак, Кирза шагнул к коровнику, остановился в полутора метрах перед ним, разглядывая густую завесу «ржавых волос». Стопка исподтишка следил за ним с чувством глубокого удовлетворения. Уж он-то знает, как с молокососами обращаться!

Сарай невысокий, метра два всего. И Кирза примерно такого же роста. Сталкер, вытянув руку, стал мелкими шажками приближаться к постройке там, где у края крыши лежала «душа». На другом конце ската колыхался горячий воздух и поблескивали язычки пламени. Кирза, почти не дыша, подошел к стене. Он тянул и тянул руку, привставал как мог на цыпочки, но, невзирая на все усилия, до артефакта достать не мог. «Ржавые волосы» у впалой груди его зашевелились, будто почуяли добычу.

- Ай! - Сталкер отпрыгнул, когда бурые колючие побеги качнулись к нему. - Не, никак...

- Неумеха... - разочарованно пробормотал Стопка. Он почесал жидкие волосенки на темени, шмыгнул синим носом. Похоже, не выйдет загresti артефакт чужими руками, придется самому думать. - «Душа», ё! Да ее можно и за семь Сидоровичу загнать! - воскликнул он, подначивая себя и втайне надеясь, что Кирза все же вдохновится и предпримет что-нибудь этакое, добудет ценный хабар.

Но напарник только развел руками:

- Я ж молодой еще, неопытный, сам знаешь.

- Да какой ты, на хрен, молодой! - возмутился Стопка. - Ты уже скока лет здесь?!

- Сам так любишь повторять, - ответил Кирза по-прежнему уныло, и только сейчас Стопка понял, что на самом деле Кирза издевается.

Плюнув, он решил более не реагировать на лукавство напарника и осмотрелся, пытаясь изыскать способ, как заполучить вожаделенную «душу». Пропитанные дешевой водярой и самогоном мозги шевелились слабо, с натугой, порождая никчемные мысли. Никакого просвета - вот те «ржавые волосья», а вон «душа». До нее не дотянуться ну никак, и палкой тоже...

Солнце клонилось к закату, тени от домов стали длиннее, гуще. Сталкеры неуверенно топтались возле коровника, поглядывая друг на друга, и тут Стопку посетила гениальная мысль.

- Лестница, блин! - выдохнул он. - В деревне должна быть хоть одна сраная лестница!

- Чего? - вылупил на него Кирза.

- Ну такая, приставная, да ты их сто раз видал! У меня с бодуна соображаловку подкашивает, а иначе б я сразу въехал.

- Да не, я не про то. - Кирза длинной рукой ткнул в сторону сарая. - Лестница ж не спасет от «ржавых волос»...

- Да чё ты заладил про свои «волосы»! - раздраженно прервал его Стопка. - Давай уже тащи ее, я поддержу прямо, а ты и достанешь «душу». Шевелись!

Стопка присел на рюкзак. Дождавшись, когда сгорбившийся Кирза убредет по дороге в глубь деревни, он дрожащими руками вытащил из внутреннего кармана фляжку. Открутил колпачок, вдохнул, поморщился - и присосался к горлышку. Сделав пару добрых глотков, резко выдохнул, поморгал слезящимися глазами, убрал фляжку и встал. Лицо Стопки просветлело, будто с хмурых небес Зоны на него снизошло вдруг божественное сияние, и даже вроде морщин на нем стало как-то поменьше. Крякнув, сталкер пошел вокруг коровника, бормоча: «Душа!» Полгода бухать! Нет - год! А он - «на фиг!» Алчность его зудела и чесалась, как подсохшая болячка, пересиливая природную вялость. Пять штук на крыше за просто так валяются - и не достать. Зона издевается над старым Стопкой!

Из-за ближайшего дома показался Кирза, он пытая тащил влажную от плесени приставную лестницу.

- Стой! - велел Стопка. - Я тут кой-чего придумал. Напарник остановился, опустив лестницу.

- А? Чё ты там мог придумать...

- Ты с кем дело имеешь, тля? Я самый опытный сталкер Зоны! Короче, с лестницей может не получиться, делаем так: отходим на безопасное расстояние, ты стреляешь, жарка включается, сжигает «волосы» - и артефакт наш. Каково?

Кирза разинул рот. Стопка задрал синий нос, вперив в крышу многозначительный взгляд. Кирза поморгал, привыкая к новой идее, поглядел на Стопку. Напарник был явно горд собой: подобные удачные мысли редко забредали к нему в голову.

- Ну чё, кончай пялиться, пошли, - сказал он наконец, толкая Кирзу в бок.

Тот кивнул с легкой растерянностью, бросил лестницу. Подхватив рюкзаки, напарники вернулись на дорогу, пересекли ее и остановились возле забора.

- Нормалек, - сказал Стопка, поднимая автомат. - Счас мы ее добудем, «душеньку» нашу... - Он прицелился и нажал спусковой крючок.

- А «душа» не горит? - запоздало поинтересовался Кирза.

На крыше коровника полыхнула жарка. Зашипело, вспыхнул огонь...

Сталкеры посмотрели друг на друга - и припустили обратно.

«Ржавые волосы» как корова языком слизнула... вместе со стенками. На месте сарая осталась выжженная земля да россыпь углей. Обгорел и стоящий рядом дом - передняя стенка пропала.

Стопка кинулся к дымящему пепелищу, схватил с земли палку и стал ворошить раскаленные головни.

- Горячо! - крикнул он, прикрывая покрасневшее лицо рукавом. - Помогай, каланча! Это из-за тебя все!

- Почему из-за меня? - Кирза оглянулся в поисках подходящего инструмента.

- Не мог раньше вопрос свой дурацкий задать? - зло огрызнулся Стопка. - Пять штук сгорели заживо, твою же ж мать!!!

Сзади донеслось глухое ворчание. Сталкеры замерли, затем медленно-медленно обернулись.

Внутри дома неторопливо поднималась на все четыре лапы рыжая слепая собака. У ног ее копошились щенки, тыкались безглазыми мордочками в отвисший живот с оттянутыми сосками.

- Вот черт, попали! - пробормотал Стопка, осторожно перетягивая автомат на грудь и не решаясь бросить палку - чтобы не спугнуть мутанта. Собака зарычала. Некрупная... но кормящая самка опаснее троих здоровых самцов. Кирза застыл внаклонку, с протянутой к земле рукой, из рукава торчало костлявое запястье.

- Стреляй же, - прошептал он напарнику. Лицо Кирзы наливалось венозной кровью.

- Легко сказать. - Стопка сморщился. Автомат зацепился за рюкзак и не вышел из-за плеча.

А собака, стряхнув с себя щенков, сделала пару шагов вперед на пружинистых напряженных ногах, вышла из обгорелого дома и припала брюхом к траве, готовясь к прыжку. Губа вздернулась, обнажая матово-желтые влажные клыки. Между сталкерами и мутантом было всего ничего - меньше двух метров.

Позабыв про осторожность, Стопка рванул автомат.

Мутант прыгнул, целя ему в горло.

Сталкер выстрелил, пули ушли в воздух, слепая собака упала ему на грудь, и они покатались по выжженной земле, подняв тучу пепла.

- Стопарь! Стопарь! - беспомощно заорал Кирза, топчась вокруг них, не решаясь открыть огонь: сталкер и мутант сплелись в рычащий ком.

Из-за куста раздался тихий свист. Кирза подскочил, оглянулся, едва не заорав с перепугу. Ветки растущего неподалеку боярышника раздвинулись, и оттуда показался парень с длинными, как у девчонки, черными волосами. Кирза вообще сначала решил, что это и есть баба - пацан был по-девичьи красив, в фигуре его и лице присутствовала непривычная для Зоны гордая утонченность. Лишь когда неожиданный гость скользнул ближе, сталкер разглядел его и понял, что ошибся.

Парень держал кол, грудь перехлестывал ремешок «узи», раскладной приклад которого торчал над плечом.

- Ты кто?! - закричал он, вконец напуганный и растерянный. Парень с колом шагнул к нему. - Стой, твою налево, стрелять буду! - И сталкер вдавил спусковой крючок.

Но выстрелов не последовало: напряженный палец, каким-то образом съехав с крючка, елозил по скобе.

Мальчишка улыбнулся - и у Кирзы холодок пробежал по спине от этой улыбки. Было в ней что-то очень странное, отрешенно-загадочное.

А юнец с колом тем временем подошел к дерущимся. Стопка лежал на боку и уже почти не сопротивлялся, только хрипел, слабо шлепая ладонями по спине зверя. Слепая собака держала его за плечо и медленно двигала челюстями, подбираясь к горлу.

Кирза смотрел, разинув рот. Парень присел на корточки, окинул два тела взглядом, посвистел немного, просунул конец кола между зубами слепой собаки. Та заворчала, но пасть не разжала.

- Ты чё делаешь? - шепотом спросил Кирза.

Мальчишка улыбнулся еще более загадочно и глубже просунул кол. Собака заворчала громче. Он засвистел, привлекая ее внимание, и - о чудо! - мутант, свирепый слепой пес, да к тому же - самка, защищающая детенышей, злее не найти в Зоне зверя, - этот жуткий мутант отпустил плечо Стопки и, слабо рыча, задом стал отползать к дому.

- Уходите, пока я ее держу, - велел парень, рывком поднимая Стопку на ноги. Он был тонкий, гибкий, как молодое деревце, но высокий, и хоть не выглядел сильным, все же легко поставил на ноги тщедушного пьяницу.

Стопка осоловело глянул по сторонам, схватил автомат и направил на собаку, которая уже легла в доме, прикрывая телом щенков. Мутант зарычал, привставая.

Пацан ударил кулаком по стволу, Стопка едва успел убрать палец с крючка, чтобы не прострелить себе ноги.

- Ты чего?! Ты ваше кто такой?! - завопил сталкер, пытаясь поднять автомат.

Кирза потряс напарника за плечо:

- Он тебя спас, Стопарь! Мутанта отогнал! Пошли отсюда быстро, ну ее к бюрерам, эту «душу»!

Стопка развернулся, налитыми кровью глазами посмотрел на него, протянул дрожащие руки.

- Да я тебя... я вас... всех убью! Пять штук!

Парень, склонив голову, задумчиво оглядел сталкеров, и Кирзу пробрала дрожь от взгляда глубоких темных глаз. На миг ему показалось, что сама Зона смотрит на него, и кто знает, что у нее на уме? Кирза этого точно не знал. Он схватил напарника за руку и потащил за собой.

- Сгорела «душа», Стопарь! Скажи спасибо, что собака тебя не загрызла. На волосок от смерти был, алкаш старый! Пить надо бросать, давно надо! Я уж думал, конец тебе, все, помер напарник, остался я один... А пацан тебя спас, дурачина! Отогнал мутанта, я сам видел. Посвистел ей - и она что твой щенок послушалась. Пятнадцать лет Зону топчешь, а понимать не научился, что к чему в этом мире...

Так говорил Кирза, утягивая вяло сопротивляющегося Стопку в лес. Явление мальчишки и то, как тот справился с мутантом - без оружия, одним свистом, одним взглядом, - произвело на сталкера неизгладимое впечатление, перевернуло ему нутро. Нескладный недоросль будто повзрослел за минуту. Он крепко держал напарника, который все порывался вернуться, но был слишком поражен, чтобы вырваться.

Они пересекли лужок, перебрались через ручей. Уже шагнув в пролесок, Кирза обернулся. Незнакомец сидел на корточках возле слепой собаки и будто бы разговаривал с ней, а та не пыталась на него напасть. Эта картина была для Кирзы нарушением всех законов Зоны, и он ушел задумчивый и просветленный, решив, что больше в жизни не возьмет в рот ни грамма этой чертовой водки. Отныне - только портвейн.

2

Они ввалились в бар встрепанные и запыхавшиеся. Стопка держал в руке флягу, отвинченная крышка свисала с горлышка на цепочке и звякала о металлический бок.

- Бармен, капни-ка сюда! - дрожащим голосом крикнул он, поднимая фляжку.

На него оглянулись. Народу в зале было немного: день. У стойки сидели двое - мужчина в возрасте, с аккуратной бородкой клинышком, похожий на врача, разве без халата, и молодой сталкер, который все выпрашивал что-то у старшего. За столиком в углу устроился Мировой и двое ребят из его группы.

Бармен, он же хозяин заведения, знал Кирзу и Стопку - они часто околачивались в его заведении, пропивая заработанное или напрашиваясь на угощение, если деньги кончились. Ни слова не говоря, он потянулся за бутылкой виски.

- А мне пива и бутерброд какой-нибудь, - добавил Кирза. Напарники прошли к окну и сели за маленьким столиком. Сталкеры в баре вернулись к своим разговорам, только Кипяток - самый молодой из группы Мирового - обратился к Кирзе:

- Добыли чего? Рано вроде вернулись, с утра только вышли, Бармен говорил.

Стопка вскочил, не успев коснуться задом стула, и заорал, потрясая кулаками:

- Я пять штук потерял из-за него, чтоб он сдох! Моих кровных!

- Тихо ты, - дернул его за куртку Кирза. - Успокойся уже, достал.

Однако и у него дрожали руки, когда он вытащил сигарету из пачки, предложенной Кипятком.

- Чего орет? - кивнул Кипяток на Стопку. Тот, закрыв лицо ладонями, упал на стул и застыл, сгорбившись.

Кирза прикурил, судорожно затянулся, закашлялся.

- Такая, понимаешь, история приключилась... - Он разогнал дым перед лицом. - Такая, кровосос тебя раздери, странная штука...

Здоровяк, Круча и Мировой переглянулись.

- Ну, давай сюда, расскажешь. - Мировой выдвинул свободный стул. Командир наемников был среднего роста, жилистый, коротко стриженный, со скупыми движениями - сразу виден бывший военный.

Кирза, тронув Стопку за плечо, пересел к столу Мирового. Кипяток развалился на стуле, положил ногу за ногу.

- Что, контролер вас ограбил? - хохотнул он. - Что за вопли-то?

Бармен принес пиво и тарелку с бутербродами, протянул Стопке его фляжку.

- Я угощаю, - сказал Мировой. Бармен пожал плечами - ему все равно, лишь бы платили, - а Кирза, благодарно кивнув, накинута на еду.

- Стопку чуть слепая собака не загрызла, - с набитым ртом прочавкал он. - Да тут вышел из леса этот пацан и собаку, как это... загипнотизировал.

Двое у стойки замолчали, старший обернулся, прислушиваясь. Мировой выгнул бровь.

- Ты не гони, давай в подробностях: кто, где, когда?

- Пять штук, мать моя женщина! - возопил Стопка, заглядывая в горлышко фляжки - и надолго приткнулся к ней, громко булькая. Кипяток заржал, хлопнул себя по колену, Круча слегка улыбнулся.

- Вроде я знаю, об ком щас речь пойдет, - прогудел он басом.

Кирза кинул на него затравленный взгляд.

- Я, блин, не уверен даже, что он человек! Мальчишка такой худой, смотрит так, будто... насквозь пробирает! Будто знает о тебе что-то, чего ты сам не знаешь! - Он схватил стопку водки, стоящую перед Кипятком, но не донес до рта - увидев, что в руке, скривился и побыстрее отставил. Взял кружку пива, сделав глоток, рукавом отер с губ пену. - Короче, мы с этим, который теперь ни о чем другом думать не может, мимо Армейских складов топали... ну, Кипяток знает, мы с ним маршрут смотрели. И попали в поселок какой-то, мелкий совсем, на карте нет. И там, короче, нашел Стопка «душу». А тут на него - мутант! Слепая собака, у ней щенки в развалюхе пищали!

- Ага! Такая тебя пополам перегрызет, вякнуть не успеешь, - с удовольствием сказал Кипяток, потирая руки, как будто свирепость самки была его личной заслугой.

- Так и не загрызла едва! - чуть не захлебнулся пивом Кирза. Пена разлетелась по столу, и внимательно слушавшие Круча с Мировым слегка отодвинулись.

- Что случилось? - повторил командир.

- Так я же и говорю: а тут из леса - этот! - выпалил Кирза. - Странный пацан, ну очень! Тонкий такой - не тощий, вот как я, а просто... ну, блин, не знаю, как сказать... утонченный!

- Змееныш это, - прогудел Круча. - Я когда у Слона работал, видел его. Приемш Мазая, который пропал.

- А мне плевать, будь он хоть папа римский, нехай возвращает мои пять штук! - Стопка наконец оторвался от фляжки. Глаза у него стали мутные, морщинистое лицо покраснело, синие жилки на носу проступили четче.

Кипяток хлопнул по колену и заливисто рассмеялся.

- Батя, чего переключило-то тебя? Отобрал Слонов пацан твои бабки, что ли?

- Да нет, - поморщился Кирза. После еды и пива он немного успокоился, руки больше не дрожали. - Сгорела его «душа», еще до того, как странный этот из леса вышел. Кто такой, говорите? - Он устремил на Кручу слегка ословелый взгляд.

Стопка разрыдался пьяными слезами.

- Ох, горит душа, ох, горит, верно сказал, напарничек...

- Ну тебя развезло! - Кипяток покосился на плачущего сталкера.

- Так что там с «душой»? - напомнил Мировой.

- Да в жарке сгорела, - махнул рукой Кирза. - А потом - собака появилась, но пацан этот ее свистом отогнал. Свистом! Кто он такой, почему мы со Стопарем раньше про него не слышали? Думал, всех в Зоне знаем...

Круча с Мировым переглянулись, а Кипяток пренебрежительно фыркнул.

- То вы так думаете, пьяницы несчастные. Поменьше бы в канавах отсыпались да мозги водярой травили! А про пацана - чего говорить? Мутантово семя.

- Не говори, о чем не знаешь, - оборвал его командир. Кипяток вспыхнул:

- А вот и знаю! И все знают, и вы тоже знаете, что он звериный выкормыш и с мутантами дружит! История этих двоих тому верный пример! Ха, не знаю! - Он щелчком выбил из пачки сигарету и закурил. - Где бы вы еще увидели, скажите мне, чтоб какой-то щенок свистом слепую собаку отогнал? Да не может такого человек, но определению! - Кипяток победно оглядел собеседников и добил: - Мне Магадан покойный рассказал, как его нашли.

В баре повисла тишина. Мировой скептически смотрел на Кипятка, Круча разглядывал свои кулачищи - это был человек-скала, огромный, могучий, но вне драки кроткий, как теленок.

- Дурак твой Магадан, - произнес он наконец.
- А сам-то! - подскочил Кипяток. - Да ты даже у Слона удержаться не смог, меньше полугода проработал, и выперли тебя! А у Слона, всем известно, самое теплое место для сталкера, абы кого не берут!
Кипятка в свое время не взяли - в том числе за взрывной характер.

3

Кирза переводил недоуменный взгляд с одного на другого.
- Подождите, мужики. Так пацан этот мутант? Контролер, что ли? Почему тогда не убил нас, не взял под контроль? Я чё-то не догоняю, разьясните.
Кипяток обернулся к нему.
- Магадан рассказывал, что жил этот щенок-мутант в человеческом обличье в стае псевдопсов, кормила его мамаша-мутантиха, а нашли его...
- Хорош заливать-то. - Круча положил ладонь напарнику на плечо, и тот присел под весом могучей руки. Стопка, распластавшись по столу, рыдал все тише и наконец замолк, после чего захрапел.
Мировой, подавшись вперед, сказал веско:
- Я тоже слышал про этого Змееныша. Давайте-ка разберемся, кто он такой. В одной Зоне живем, надо знать, чего ожидать, когда на дело идешь. Ты, Кипяток, заткнись, хватит слухи перевирать. Круча, выкладывай, чего знаешь.
- Да я!.. - взвился Кипяток, но тяжелая ладонь Кручи усадила его на место. Молодой сталкер, фыркнув, сложил руки на груди и закинул ногу на ногу, всем своим видом выражая презрение и недоверие.
Никто не заметил, как подошли эти двое.
- Разрешите присоединиться? Меня зовут Иван Васильевич, а это мой друг Пятка. - Пожилой сталкер с бородкой поклонился. - Дело в том, что меня тоже очень интересует феномен этого, как вы его назвали, Змееныша.
Мировой оглядел обоих с ног до головы и сдержанно кивнул. Молодой Пятка тут же подвинул два стула от стола, где дрыхнул Стопарь, и они сели. Командир коротко представил своих людей.
- Кирзач, - сказал Кирза. - А это Стопарь, ему не повезло сегодня, поэтому он немного того... нажрался, - смутившись, пояснил он.
- Очень приятно, - отозвался Иван Васильевич, доставая из нагрудного кармана очки и сквозь линзы рассматривая храпящего Стопку. - Тяжелый случай алкогольной абстиненции.
- Абси... чё? Вы врач? - уважительно спросил Кирза.
- Когда-то был, - улыбнулся сталкер. - Я вообще много профессий сменил.
- Вернемся к Змеенышу, - сухо напомнил Мировой.
- Ах да, простите. - Иван Васильевич снял очки и приготовился слушать. Все усталились на человека-скалу.
Круча пожал могучими плечами.
- Да чего лишний раз воду в ступе толочь? Видел я его, давно уже, обычный пацан. Ну, артефакты чуял, ну вот будто бы он водку, - сталкер кивнул на Стопку, - или Кипяток колбасу, ну так что? Когда в Зоне долго живешь, у многих чутье развивается. А он с рождения тут. Не было в нем ничего звериного.
- Да как же?! - взвился Кипяток. - А с мутантами ты разве дружишь? Лет семь небось Зону топчешь - а есть у тебя в приятелях контролер или кровосос? А? Что скажешь? Нету! Нету и быть не может!
- Некоторые приручают слепых псов для охраны, - заметил Мировой.
- Так это же совсем другое дело!!! - заорал Кипяток, возмущенный тем, что ему никто не верит. - Говорю вам, звериное отродье! Мутант как пить дать!
Иван Васильевич протер очки вынутым из другого нагрудного кармана чистеньким платком.

- Я прошу прощения, что вмешиваюсь, но вот вы сказали... простите, Круча, да? - Великан кивнул, и сталкер продолжат: - Сказали, что он человек. Но ведь это... Кипяток, простите? Так вот, Кипяток, то, что Змееныш человек, совершенно не мешает ему иметь какие-нибудь аномальные способности. Эти умения еще не делают его мутантом, поймите. Я десять лет работал врачом на Периметре и могу со всей ответственностью утверждать, что многие дети, рождающиеся возле Зоны, обладают малопонятными и пока не изученными умениями. Телепатия, телекинез, шестое чувство, почти звериный нюх, поразительная интуиция, настоящее предвидение - порою просто диву даешься, как воздействует излучение Зоны на человеческие гены! Я лично видел проявление экстрасенсорики...

- Э, док, ты поосторожнее, за такие слова и в морду можно схлопотать, - напустился Кипяток.

- Прошу прощения?

- Заткнись, - велел Кипятку командир. - Так вы говорите, док, с этим парнем все в порядке?

Иван Васильевич водрузил очки на нос.

- В каком-то смысле. Скажем так, для Зоны - это в норме вещей, но ведь Зона, как вы понимаете, сама одна сплошная аномалия, и ее норма - вовсе не норма там, в обычном мире. И вы для всего человечества тоже аномалия, почти мутанты, ведь вы, то есть мы, мы живем под постоянным действием радиации, якшаемся, как выразился молодой человек, с мутантами...

Кипяток ахнул кулаком по столу:

- Да чего ты несешь?! Да я тебе сейчас рыло начищу! Мировой, Круча, он нас мутантами обозвал, нет, вы слышали? Ах ты ученая харя, мутантов выкормыш, чтоб тебя кровосос в задницу поцеловал при лунном свете...

- Умолкни! - гаркнул разозлившийся наконец Мировой.

- Нет, вы слышали?! - бушевал Кипяток, поворачиваясь то к Круче, то к командиру и не слыша приказа. - Этот сморчок еще скажет, что я по ночам к самке псевдогиганта хожу? Ах ты сука ученая, интеллигентшишка вшивый, а ну как дам в очки твои блестящие, чего запоешь?!

- Иван Васильевич, не обращайтесь внимания на дурака! - заволновался Пятка, когда сталкер приподнялся. Но тот, спокойно улыбнувшись, встал - и коротко, почти без замаха, ударил кипятившегося молодца в челюсть. Кипяток ахнул и осел на стул, вращая глазами. Бывший врач тоже сел, обтер кулак платком.

- Простите, не сдержался, - сказал он тоном чистосердечного раскаяния.

- Да я его!.. - очнулся Кипяток, порываясь встать, но Круча схватил его за плечо и дернул так, что молодой сталкер чуть не перевернулся вместе со стулом.

- Кипяток, на месте сиди! - велел Мировой. - Ты достал уже всех, сиди и молчи, а то еще раз в рыло получишь, от меня. Чтоб ни слова больше - понял? Ты понял? - И когда тот насупленно кивнул, повернулся к Ивану Васильевичу: - Так вы говорите, что...

Дверь приоткрылась, в бар скользнула гибкая фигура. Сталкеры обернулись, уставились на юношу, который легкой походкой приблизился к стойке. Высокий, стройный, по плечам рассыпались черные волосы, черты лица тонкие и мягкие, за спиной на ремне «узи», на поясе закручена веревка, в руках заостренный кол.

Бармен, сидящий за стойкой на высоком табурете, оторвался от газеты.

- А, это ты, - сказал он, складывая ее. - Пошли на кухню.

- Спешу, - негромко ответил юноша. - Нужны патроны и консервы.

Бармен зыркнул на сталкеров. Конечно, приличия требовали, чтобы гости не пялились на дела хозяина, но тут случай был особый, и никто, даже Мировой, не смог отвести глаз, а Кипяток с Кирзой так и вообще сидели, разинув рты. Змееныш, не обращая внимания на посетителей бара, расстегнул фиксаторы висящего на поясе контейнера.

- «Слизь», «шрапнель», два «ломтя мяса», «капля», - перечислил он.

Бармен, нахмурившись, взял протянутый гостем контейнер и убрел в глубь бара, за бамбуковую занавеску. Хлопнула дверь в коридоре, стало тихо. Мировой искоса оглядел сталкеров. Стопка спал, а Кирза сжался на стуле, будто в бар наведалься сам Сатана. Бармен

вернулся с двумя картонными коробками патронов и пластиковой упаковкой консервов, Змееныш сунул все это в рюкзак на плече и пошел к выходу. Кипяток вдохнул сквозь зубы.

- Эй, мутантово семя! - крикнул он.

Змееныш обернулся. Все замерли. Круча вновь протянул огромную ладонь, чтобы задержать поднимающегося приятеля.

Змееныш слегка улыбнулся, устремив на молодого сталкера взгляд темных глаз, - и Кипяток, на секунду замерев над стулом, со стоном рухнул обратно. Будто сразу же позабыв о нем, Змееныш выскользнул из бара, оставив за спиной гробовое молчание.

Потом все заговорили разом.

- Чего он с тобой сделал?! - вскинулся Кирза.

- С вами все в порядке, молодой человек? - обеспокоенно спросил Иван Васильевич.

Круча прогудел недовольно:

- Чего на рожон лезешь? Опять получил, в который раз.

- Не, вы видели?! - отряхиваясь, будто собака после купания, отозвался Кипяток. Губы его дрожали. - Да он меня загипнотизировал! Точно мутант! Контролер, зуб даю! У меня в башке как пузырь лопнул...

А Мировой, повернувшись к хозяину, негромко позвал:

- Бармен!

- Ну? - недовольно откликнулся тот, выглядывая поверх газеты.

- Две коробки патронов и консервы за пять артефактов? Да ты неплохо наварился, я погляжу.

- Твое какое дело? - огрызнулся хозяин. - У меня с этим парнем свои расчеты.

Пятка, все это молчавший, обратился к бывшему врачу:

- Иван Васильич, а все-таки он мутант или человек? Раз с генами Зона что-то напортачила, значит, всякие изменения... ну, эти, вы говорили, - мутации. То есть все-таки мутант?

Сталкер с бородкой укоризненно взглянул на своего друга:

- Пятка, Пятка, чему я тебя учил все это время? Если так смотреть, то мы все без исключения мутанты, ведь случайных мутаций в генах каждого из нас огромное количество. Да к тому же ты только что видел этого юношу - он совершенно такой же человек, как и мы, нормальный. Ну, может быть, более чувствительный, чем простые сталкеры, все-таки родился здесь...

- Звериное отродье! - Кипяток, уже забывший, что недавно получил по морде, стукнул кулаком по столу. - Вот как ты объяснишь, док, что он с мутантами дружит? Они его не трогают! Вот придумай что-нибудь на это!

Иван Васильевич не успел ответить: Круча поднялся и всем своим могучим телом навис над молодым сталкером.

- Чего ты такой глупый, Кипяток, не пойму? - прогудел он. - Ведь Змееныш от Стопки слепого пса отогнал? Отогнал. И Кирзу, твоего дружка, тоже спас. И других тоже спасал не один раз, если б ты кипятком всю жизнь не писал и поменьше других слушал, то знал бы об этом. Не трогают его мутанты - зато и других сталкеров не трогают, когда Змееныш рядом. Иногда он очень вовремя появляется, ровно чтоб успеть спасти шкуру какого-нить оболтуса вроде тебя от зубов слепой собаки. Ясно? Он вроде этого, как его... спасателя, понятно? Оберегает, короче, хороших людей. Талисман! И тебе бы об том не забывать, когда в Зоне окажешься один на один с псевдоплотью.

Он постоял еще немного, будто собираясь добавить что-то, но ничего больше не сказал, лишь рубанул воздух ребром ладони - и сел обратно. Мировой с удивлением смотрел на подчиненного: не ожидал от человека-скалы подобной риторики.

Иван Васильевич поднялся и протянул Круче руку:

- Поздравляю, - торжественно произнес он. - Вы только что поняли суть этого странного явления. Змееныш - талисман Зоны!

Кирза на это лишь хмыкнул. Одно он знал точно: водку больше пить не станет ни за что.

Глава четвертая. Гостья из-за кордона. Первая встреча

1

В Лесном Доме царил переполох: ждали Оксану, дочку Слона. Часовой на крыше водокачки высматривал, не едет ли джип, во дворе перед кирпичным баракom накрыли стол, принаряженная Варвара носила и носила блюда с едой. Сталкеров причепурить, понятно, гиблое дело, они расселись на лавках вокруг стола кто в чем был и подшучивали друг над другом, смущенные общей суматохой... но вот Слон надел пиджак. Это стало событием, и когда хозяин в тесноватом черном смокинге спустился на крыльцо, по всей вершине холма раздались смешки.

Слон кинул хмурый взгляд в сторону стола и остался на крыльце, нетерпеливо поглядывая из-под ладони на дорогу. Двое часовых, пряча автоматы, караулили на подъезде за распахнутыми воротами. Лесной Дом бурлил и волновался.

Заточка, выйдя из машины, неловко подал девушке руку, но гостья, легко хлопнув его по пальцам, выскочила сама и взбежала на крыльцо. Слон шагнул к ней.

- Ну, привет, - несколько смущенно произнес он. Слон не видел дочь около десяти лет. Она выросла красавицей, и это не стандартная красота с обложки журнала. Мать ее была с Востока, Оксана унаследовала смуглую кожу, широкие скулы, узкий подбородок и миндалевидные глаза, но не темные, а сине-зеленые, как у отца.

- Привет, папа! - Оксана обняла его за шею - Слону пришлось нагнуться - и поцеловала в щеку. У стола кто-то захлопал, но хозяин зыркнул туда над плечом дочки, и аплодисменты мгновенно смолкли.

Следом за девушкой на крыльцо поднялся телохранитель Колобок - подручный Слона, которого тот год назад отправил в город, чтобы охранял дочку. Дюжий, хотя и немного оплывший сталкер лет двадцати пяти, румяный, пышущий здоровьем, с маленькими глазками. Челюсти его медленно двигались: Колобок не жевал жвачку, только когда спал или ел.

- Чего скакать? Я так однажды могу и не успеть, - просипел он в спину Оксане. У Колобка были повреждены связки, и говорил он сиплым низким голосом.

Девушка не обратила внимания на его слова, так как давным-давно поняла, что Колобок в целом безобиден и покладист. Стоя на крыльце, Оксана повернулась и широко раскинула руки.

- Всем привет! - радостно воскликнула она. Сталкеры зашумели, замахали ей, что-то выкрикивая. Девушка кивнула и через плечо посмотрела на Слона: - А где аномалии?

Заточка поднялся на крыльцо, волоча два чемодана и рюкзачок с нарисованным на боковине улыбающимся Чеширским Котом. Услышав слова Оксаны, он ухмыльнулся и, цыкнув сквозь зубы, сплюнул на ступени.

- Это же Лесной Дом. Самое безопасное место в Зоне... ну, для тех, кто здесь живет, ясное дело.

Оксана вздернула бровь.

- Безопасное? Вот спасибо! Этого мне и в интернате хватало. Туда не ходи, сюда не ходи... Папа, я надеюсь, здесь вы не будете меня за решеткой держать? А то я обижусь!

У Слона редко случалось, чтобы он не знал, что говорить. И не терялся он никогда - а вот теперь пребывал в растерянности и легком смущении. Зона - территория мужчин. Женщины здесь, конечно, тоже попадают, но редко, и по большей части толстые глупые клуши, как Варвара, либо разбитные девицы, вроде работающих в «Сундуке». Хозяин Лесного Дома не привык разговаривать с красивыми молодыми девчонками. К тому же он плохо помнил дочь...

- Ничего, все решим, - невнятно проворчал он.

- Я думала, ты мне все покажешь, - настаивала дочь.

- Тут любое твоё желание закон. - Слон брякнул первое, что пришло в голову, и неловко обнял ее за плечи. - Пошли, расскажу, что здесь и как.

- Вот, правильно! - Оксана даже хлопнула в ладоши, радуясь, как ребенок. Да она и была ребенком - в свои семнадцать лет девушка не видела ничего, кроме закрытой частной школы, и хотя выглядела красивой зрелой девушкой, повзрослеть не успела. Она громко смеялась, когда ей было весело, и обижалась, если что-то ее не устраивало, плакала, а могла и поколотить обидчика в случае чего - ее не смущали такие мелочи, как уместность проявления чувств.

- Вещи наверх давай, - велел Слон порученцу, кренившемуся под весом чемоданов. Оксана уже сбегала с крыльца, и отец поспешил за ней. Заточка кивнул, пожирая девушку взглядом.

- Помогай давай, тефтеля, - сказал он. Колобок, флегматично покосившись на Заточку, отодвинул его плечом и затопал следом за девушкой. Заточка недовольно ощерился ему в спину, но Колобок, став телохранителем дочки хозяина, вышел из-под командования порученца, и тому пришлось самому волочь чемоданы с рюкзаком по винтовой лестнице.

Отбежав от крыльца на несколько шагов, Оксана обернулась, задрала голову.

- Ух ты! - воскликнула она, из-под ладони разглядывая бывшую водонапорную башню. - Большая она у тебя!

- Ну да. - Слон пожал плечами. - Не в маленькой же жить, не поместишься.

- А наверху пулемет! Настоящий? - обрадовалась девушка и замахала часовому на крыше: - Эй, привет! У вас пулемет стреляет?

Часовой неуверенно помахал в ответ и ничего не ответил - то ли не знал, как отвечать на столь странный вопрос, то ли не расслышал. Вместо него вразнобой загомонили сталкеры за столом:

- Еще как стреляет! Бабахнет - всем кранты. Хочешь стрельнуть? Иди сюда, мы тебе дадим пистолет подержать!

Раскрасневшаяся от удовольствия Оксана подошла к сталкерам, протянула руку к сидящему ближе всех Игнату.

- Я Оксана, а вы? - Сталкеры засмеялись.

- Игнат я, завхоз, - насупился Игнат, будто даже обидевшись.

- Ну так будем знакомы! - воскликнула Оксана, встряхнув заскорузлую ладонь старого сталкера. Вокруг опять засмеялись, даже недовольный всей этой суетой Слон улыбнулся.

- Здесь наша кухня и столовая. - Он показал на здание рядом с баракom. Из дверей показалась Варвара с подносом, накрытым льняной салфеткой, от которого сильно пахло сдобой.

- Здравствуйте, тетя Варя! - радостно воскликнула девушка. - Мне папа о вас писал и Колобок рассказывал!

- Ох ты кровинушка моя бедная!

Кухарка, поставив поднос на стол, обняла Оксану. Она видела девушку впервые в жизни, но уже успела полюбить ее всей душой - за то, что та такая молодая и красивая, по-детски живая, и за то, что она живет без матери. Сердце кухарки содержало огромные, нерастратенные запасы нежности. Конечно, она заботилась о сталкерах, которых воспринимала как больших, шумных, непослушных детей, но ей нужен был настоящий ребенок. После того как ушел Змееныш, Варвара вся извелась и даже немного похудела. И теперь, когда появилась Оксана, кухарка расцвела, а уж от обращения «тетя» мгновенно растаяла.

- Бедная моя девочка, ты голодная? От Кордона долго ехали, в дороге мужики и не додумаются покормить, - ворковала Варвара, обняв девушку и увлекая ее за стол. - У меня и пирожки есть, напекла с утра и вот пироженко припасла, небось любишь сладкое?

Оксана засмеялась.

- Люблю, тетя Варя, я все вкусное люблю!

- Так я принесу сейчас, - озаботилась Варвара и, пыхтя, устремилась на кухню, вытирая глаза углом фартука. Тут же позабыв и про нее, и про «пироженко», девушка села на лавку между сталкерами, которые немедленно очистили ей место.

Непосредственность и открытость девушки очень быстро завоевали Оксане всеобщую любовь. Слон хоть и был недоволен тем, что дочь осталась ужинать со сталкерами (в его

кабинете был накрыт стол получше), однако возражать не стал и уселся на стул, который подошедший Заика поставил во главе стола. Несколько сталкеров удивленно покосились на хозяина - он редко снисходил до того, чтобы сесть со всеми, - но взгляды их быстро вернулись к девушке. Позади Оксаны возник Колобок. Вытащив изо рта розовую жвачку, прилепил ее к мочке уха, взял со стола пирожок побольше и стал со вкусом есть, неторопливо двигая мясистым подбородком. Заточка шагнул к хозяину.

- Все сделал, - прошептал он, неотрывно глядя на Оксану. - Ну и дочка у тебя выросла - загляденье!

Слон покосился через плечо на помощника и процедил тихо:

- Губу закатай.

Заточка вздрогнул, как от пощечины.

- Да ты чего? Я... да и в мыслях не было...

- Ага, рассказывай. Я не вижу, как слюни пускаешь?

- Да я... Просто... Хозяин, я ж для тебя стараюсь, ты знаешь, - вдруг брякнул он и, помрачнев, отвернулся. Чистое восхищение красотой и живостью девушки сменились обидой на Слона. У порученца действительно и мысли не было напрашиваться в зятя хозяину - просто в гниленькую, сумеречную душу Заточки заглянула первая в жизни влюбленность. И Слон оборвал чувство резко, грубо, оставив внутри неприятную пустоту.

- Зачем ты так? - тихо, с обидой пробормотал Заточка.

Слон не сводил с дочери задумчивого взгляда.

- Ладно, не дыши в ухо, - бросил он порученцу и повел в воздухе рукой, пытаясь сформулировать мысль. О подобных вещах хозяину Лесного Дома приходилось думать не часто, а говорить - и подавно. - Я хочу, чтобы у Оксанки моей все было, что пожелает. В университет зарубежный отдам, в этот... в колледж. Мужа найду богатого, из иностранцев. Пусть у нее жизнь будет нормальная, не как у отца ее, который из голытьбы выкарабкался, да все собственными руками. Ведь заслуживает моя дочка всего, а? - Слон обернулся.

- Зачем тогда сюда ее притащил?

- Да она сама напросилась, вези да вези в Зону! - с досадой крикнул Слон. - Интернат закончила, не смог отказать... Старый, наверно, становлюсь, мягкий.

А Оксана уже вставала из-за стола, ей не сиделось на одном месте.

- Где у вас оружие хранится? Дайте за пистолет подержаться, обещали!

Целый вечер ее водили по Лесному Дому. За бараком было стрельбище - выдали Оксане наушники и «тэтэшник», затем и «калаш» Слон разрешил подержать. Потом, как стало темнеть, Слон устроил экскурсию - и жилой барак показал, и недавно отремонтированным гаражом похвастался, и даже на крышу водокачки сводил, чтобы Оксана увидела весь холм. Колобок неотступно следовал за девушкой, карманы у него были набиты Варвариными пирожками.

- Одна без разрешения за ворота не ходи - склон заминирован, - добавил Слон, стоя рядом с дочерью возле низкого, по колено, бордюра на краю крыши.

- Зачем? - удивилась Оксана. - Разве мутанты к домам подходят? Они такие опасные?

Слон неопределенно пожал плечами. Не рассказывать же ей, что некоторые люди опаснее мутантов?

- И зачем тогда пулемет, если все равно по склону не пройти? - продолжала допытываться она.

Стоящий на часах молодой Филин, лопоухий и пучеглазый, засмеялся.

- Дак вон Змееныш, к примеру, по минам тогда как по тротуару прошел. Для таких, как он, я тут и приставлен... А чего я такого сказал?! - взвыл он: Слон отвесил ему затрещину.

- Это кто Змееныш? - заинтересовалась Оксана. - Вроде я со всеми познакомилась. - Она поставила колено на парапет, нагнулась вперед, разглядывая двор. Слон крикнул и схватил ее за талию.

- Осторожно!

- Был тут один, - пояснил Филин, отодвинувшись от хозяина. Тот мрачно глянул на него, и сталкер замолк.

- Идем, покажу твою комнату, - добавил Слон. - Поздно уже, а ты с дороги не прилегла даже. Да и я устал за день, надо отдохнуть.

Оксана как зачарованная разглядывала вечернюю Зону. Огни в Лесном Доме еще не зажгли, хорошо виден был темный лес у подножия и слабое свечение аномалии на опушке. Небо над Зоной, как пятнами чернил, было заляпано тучами, а на севере будто полыхал огонь - там рахливалось розовое свечение, в котором едва-едва проглядывали загадочные темные силуэты далеких зданий.

- Красивый закат! - вздохнула Оксана. - В городе такого не...

- Выброс, что ли, скоро? - неуверенно протянул Филин. Слон с Колобком уставились на горизонт, хозяин взглядом пошарил по небу, увидел атую полосу заката в стороне от розового свечения и рявкнул:

- В подвал!!!

Филин так и присел от неожиданности. Бросив бинокль, он прыгнул к люку, возле которого в бетон была утоплена квадратная пластинка с красной кнопкой в центре. Сталкер вонзил в нее палец, и над холмом разнеслась низкая тревожная сирена. Слон схватил Оксану за руку.

- Быстро вниз! - Девушка выдернула руку.

- Не буду я прятаться, я посмотреть хочу!

- Ты спятила?! - Отец попытался схватить ее запястье, но Оксана отступила к краю крыши, и он остановился, увидев, что она стоит над самым бордюром, через который кувыркнуться - раз плюнуть.

Во дворе поднялась суматоха. Сталкеры выбегали из барака, накидывая куртки, кто-то растрепанный, в незаправленной рубашке - многие уже легли. Посмотрев на север, на разлившееся в треть неба свечение, они цепочкой скрывались в открывшемся возле барака люке.

- Это смертельно, ты пойми! - загрохотал Слон. Он наступал на дочь, а она, сложив руки на груди, пятилась вдоль бордюра.

Оглянувшись, Оксана удивленно воскликнула:

- Зачем они все бегут под землю?

- Да ведь выброс!!! - рявкнул Слон. Колобок топтался рядом, а Филин давно скрылся в люке.

- Разве он такой опасный? - расстроилась девушка. - Может, хоть из окна?... - с надеждой спросила она. Тяжело дышащий отец глядел на нее, и Оксана наконец смирилась - подойдя к люку, стала спускаться. Слон полез за ней. Колобок покинул крышу последним, кинув взгляд на север, закрыл тяжелый люк и сдвинул засов.

По винтовой лестнице они прошли всю водокачку и попали в подвал. Там уже ждал Заточка, нервничая, переминаясь с ноги на ногу.

- Наконец-то! - с облегчением воскликнул он, распахивая железную дверь.

Оксана первой вошла в подвал, порученец запер за хозяином дверь. Слон щелкнул выключателем. Вспыхнувшая лампочка залила ярким желтым светом стол с парой стульев, диван у стены, старый резной буфет, за пыльным стеклом которого виднелись стаканы и бутылки. На столе стояли электрический чайник и маленький заварной с щербатым носиком. Колобок встал возле дверей, прислонившись к косяку, сложил руки на груди, снял с уха жевачку, сунул в рот и начал меланхолично двигать челюстями, глядя в пространство перед собой.

Девушка прошла по комнате, постучала костяшками пальцев по железным стенам.

- Как в бункере, - поежилась она. - И холодно.

- Сейчас горячего выпьем. - Слон включил чайник. Гудение наполнило комнату, к этому звуку добавился другой, более низкий и мощный, почти на грани слышимости. Оксана зажала уши ладонями, потом отняла их, снова прижала к ушам...

- Как морская раковина, - улынулась она.

- Не боишься? - Слон глянул на нее исподлобья, и Оксана рассмеялась.

- А чего бояться? Ты меня защитишь.

Заточка, во все глаза глядя на нее, отодвинул стул от стола и сказал:

- Ты садись.
Кивнув ему, девушка села.

- Спасибо, ты такой... милый. Послушай, Заточка, а как тебя зовут? Это все-таки как-то не по-человечески - эти все клички. Прикольно, как в игре, но поговорить все-таки с человеком хочется, не с кличкой. А?

Сталкер отвернулся, скрывая смущение.

- Ну... меня вообще-то...

- Заточка и есть, - оборвал Слон. Он устал и был недоволен своеволием, проявленным дочкой на крыше. Ссутулившись, Слон облокотился на стол, подпер подбородок огромной ладонью. - Нечего тебе с ним говорить.

Оксана удивленно посмотрела на отца.

- Папа! Вот от тебя я не ожидала, что ты станешь мне указывать, с кем общаться. Я думала, ты меня любишь! А ты - ну прямо как наши училки. Туда не ходи, сюда не ходи... Я тебе маленькая, что ли?

- Вот именно. - Слон негромко хлопнул ладонью по столу. - Я тебя давно не видел, запомнил в платьице и с косичками... Для меня ты маленькая, и здесь - Зона, не парк отдыха.

Девушка вскочила.

- Неправда, я уже взрослая! - горячо воскликнула она. - Посмотри на меня, я выросла! Я не могу всю жизнь оставаться маленькой девочкой, это, в конце концов, смешно. - Она от возмущения даже притопнула. - И я хочу в Зону!

- Ты и так в Зоне, - удивился Слон.

- Нет, в настоящую Зону, туда. - Оксана махнула рукой. - В лес! Хочу увидеть аномалии и артефакты!

- Артефакты я тебе могу показать, у меня в сейфе осталось кое-что, - отозвался отец. Оксана подбоченилась.

- В сейфе? Может, у тебя еще мутанты в клетке за стрельбищем? Аномалии в стеклянной банке?

Заточка тихо фыркнул, отворачиваясь, и присел на диван.

- Дочка, в Зоне опасно, - повторил Слон угрюмо.

- Я и хочу, чтобы опасно! - Оксана уперла руки в бока. - Я для чего, по-твоему, сюда приехала? На экскурсию в зоопарк, что ли? Я хочу настоящую Зону увидеть! Мутантов настоящих, аномалии настоящие... Все настоящее! Меня двенадцать лет в школе взаперти держали - как в клетке, знаешь, как надоело? Я же не кукла, а живой человек, мне жить хочется!

- Так живи! - Слон заворочал большой головой, не желая понимать. - Вот поедешь в университет, колледж этот - и живи себе, друзей заводи, я же для того и работаю, чтобы ты могла делать все, что захочешь...

- Вот я и хочу! В Зону хочу! Завтра!

- Нет, тебе туда никак нельзя. - Слон выпрямился во весь рост, почти упершись макушкой в потолок. - Все, не проси больше, разговор окончен. Таким, как ты, девчонкам в Зоне делать нечего. Там и взрослые мужики то и дело гибнут. Я сказал.

Оксана насупилась, нижняя губа ее дрогнула, в глазах появились слезы.

- Да-а... Я для тебя никто, кукла красивая, а не дочь. Ты вон десять лет меня не видел и еще десять не увидел бы, если бы я сама к тебе не напросилась... На самом деле ты меня не любишь... - Она оттащила стул в дальний угол, села там лицом к стенке и затихла. Слон беспомощно посмотрел на Заточку, но тот, опустив голову, сложил руки между коленей и сидел безучастно, как будто все это его не касалось. Колобок возле дверей едва заметно улыбнулся, продолжая жевать.

- Оксанка... - Голос Слона дрогнул, как и отцовское сердце, и в душе он проклинал себя за эту слабость. - Оксана, прекрати. Как ты можешь такое говорить? Я - твой отец, я все для тебя... - Он подошел к девушке и положил ладонь ей на голову. - Я тебя люблю, дочка, - проглотив ком в горле, неловко выдавил он.

Девушка порывисто вскочила и кинулась к нему на шею.

- И я тебя очень люблю, папа! Так мы поедем в Зону, правда?

И Слон сдался.
- Хорошо, - сказал он. - Мы поедem в Зону.

2

Лагерь Слона в лесу - это почти город. Экспедиция, на четырех джипах и двух грузовичках-вездеходах, объехала пару-тройку раз вокруг холма, постепенно удаляясь от Лесного Дома, и остановилась. В глубине Зоны на машинах не разъездишься, но здесь, у южного Кордона, в хоженных-перехоженных местах, проехать можно. Тем более что на передке головного джипа висел защитный экран-ловушка, способный разряжать и гасить некоторые виды аномалий, - его Слон купил у «своего» полковника, а тот раздобыл экран на складе военных сталкеров.

Пока возводили частокol и разбивали палатки, хозяин с дочерью под охраной Заточки, Колобка и еще десятка людей, вооруженных до зубов, прогулялись по чаще: триста метров в глубь леса, по тропе, которую прощупывали, проверяли и перепроверяли четверо идущих впереди сталкеров.

Мутантов им не подалось - и неудивительно, столько шума наделали, всякая тварь в округе поспешила убраться подальше. Впрочем, в окрестностях Лесного Дома зверье давно вычистили, лишь изредка забредали туда псевдопсы или приبلудная кабанья стая. Зато Оксане показали «воронку» и «холодец», а также специально для нее запалили жарку - на земле остался выжженный круг диаметром больше трех метров, пара огромных старых елей превратилась в обугленные пеньки. Ошеломленная Оксана долго хлопала ресницами, разглядывая пепел и угли, а потом воскликнула:

- Вот это да, намного круче фейерверка на день города! Вот бы девчонкам рассказать, Снежанна бы удавилась от зависти!

Тут Слону по радиc сообщили, что лагерь готов, можно возвращаться, и они пошли назад. Чуть позже Оксана, ulучив момент в общей суматохе, шмыгнула за временный периметр. Но Заточка, который ходил теперь следом, словно верный пес, и не сводил с хозяйской дочки взгляда, поспешил за ней, на ходу ткнув кулаком в плечо Колобка.

- Зеваешь, тефтеля? - шикнул он. - Вот обормот тупой!

Колобок на оскорбление не отреагировал, просто двинулся вместе с Заточкой, так что, когда Оксана встала посреди крошечной полянки неподалеку от лагеря, отделенная от него стеной высоких кустов и деревьями, позади тут же выросли две фигуры.

- А! - Девушка оглянулась. - Это вы. Ну, что вы тут делаете? Я хотела одна...

- Нельзя в Зоне одной, хозяйка, - сказал Заточка. Оксана думала уже накричать на них, но пригляделась к порученцу внимательнее и хихикнула.

- Заточка, а ты на Горлума похож, - сообщила она. - Слышишь? Такой же сутулый, скользкий... но жилистый, сильный.

- На какого еще Горлума? - обиделся тот и потер узкие серые ладони. - Почему скользкий?

- Ну, «Властелин колец» смотрел? А я, наверное, твоя прелес-сть...

Оксана не договорила - хрустнула сломанная ветка, и на поляну в длинном прыжке бесшумно вылетела слепая собака - огромный белый, в темных подпалинах зверь. Вскрикнув, девушка отпрыгнула, Колобок с ревом выскочил наперерез мутанту, но тот врезался в телохранителя и отшвырнул его. Колобок упал спиной на березу, сильно ударился затылком; деревцо содрогнулось, посыпались листья, телохранитель сполз по стволу, вращая глазами.

Оксана, зацепившись за корень, упала на бок, собака приземлилась возле нее, расставив длинные лапы. Девушка увидела прямо над собой вытянутую безглазую морду, клыки - и потом шею зверя захлестнула худая рука. С воем Заточка рванул мутанта в сторону, опрокинул. Вдвоем они покатались по траве. Собака лязгала зубами и рычала, как стая волков, Заточка выл, хрипел, матерился... Девушка присела на корточки, увидела растянувшегося под березой Колобка - взгляд его бессмысленно блуждал, по губам текла

кровь из прикушенного языка, - вскрикнула и бросилась к телохранителю, помогая ему подняться.

Позади раздался протяжный сиплый вздох. Девушка обернулась. Заточка восседал на груди мутанта, длинными пальцами сжимая челюсти, медленно отворачивал башку слепой собаки в сторону. Зверь извивался, пытался вырваться из-под человека, но Заточка обвинил его, как паук. Мутант дернулся сильнее, передняя лапа выскользнула из-под порученца, когти взбороздили небритую щеку, как плуг - землю, брызнули струйки крови. Оксана ахнула, поискав глазами, схватила с земли палку и, заноса ее, бросилась к дерущимся.

- Хозяйка... - Колобок отлепился от дерева и нетвердой походкой потопал за ней, выцарапывая из кобуры «тэтэшник».

- Заточка! - крикнула Оксана. - Помогите кто-нибудь!

Из-за кустов донеслись крики: со стороны лагеря к ним бежали. Порученец до предела вывернул шею мутанта, прижав его морду к траве. Рука Заточки взметнулась, в лучах осеннего солнца блеснула узкая полоска стали. Мутант уже почти вывернулся из-под человека, но не зря Заточка носил свое прозвище - он любил и умел пользоваться холодным оружием, за состоянием которого всегда тщательно следил. Лезвие вспорол горло собаки, вошло в него, как опасная бритва в хлеб. Разлетелись кровавые брызги, мутант выгнулся, сбросив человека, задними лапами напоследок лягнул в грудь - и сдох.

- Что?!! - с громовым криком на поляну вылетел Слон, сжимающий в обеих руках по автомату. Глаза его были страшными, лицо побагровело. Он увидел Оксану и стоящего рядом Колобка с пистолетом, увидел окровавленного Заточку, который растянулся в траве, держась за грудь, и мертвого мутанта.

Вслед за хозяином из кустов вывалило с десяток сталкеров, на поляне сразу стало тесно.

- Ты почему из лагеря сама ушла?! - Слон развернулся к дочери, сверкая бешеными от гнева глазами, и она поняла, что сейчас не время спорить.

- Я... в туалет, мне просто в туалет надо было! - пискнула девушка, делая шаг за Колобка. - И я не одна, со мной они были... Заточка, миленький! - Она побежала к порученцу, которому Филин с Делягой помогали подняться. - Как ты? Он тебя сильно ранил? Тебе к доктору надо, перебинтовать...

В походе кашеварили Заика с Емелей, а Варвара кухарила только для Слона и Оксаны - на плитке в отдельной палатке. Ужин был готов, но сначала женщина помогла Оксане помыться и переодеться. Они скрылись в своем шатре, Слон ушел в свой, велел не беспокоить, пока Оксана не соберется к ужину. Колобок встал возле женской палатки, сложив руки на груди и флегматично поглядывая вокруг, сжимая в правой кусок черного хлеба - то ли успел взять с общего стола, то ли добросердечная Варвара сунула. Заточка с перебинтованный грудью и вымазанным зеленкой лицом, бледный, но гордый собой, уселся по-турецки под палаткой хозяина и оттуда поглядывал то на Колобка, то на вторую палатку.

Сталкеры расселись на лавках вокруг стола под навесом, Заика притащил огромный котелок с наваристой мясной похлебкой и щедро разливал половником в миски, стол украшали тарелки с хлебом, вчерашние Варварины пирожки, кружки с чаем и компотом, поднос с помидорами и огурцами. Веселый гомон стоял над большой поляной - тут собрались все, кроме четырех часовых, которые прохаживались вдоль частокола. Заточка все чаще с завистью поглядывал в сторону навеса, откуда то и дело доносились взрывы хохота.

- Пьяную Динку из «Штей» легче довести до оргазма, чем до дома, - поведал Деляга.

Тут же другой сталкер стал рассказывать:

- Идет Меченый по Зоне, включает радио и слышит: «Вы слушаете радио «Европа-плюс!» «Господи, и откуда они всё знают?!» - подумал Меченый...

- Идёт псевдоплоть, а навстречу ей химера. Псевдоплоть: «Привет, кабан». Химера обиделась: «Какой кабан, я химера!» - «А я говорю - кабан». - «Пойдём к бюреру, он умный, он разберётся». Приходят к бюреру, а он им: «Привет, кабаны!»

Кто-то хохотнул, кто-то презрительно свистнул - тупой анекдот. Опять заговорил Деляга:

- Стоят возле заброшенного черныбыльскаго кинотеатра два кабана-мутанта и задумчиво жуют пленку «Сталкера». Один говорит: «Слышь, Вася, а фильм ничего так, тока пресноватый». Другой отвечает: «Не, Леха, мне книжка больше понравилась».

- «Жизнь после пятидесяти только начинается», - подумал Слон и приказал Заточке налить еще пятьдесят.

Порученец вскинул голову, уставился на сталкеров, но не смог определить, кто рассказал эту байку. А другой голос уже завел:

- Подходит маленький мальчик из поселка у Кордона к прапорщику на КПП и спрашивает: «Скажите, дядя военный, а зачем у вас на фуражке вот этот хлястик пришит?» Ну, прапор гордо расправил плечи и отвечает: «Понимаешь, малыш, когда в Зону пытаются прорваться преступники и я преследую их, то бегу так быстро, что приходится на подбородок опускать хлястик, чтобы фуражка от ветра не слетела. Вот». «Понимаю, - говорит малыш. - А папа-сталкер мне рассказывал, что хлястик нужен для того, чтобы у вас хавальник не разнесло, когда в свисток дуετε...»

Недовольный тем, что не может присоединиться к шумной компании, Заточка покосился на Колобка. Тот замер у второго шатра, только челюсти равномерно двигались. Заточка в очередной раз подивился, почему молодого увальня окрестили в Зоне не Теленком или Коровой, а всего лишь Колобком? Не такой уж телохранитель был и толстый, но вот жевал почти без перерыва. Порученец снова кинул завистливый взгляд на общий стол. Там стало тише, сталкеры примолкли, слушая нового рассказчика (анекдоты в Зоне не переводились). Из-за частокола доносился слабый стрекот цикады. И ведь не отойдешь, мало ли, вдруг Слону приспичит чего? Кто-то должен до народа указания начальства доносить. Он, Заточка, на боевом посту... а так жрать хочется! Да и просто в теплой компании посидеть, поржать от души - анекдоты всегда глупые, но попадаютсмя смешные, и захочешь, да не удержишьяся. Хотя Заточку и не любят, но говорить про то прямо в глаза опасаются. Он вздохнул, улегшись боком на траву, прикрыл глаза.

Нового взрыва хохота не последовало, и порученец приоткрыл один глаз. Сталкеры сгрудились у дальнего конца стола. Что там такое? Заточка поднял голову, всматриваясь. Интересное что или нет, надо ли узнать, чтоб хозяину доложить? Не замышляют ли против Слона или, того хуже, против Оксаны?

Это Заточка уже сам себя накручивал, чтобы возбудить в себе ощущение правоты - не зря ушел от палатки, не просто так, а по важному делу...

Встав, он подошел к столу - и понял, что чутье не обмануло.

- А ну пропусти, пропусти! - Протолкавшись сквозь толпу, порученец едва не ахнул.

За столом возле пустого котелка сидел Змееныш. Заточка хоть и не видел мальчишку давным-давно, а узнал сразу - тот вроде и изменился-то не сильно, разве еще вытянулся да немного шире в плечах стал, возмужал как-то.

- Тебе чего здесь надо? - Заточка в первый миг даже опешил от такой наглости. Слыханное ли дело: этот мутант не постеснялся даже на территорию Слона зайти! Гибкое длинное запястье само собою скользнуло под куртку, в узкий карман на подкладке, откуда торчала плоская рукоятка самодельного ножа, того самого, которым он ухайдокал слепую псину.

Змееныш с легкой полуулыбкой поднял на него темные глаза, и порученец почувствовал, как у него засвербело в солнечном сплетении, помимо воли прижал ладонь к стянутой бинтами груди.

- Да он за солью и патронами, - смущенно пояснил Деляга, почесывая белобрысый затылок. - И чё ты вызверился? На артефакты обменять, жалко, что ли?

Сталкеры согласно загомонили. Порученец оглядел собравшихся, поджав губы.

- Хозяйские патроны раздаете? А он потом вас подстрелит из куста! Пусть здесь стоит, я Слону доложу.

И порученец, все еще держась за грудь, припустил бегом к хозяйской палатке. Вон он, звездный час Заточки! Отомстить наглому щенку, Слон разберется с этим сученком!

Хозяин уже сам вышел на шум - выбритый, умытый, застегивая на ходу верхние пуговицы белой рубашки.

- Ну, что? - недовольно спросил он у подлетевшего Заточки. Порученец только пальцем ткнул в сторону навеса да выдохнул одно слово. Слон потемнел, как грозовая туча, прежде чем разразиться молнией с громом, и медленно двинулся к столу. Сталкеры потеснились, пряча глаза, пропустили хозяина.

Змееныш легко поднялся, в руках он держал небольшой контейнер, четыре ячейки из восьми были не пусты.

- Сто патронов и полкило соли, - почти весело сказал он.

Заточка высунулся из-за плеча Слона.

- Ишь чего захотел... Ты нам еще должен! Думал, три года где-то шлялся, так все забыли?

Слон дернул плечом, мохнатые брови его сошлись на переносице, лоб пересекла глубокая морщина. Он не стал кричать, как ждали окружающие.

- Ну что, как жизнь? - громко спросил Слон. - Где пропадал?

Заточка, ошалело глянув на налившийся кровью затылок хозяина, выскочил у него из-за спины, чтобы заглянуть в лицо.

- Он хочет обменять артефакты на ваши патроны! - пожаловался он, с изумлением поняв, что Слон смущен.

- Ну так что, убить я его теперь должен? - рявкнул Слон, оборачиваясь.

Змееныш выкатил на пропитанную бензином тряпицу две «капли», «слизь», обернутую подсохшими листьями кровянки и завязанную обрывком волчьей лозы, а потом... Тут у всех перехватило дыхание - следом появился «кристалл»!

- Ого! - вырвалось у Емели. - Это что?

- Ты «кристалл» никогда не видел? - спросил у него Деляга, но Емеля не ответил, разглядывая редкий артефакт.

- Сто патронов и полкило соли - это ж бесплатно, ты чего, Змееныш? - пробормотал кто-то.

При виде артефактов Слон будто очнулся. Встряхнулся, грозно глянул на улыбнувшегося парня.

- Короче, ясно, ты процветаешь. Ну так и мы не бедствуем. - Он приказал Заточке: - Артефакты отобрать в счет долга. Соль и патроны выдать, не разоримся. И выгнать в шею с глаз моих!

Слон обернулся - и наткнулся на полный любопытства взгляд Оксаны. Он не заметил, когда дочка выбралась из своего шатра - наверное, вышла вслед за ним на шум. За девушкой маячил жующий жвачку Колобок.

- А ты к себе иди! - повысил Слон голос, но тут же опомнился и осторожно взял девушку за руку. - Ничего интересного, просто один бродяга принес артефакты, такие тут десятками шастают. Идем, у Варвары ужин стынет, я проголодался... - И Слон глазами указал порученцу на Змееныша: гони его быстрее отсюда.

Заточка тут же выскочил вперед.

- А ну расходишь, чего встали, чего не видели? Тут вам не цирк, пожрали и разошлись, давай, давай, шевелись! - Он стал подталкивать ближайших сталкеров. Пожимая плечами, те начали разбредаться, и скоро под навесом опустело.

Змееныш смотрел на Оксану, Оксана смотрела на него.

- Ты Змееныш? - звонко спросила она. - Я слышала, что ты по минам прошел и не взорвался?

Он молчал. И, казалось, не дышал.

- Эй, ты меня слышишь? - сказала девушка, улыбаясь. - Язык проглотил?

Змееныш перевел взгляд с нее на Слона, а тот нетерпеливо потянул девушку за руку.

- Хватит с бродягами болтать, идем уже, - велел он не терпящим возражений тоном.

- Но, папа, я хочу...

- Мало ли чего хотят девушки в твоём возрасте, - откликнулся Слон. - Я твой отец, и ты будешь меня слушать.

Лицо Заточки потемнело - он видел, как смотрят друг на друга Оксана с незванным гостем. Порученец шагнул к Змеенышу, едва сдерживаясь, чтоб не ударить, и пихнул плечом.

- Ну, чё вылупился, уродец лесной?

Змееныш будто не заметил его. Еще несколько секунд он глядел вслед девушке, которую отец вел за руку, будто маленькую, к большой палатке в центре поляны, затем повернулся к столу. Артефакты все еще лежали там. Подошли Деляга с Игнатом, принесли пачку соли и жестянки с патронами. Оксана позволила Слону увлечь себя в шатер; Варвара стояла возле откинутого полога, глаза ее были мокрыми от слез, но она не решилась подойти к Змеенышу или хотя бы окликнуть его.

Как только хозяин с дочерью скрылись в палатке, Заточка толкнул Игната, который протянул Змеенышу коробки.

- Соль пусть берет, а патронов фиг ему!

- Ты чего? - удивился Игнат. - Хозяин ведь сказал...

- Тебе сказал, а мне подмигнул, - отрезал порученец и вдруг выхватил из кобуры на ремне завхоза большой старый браунинг. - Шуруй отсюда, мутант, пока я...

Он не успел договорить: Змееныш ужом скользнул к навесу, схватил «кристалл» голой рукой и сунул в контейнер.

- Гнида! - выдохнул пораженный Заточка. Пистолет взлетел, и порученец нажал на спусковой крючок.

Змееныш нырнул под стол. Пуля, выбив щепку из столешницы, застряла в досках. Мальчишка выкатился из-под скамейки с другой стороны стола, ожег Заточку взглядом темных глаз - и длинным, звериным прыжком перемахнул через частокол. Заточка выстрелил еще раз, но рука под взглядом Змееныша дрогнула, и он вновь промахнулся. Матерясь на чем свет стоит, порученец рванулся к ограде, вставил ствол между кольями - но стрелять было уже не в кого: мальчишка тенью растворился в кустах.

Слон и встревоженная Оксана выбежали из палатки. Заточка, метнув на Игната с Делягой предупреждающий взгляд, демонстративно сунул пистолет в руки старому сталкеру и вразвалочку приблизился к хозяину.

- «Кристалл» украл, - небрежно сказал он.

- Не может быть! - воскликнула Оксана.

- Да ну, я вру, что ли? - криво улыбнулся Заточка.

- Нет, но... Этот мальчик не такой! - Слон нахмурился.

- Малец и не на такое способен, я ж тебе сказал: бродяга, шантрапа. Забудь его, - и он увлек девушку обратно в палатку.

Глава пятая. Оксана. Жизнь в доме на холме

1

Оксане отвели комнату напротив кабинета Слона. Варвара там прибралась, все помыла, даже потолок, в комнате поставили новую кровать, столик, самый приличный из нашедшихся в Лесном Доме шкаф, повесили ситцевые занавески веселенькой расцветки - получилась очень милая девичья светелка. Так, во всяком случае, сказала Варвара.

- Миленко, - сказала и Оксана, когда Слон показал ей новое обиталище.

Мысли девушки витали далеко, на интерьер она бросила лишь беглый взгляд. Не впечатлили ее ни бархатное покрывало на постели, ни букет полевых цветов на столике, собранный Заточкой.

- Спокойной ночи, - сказал Слон. - Я наверху, если что.

- Да, папа, хорошо, - рассеянно ответила Оксана и, чмокнув отца в щеку, скрылась в комнате. Заточка проводил ее тоскливым взглядом - она как будто не заметила его присутствия, уже и позабыла про то, что порученец спас ей жизнь.

После второго дня, проведенного в Зоне, спать не хотелось совсем. Оксана прошлась по комнате, выглянула в окно, для чего ей пришлось лечь животом на широченный подоконник, но ничего интересного не увидела - только освещенную прожектором утоптанную землю двора да бетонную ограду. Поверх стены шла колючая проволока, у вершины по периметру тянулась полка, сваренная из арматуры, где прогуливались двое охранников. Оксана села на подоконник и задумалась. Всякие мысли и беспорядочные образы - картина густого ельника, выскакивающая из кустов слепая собака, сталкеры за столом посреди поляны, палатка, Заточка, вонзающий нож в горло мутанта, - вспыхивали в сознании, исчезали и появлялись снова, от этой мешанины приятно кружилась голова - как после первой в жизни рюмки вина.

Она могла бы стать сталкером! Может быть, даже первой женщиной-сталкером в Зоне - а то кругом мужики да мужики. Этим вечером Заточка водил ее по холму, показывая, где он заминирован, но в лес спуститься с девушкой отказался, сославшись на запрет хозяина. Порученец был предупредителен и мил, но слишком уж осторожен. Оксана разохотилась, и Заточке приходилось ее сдерживать, отчего она теперь злилась на него.

Девушка вскочила, поправила сбившийся на плечо капюшон толстовки, отряхнула джинсы. Чего она тут сидит? Все равно не заснуть, можно прогуляться по холму. Она уже и одна может, ей все показали... Безумные идеи одна за другой возникали в голове. Зона давно будоражила воображение Оксаны, однако она привыкла думать о своем будущем так, как рисовал его отец: после школы университет в Англии или в Америке, работа топ-менеджером в крупной иностранной компании, может быть, в банке или в страховой, или даже собственный бизнес, она станет разъезжать по миру, все будут ею восхищаться, а однажды она встретит принца - молодого олигарха, который будет достоин ее... Матери она не помнила, а отец был богатый и влиятельный - и не только в Зоне, он ворочал какими-то делами вне ее, Оксана не вникала, воспринимая могущество Слона как должное...

Все перевернулось в одночасье. Зона! Для городской девушки это было похоже на то, как будто она вживую попала в компьютерную игру - только все оказалось намного круче, чем в игре. Аномалии! Артефакты! Мутанты! Дух захватывало, насколько тут интересней. Что университет в Америке? Те же девчонки, те же парни, только постарше и говорят на английском...

Оксана вспомнила ребят, которые ухаживали за ней. Петька Носов вечно хвастается своим папашей, и машина-то у него крутая, и мобильник последней модели за пять тысяч баксов, и часы швейцарские и чего только нет... скука. Слон тоже вечно просил Оксану покупать себе дорогие телефоны, а зачем ей? Ну, поиграет в игрушки, музыку послушает...

А Лешка Кош? Этот все ходил в тренажерный зал, накачал бицепсы, как у Шварца, носил футболки с оторванными рукавами и все время играл мышцами - его еще учителя все время ругали за эти оторванные рукава. А толку с тех мышц? Оксана даже фыркнула, вспомнив. Когда на дискотеке трое пацанов отшили ее от Лешки, он даже не побил никого!

Парни из частного интерната, да и другие, с которыми Оксана была знакома, ей по большей части не нравились, вызывали смех. В мужчине главное что? Не физическая сила, а ум и уверенность в себе. А они вроде и были убеждены в своей крутости... но хорошо чувствовалось, что уверенность их зиждется на богатстве родителей, а не на силе воли, рассудке, сообразительности.

Другое дело этот странный Змееныш. Присев на край кровати, Оксана облокотилась о спинку и подперла подбородок рукой. Она и видела-то его мельком, а все равно успела ощутить: вот это - сильный парень. Не показушно, а внутри. И как он глядел на нее необычно, как-то так пронзительно, у нее аж стало тепло в животе, и сердце заколотилось...

Зардевшись, Оксана решительно поднялась. Нечего тут сидеть! И так все ясно: она остается в Зоне. Придется отцу смириться с тем, что дочка станет сталкером. В конце концов, разбогатеть и тут можно, у отца же получилось? Значит, и она справится.

Глаза девушки возбужденно блестели. Она вытащила из шкафа рюкзак, повикидывала все вещи, кроме перочинного ножа с несколькими лезвиями - хороший нож, подарок отца на пятнадцатилетие. Конечно, в школе такая вещь не нужна, но Оксане он понравился, она всегда носила его с собой. Вот и пригодился. Свернув рюкзак - он был джинсовый, мягкий, - сунула его под толстовку. Подумав, надела еще брезентовую куртку, которую выдал перед

поездкой в лесной лагерь завхоз Игнат. Куртка была самого маленького размера, который нашелся на складе, но все равно висела. Оксана застегнула ее - свернутый рулоном рюкзак стал незаметен. Удовлетворенно кивнув своему отражению в зеркале над кроватью, она взялась за дверную ручку.

Колобок стоял, прислонившись к косяку, и что-то жевал.

- Ты чего не спишь? - Оксана была неприятно удивлена. Она не ожидала препятствий.

- А ты чего? - добродушно отозвался телохранитель.

- Да вот, хочу прогуляться перед сном, - соврала девушка.

- Ну пойдем. - Колобок отклеился от косяка, сунул в карман недоеденный пирожок.

- Да нет, я одна хочу!

- Не положено. - Телохранитель пожал плечами, словно извиняясь за приказы отца.

Оксана сделала попытку переубедить его:

- Тебе вовсе не обязательно идти со мной. Во дворе часовые, что может случиться? Я пройдусь быстренько и вернусь. К Варваре только зайду - и сразу обратно.

- Сказано - охранять, я и охраняю, - сообщил Колобок и расправил плечи. - Идем, что ли?

- Да ну тебя, - огорченно сказала Оксана и, попятившись, захлопнула дверь.

Ясное дело, если Колобок попрется с ней, не получится пройти вокруг основания холма, в лес углубиться - телохранитель ее не отпустит. Оксана встала посередине комнаты, размышляя. Задор проходил, она зевнула... спать, что ли, лечь?

Нет, какой-то толстяк ее не остановит! Девушка подошла к окну, немного повозившись с ржавой защелкой, открыла обе створки, выглянула. До земли метров шесть или даже десять, боязно... Перебарывая страх, девушка легла животом на подоконник, изучила стену под собой. Она была упряма и решительна, а еще - безосновательно уверена в себе, в своей силе, удаче... и не отдавала себе отчета, что уверенность ее того же рода, как и у «смешных» парней, которых Оксана почти презирала, деток богатеньких родителей. Ведь и она сама была такой же «деткой», пусть даже отец ее - не обычный бизнесмен, мафиози или коррумпированный политик, но крутой сталкер-пахан из таинственной легендарной Зоны. Привыкшая к комфорту и богатству девушка просто не могла представить себе, что с ней может случиться что-то по-настоящему плохое.

Карниз удобный, можно держаться, руки не соскользнут. Оксана высунулась дальше. Ее комната находилась в широком «набалдашнике» бывшей водонапорной башни, почти сразу под карнизом начинался крутой скос, стена уходила к более узкому бетонному «стержню», - а еще ниже виднелась спутниковая тарелка, припаянная к торчащей из бетона балке. Ага, отлично! Девушка коленями встала на подоконник, повернувшись, легла животом и начала сползать, болтая ногами в воздухе. Было страшно и весело одновременно, опасность возбуждала, наполняя кровь адреналином. Оксана повисла, вцепившись горячими пальцами в карниз, тихо охнула, ощутив десять метров пустоты внизу. Нащупала тарелку антенны, завела ноги за край и носками кроссовок уперлась в арматуру.

Она замерла, держась кончиками пальцев за карниз, не решаясь отпустить. Ветер раздул волосы, девушка чихнула и опустила руки. Быстро присев на карточки, одной уперлась в стену, другой схватилась за конец арматурины.

Положение было шаткое, но ее наполняла решимость довести дело до конца. Она посмотрела вниз - и голова закружилась. Только не гляди туда! Девушка быстро перевела взгляд на бетонную стену под собой. Там окно, совсем маленькое, снизу его заметить трудно, под ним деревянная полочка - узенькая, но встать можно. Только как далеко! Оксана прикинула расстояние - больше ее роста. Нет, не дотянуться, она не попадет на полочку, даже если повиснет на железке, где сейчас сидит, как курица на насесте...

Но все же - можно попробовать. Вот только сумеет ли она забраться обратно, если не получится встать на полку? Прыгать отсюда - это наверняка покалечиться, вон сколько до земли лететь.

Оксана приуныла. Столько усилий - и все напрасно! Что теперь? А если вообще к окну не выйдет вернуться? Что же теперь, до утра тут болтаться? На помощь звать? Позор!

Насупившись, она кое-как повернулась, стала перебирать руками по бетонному скосу, скользя спиной по поверхности тарелки, стараясь не сильно опираться на нее - вдруг не выдержит веса?

И тут левая ладонь провалилась. Оксана слабо вскрикнула.

В одном месте бетон раскрошился, в стене появилась дырка. За ней - пустота. Это шахта винтовой лестницы, все понятно! Оксана покрутила рукой, пытаясь вытащить запястье, - пальцы наткнулись на шершавый толстый прут у стены. Замирая от страха и любопытства, девушка пошарила по железу... это оказалась вбитая в стену ржавая скоба. Но ведь на лестнице не было никаких скоб! Девушка отчетливо помнила, ведь она очень хорошо рассмотрела первую в своей жизни винтовую лестницу. Там только железные ступеньки и обшитые дранкой стены шахты. И комната, которую Оксане выделили, тоже отделана деревянными плешками. И ни какого скоса в ней нет - потому и подоконник такой широкий, что между плешками и внешней бетонной стеной пустое пространство. И между шахтой и стеной тоже, выходит, дыра, в которой есть скобы...

Дыхание перехватило от восторга. Оксана выпрямилась, почти не думая о том, что стоит высоко над землей на неширокой железяке, где едва помещаются ступни. Вытянулась на цыпочках, ухватила за карниз, елозя задом по тарелке и упираясь подошвами в стену, подтянулась. Нашла носком дырку в бетоне, встала на нее, закинула руку на подоконник, нащупала фрамугу и наконец сумела влезть в окно. Спрыгнула на пол, повернулась и тщательно изучила обшивку под подоконником.

Тонкая дранка не проблема - Оксана вытащила рюкзак, а из него перочинный нож, раскрыла самое большое лезвие и принялась за дело. Для начала она подцепила лезвием и отодрала плинтус, спрятала под кровать. Пусть думают, что так и было! Затем стала ковырять щель между плешками. Те были небольшие, Оксана быстро вытащила две штуки и с замиранием сердца сунула руку в темноту.

Когда рука вошла почти по плечо, пальцы наткнулись на холодный бетон. Оксана стала водить ладонью по стене - и наконец нашла то, что искала: покрытую ржавчиной скобу. Вытащив руку, села, перевела дыхание, отряхнула ржавчину. Потайной ход! Ага, ну теперь вы у меня попляшете! - со злорадством подумала она.

Но там назерняка темно, нужен свет, а у нее ни зажигалки, ни спичек, ни свечи... Как быть? Можно, конечно, на ощупь, но когда она спустится по этой тайной лестнице - где очутится? В подвале каком-нибудь под башней. Дверь тоже искать на ощупь, а там может быть навалено всякой фигни, уронит что-то, на шумит - и ее услышат, вернут обратно. Нет, надо быть хитрее.

Девушка скинула куртку, растрепала волосы, потерла глаза - и вышла на площадку. Колобок лежал на раскладушке у кабинета Слона, закинув руки за голову, смотрел на Оксанину дверь. Челюсти медленно двигались.

- Мне нужен фонарик, я темноты боюсь, - решительно заявила девушка. - Принеси.

Колобок несколько секунд недоуменно смотрел на нее, наконец кивнул и сел, раскладушка под ним заскрипела.

В Зоне техника барахлит, работает через раз, есть места, где она вообще не включается, но в Лесном Доме передатчики довольно стабильно пахали. Охранник снял с петли на плече рацию, нажав кнопку, пробубнил в микрофон:

- Заточка, тут фонарик требуют, принеси. - Оксана величественно кивнула и скрылась в комнате.

- Постучись только, - велела напоследок.

Она едва успела разворошить кровать, как раздался легкий стук. Девушка рванула дверь и нос к носу столкнулась с помощником отца.

- Вот. - Заточка протянул ей карманный фонарик - наверное, свой отдал. - Зачем тебе сейчас?

- Спасибо. - Оксана схватила фонарик и захлопнула дверь. - Не мешайте спать! - крикнула она изнутри, запираясь. Заточка почесал лоб, повернулся к Колобку, который уже лег обратно.

- Темноты боится, - флегматично пояснил телохранитель.

- А-а... - протянул Заточка. - Так у нее ж там свет?

Колобок не ответил. Потоптавшись возле двери, порученец вздохнул и пошел наверх, к Слону.

Девушка стояла, прижав ухо к двери. Заслышав удаляющиеся шаги, она кинулась к дыре под окном и стала ее расширять, стараясь отдирать пляшки быстро, но тихо, и шепотом ругаясь - дранка отходила неровно, ломалась, в пальцы лезли занозы. Наконец девушка расширила отверстие так, чтобы можно было пролезть. Надев куртку с рюкзаком, она включила фонарик и сунула в дыру голову.

Спуститься оказалось несложно, хотя под конец Оксана запыхалась. Фонарик торчал из нагрудного кармана, освещая бетонный подвал.

Который оказался началом подземного хода.

Оксана сразу поняла: ход ведет наружу, к подножию холма. Она подняла фонарик повыше. Свод из досок поддерживали неотесанные бревна, из земляных стен торчали корешки. Было сыро и холодно. Замирая от сладкого ужаса, девушка пошла по тоннелю.

Тоннель закончился люком в кирпичной стене. Оксана с трудом открыла проржавевшую дверцу, чувствуя себя Алисой, пробирающейся в Страну Чудес. Кровь стучала в висках, пальцы немного дрожали, но девушка довольно быстро справилась с заевшим запором - и выбралась в заваленный хламом подвал. Луч фонарика obeжал маленькое помещение. Бочки, мешки, ящики, засыпанные опилками, у дальней стены - стеллаж из плохо оструганных досок, где рядами стоят трехлитровые банки. В подвале слабо пахло тухлой квашеной капустой. Где же выход?

Сморщив нос, Оксана огляделась и увидела в потолке квадрат люка. Прямо под ним стояла бочка, девушка забралась на нее, налегла плечом - крышка поднялась, скрипя петлями. «Надо будет потом смазать», - подумала она, вылезая, и услышал снизу шуршание. Вздвогнув, глянула под ноги... крысы! Оксана едва не вскрикнула, но мужественно сдержалась, побыстрее выбралась наверх и закрыла люк.

Сквозь щели между бревнами лился свет луны. Перешагивая через лежащий на полу мусор, она подошла к дверям старого, давно заброшенного дома - наверняка из тех лачуг, что сгрудились на склонах и у подножия холма.

На крыльце Оксана остановилась, широко раскрыв глаза. Перед ней раскинулась Зона.

Девушка оказалась посреди полуразрушенной деревни недалеко от леса, обступившего холм. Как повезло, что она наткнулась на этот лаз! Теперь можно будет хоть каждую ночь уходить в Зону. Оксана выключила фонарик: бегущие по небу редкие облака почти не закрывали луну, ночь оставалась светлой. Девушка оглянулась - сзади темно, лишь два одиноких огонька горят, один на вершине водокачки, другой на крыльце барака. Она пошла вниз по склону, под ногами едва слышно шуршала трава. Что это там, возле деревьев, какое-то пятно свечения - не аномалия ли? Там могут быть и артефакты!

Оксана направилась прямо к голубоватому силуэту, прорисовавшемуся на фоне черной стены леса. Какие у него интересные очертания! Как будто лепестки - а середина желтая, похоже на очень большую ромашку...

Пока она спускалась, аномалия захватила все ее внимание. Оксана больше не видела ни леса, ни луны, ни облаков - взгляд сосредоточился на странном явлении впереди. Лепестки тонкие, растут прямо из земли, охватывая светящуюся сердцевину, будто ладонями. Нет, это не ромашка, скорее голубой тюльпан, в чашечке которого притаилась Дюймовочка... Девушка не заметила, как цветок очутился у нее в голове: она видела его и снаружи, и внутри себя, лепестки шевелились в сознании, заволакивая, заполняя его голубым свечением. Оксана шла дальше и уже не понимала, что делает, ее охватило неодолимое желание заглянуть внутрь этого цветка, залезть в него, ведь Дюймовочкой была она сама, а цветок - ее дом, там есть мягкая постель, куда она хочет лечь, заснуть, ведь она устала, день был длинный и тяжелый...

Ноги налились тяжестью, руки перестали слушаться, Оксана хотела потереть глаза - и не смогла. Она просто шагала, захваченная псиизлучением аномалии-симбионта, которая ждала свою жертву, распахнув острые зубы, - как росянка, растение-хищник, караулящая насекомых. Оксана летела на излучение симбионта, будто насекомое, привлеченное запахом

растения, эта аномалия действовала как контролер, но не заставляя что-то делать, а просто лишая жертву воли, и затягивала в себя. А после одна короткая вспышка - и жарка внутри симбионта поглотит человека без остатка.

Кружилась голова, мир качался, плыл в призрачных волнах. Оксана видела только эти голубые лепестки, они были так близко, они выросли до неба и звали, манили к себе. Еще несколько шагов... еще... ноги сами несли вперед, в средоточие голубого тепла, ей осталось пройти всего ничего - когда что-то красное, злое мелькнуло на самой грани зрения, и Оксана сбилась с шага, замерла, удивленная, обиженная.

Ей показалось, что цветок дрогнул, лепестки затрепетали, и аромат их - то есть псиизлучение аномалии, которое девушка воспринимала как запах, - потек куда-то в сторону, словно некто другой завладел вниманием чудо-цветка. Она вскрикнула от возмущения, чувствуя, как реальный мир вторгается в ее убаюканное сознание. Блеклый свет луны резанул глаз, впереди встала черная стена леса, на фоне которого, совсем близко, бушевало сине-голубое пламя. В него вплетались красные нити - они становились с каждой секундой толще, превращаясь в канаты, и хлестали по лепесткам, сбивая голубой огонь. В ушах зашумело, заломило виски, напряжение незримой борьбы отдалось эхом головной боли. Оксана прижала ладони к вискам и вздрогнула, будто проснулась внезапно. Что с ней происходит?! Куда она шла, зачем? Почему стоит здесь, не в силах тронуться с места?

А вокруг кипела настоящая психитва, и голубые лепестки не казались больше прекрасными и желанными - это были хищные изогнутые зубцы, торчащие из земли, теперь Оксана отчетливо видела их перед собой. Появившиеся откуда-то сбоку красные жгуты росли, охватывая скрежещущие зубья, наматываясь на них. Девушка наконец поняла, что стоит в двух шагах от аномалии, перед растущими из земли зубцами, похожими на кривые янычарские сабли. Между ними плавилась, клокотала готовая вспыхнуть жарка. По ногам побежали мурашки, Оксана покачнулась, взмахнув руками, едва не упала.

С другой стороны аномалии стоял Змееныш - лицо напряжено, глаза закрыты.

Боль в висках стала невыносимой, девушка застонала - и тут аномалия взорвалась. Взметнулся столб пламени, Оксану отбросило на склон. Она упала на спину и закрыла глаза руками, так ярко горел огонь. Тыльную сторону ладоней опалило, девушка вскрикнула, но пламя вдруг съежилось. Зубцы вокруг него с громким треском ломались, падая внутрь. Аномалия схлопнулась, будто пасть, рыхлая жирная земля с чмоканьем втянула обломки зубцов - и через мгновение возле лесной опушки остался лишь круг обугленной земли, окруженный каймой сгоревшей травы.

Змееныш, открыв глаза, стоял не шевелясь. По смуглому лбу его текли капли пота. Стряхнув их, он направился к склону, перепрыгнув через место, где была аномалия, встал над девушкой и помог ей подняться.

- Это ты? Зачем ты здесь? - спросила Оксана, опираясь на его плечо. Глупый вопрос, но другой ей не пришел в голову. Она и так понимала, почему он здесь, ведь девушка видела его взгляд там, в лагере, и теперь ожидала, что этот странный обитатель Зоны начнет выдумывать что-то, как поступил бы на его месте любой знакомый ей городской парень...

Но Змееныш был чужд условностей.

- Я шел за вами, - сказал он. - Хотел еще раз увидеть тебя.

2

Развалившись в кресле, Слон раздавал приказания.

- После завтрака полковник Рябой приедет, встретишь, как обычно. Передай Деляге, чтоб его группа готовилась выйти, если Рябой чего расскажет. - Большой Хозяин задумчиво постучал толстыми пальцами по столу и добавил ни к селу ни к городу: - А лето теплое.

Стоящий перед ним Заточка удивленно поднял глаза. Слон крутил в руках глиняную статуэтку.

- Что-то у тебя уставший вид, - не глядя на помощника, сказал он.

Заточка и впрямь выглядел невыспавшимся: круги под глазами, веки набрякли, уголки рта опустились.

- Да все нормально, хозяин, - пробормотал порученец.

Сквозь жатюзи пробивался тусклый утренний свет. Слон тяжело поднялся, обошел стол, тумбу которого после взрыва шрапнели заменили - пришлось вызывать мастера из-за Периметра, - встал рядом с Заточкой. Порученец переступил с ноги на ногу, не понимая, что на босса нашло.

- Сколько мы вместе, Заточка? - спросил Слон. - А? - Тот моргнул. - Да уж... э... восемнадцать лет. А чего? Случилось чего? Чёт я не понимаю, о чем ты...

- Думаешь, хозяин дочку верному товарищу пожалел?

- Чё?! - поразился Заточка. - Да я... Да ты что!

- Она большего достойна, - медленно проговорил Слон. - Ну, скажи, так ведь?

- Достойна. - Заточка опустил глаза.

Слон постоял, глядя на помощника, тяжело ступая, вернулся на место, сел - кресло закрипело под его весом.

- А так, смотри вот, успокоилась. - Он опять постучал по столу. - Спит хорошо, кушает - Варвара не нахвалится, в Зону больше не рвется...

- Это-то и странно, - пробормотал Заточка почти про себя.

- Что? - нахмурился Слон.

- Не, это я так... Так о чем ты?

Слон откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники.

- Я так просто... радуюсь. Выросла девка.

Заточка пожал плечами. За последние дни он осунулся, черты лица заострились, порученец стал похож на хорька - изголодавшегося, опечаленного и злого хорька. Несильно похлопав себя по груди, с которой лишь недавно убрали бинты, он сказал:

- Так я пойду?

- Эх, не понимаешь ты ничего. - Слон махнул рукой.

- Чего тут понимать? - Заточка криво улыбнулся. - Оксане Ивановне хорошо, уезжать она не торопится...

- На что это ты намекаешь? Думаешь, у нее тут кто-то есть? Присмотрела кого? Когда успела? Говори! - Слон наклонился вперед, в глазах отразилась тревога.

Заточка молча покачал головой.

- Тогда иди уже. - Хозяин облокотился о стол, задумчиво глядя на помощника. - И это... присматривай за ней. У девок в таком возрасте черт знает что на уме, так чтоб не наделала глупостей. Только это, - он щелкнул пальцами, остановив Заточку, который уже направился к двери. - Осторожно, чтоб Оксана не заметила. Они в этом возрасте обидчивые...

* * *

Оксана проснулась к обеду. Быстро одевшись, пошла в ванную ополоснуть лицо; на площадке перед дверью телохранитель разговаривал с Заточкой. Девушка кивнула им, нырнула в ванную, почти сразу выскочила и поспешила на кухню к Варваре. Колобок потопал за ней, а Заточка остался стоять с каменным лицом, глядя под ноги.

Девушку тянуло к Варваре потому, что кухарка могла подолгу говорить про Змееныша. Оксане нравились всякие истории - о том, например, как Змееныш в пять лет вытащил у Мазая из контейнера «мамины бусы», поиграться, а потом не мог понять, за что его отшлепали.

- Голыми руками? - спрашивала Оксана и улыбалась. Она уже знала, как правильно брать артефакты.

Кухарка считала Змееныша своим приемным сыном, что бы ни думали про это Слон и остальные, и очень переживала, когда мальчик исчез. Теперь она раз за разом просила Оксану пересказать, что было во время короткой встречи в лесном лагере.

- Взрослый, а? - подперев щеку пухлой рукой, опять спросила Варвара.

- Ага, - кивнула Оксана, хлебная горячий суп.
- А я его совсем мальцом помню. - Кухарка пригорюнилась. - Дети быстро растут, что в Зоне, что за Периметром... Ты вот, Оксаночка, как замуж выскочишь да свое родишь - так сюда его привози. Чего он там увидит интересного в городах этих? А у нас лес, речка, мутанты... Я его нянчить буду...

Оксана чуть не подавилась.

- Да я не скоро замуж собираюсь! - воскликнула она, отодвигая тарелку. - Спасибо, все было очень вкусно.

- А картошку? - всполошилась Варвара.

- Да я уже сыта... а можно пирожки с собой? - Оксана погладила себя по животу. - Для них всегда место найдется.

- Да-а, говоришь так, а потом этот оболтус мои пирожки жует, - кивнув на стоящего у дверей Колобка, заворчала кухарка, однако поднялась и вытащила из плиты блюдо с теплой еще выпечкой. Обычно Варвара не баловала сталкеров пирогами, но ради Оксаны, которая их очень любила, пекла чуть не каждый день.

На стол упала тень, они оглянулись - вошел Заточка.

- Варвара, Деляга со своими после обеда уходит, собери их.

Он осторожно посмотрел на девушку. Та со скучающим видом взяла пирожок, разломил и стала медленно жевать, следя за хлопочущей кухаркой.

- Деляга? - Варвара всплеснула руками. - А чего ты так поздно говоришь? У них группа аж шесть человек, когда я успею все уложить?

- Да Слон только что приказ отдал. - Заточка топтался у дверей, не уходил. - Может, эта... помочь тебе как-то?

Кухарка, как раз достававшая из шкафа пакет перловки, замерла с поднятыми руками.

- Да неужели поможешь? - удивилась она. - Вот сделал бы милость! Или если занят, так мог бы кого из свободных мужиков прислать. И чего бы раньше не сообразил никто, что Варваре тоже помощь нужна? Только и умеете приказывать: давай жрать, этих собери, тех обстирай... будто у меня рук столько, сколько у кровососа щупалец! - закончила она гневную тираду, выложив на стол несколько банок консервов. - На сколько они идут?

Оксана поднялась.

- Так я пойду, тетя Варя. Игнат обещал сегодня научить автомат разбирать.

- Иди, солнце, иди, - закивала кухарка, - мы тут и без тебя справимся, а ты отдыхай, каникулы у тебя все-таки...

Девушка выпорхнула из кухни, Заточка проводил ее тоскливым взглядом и оттолкнул протянутый Варварой пакет с крупой.

- Сейчас Филина пришло, - процедил он, шагнув наружу.

День Оксана провела на стрельбище за кирпичным баракom - Игнат учил обращаться с оружием. Потом до ужина болтала с Варварой, ела со сталкерами и засиделась с ними до ночи, слушая рассказы про Зону. Перед сном заглянула в кабинет под крышей водокачки.

- А, Оксанка. - Слон ладонью накрыл бумаги, с которыми работал. - Как день прошел?

Оксана подошла к отцу, чмокнула в щеку.

- Ты опять колючий! - Она потерла губы. - Столько работаешь, что и побриться не можешь?

Слон пожал плечами, провел пальцем по подбородку.

- Некогда мне. Гость был сегодня, пока ты спала, военный. А ты чем занималась?

Девушка ходила по кабинету, заложив руки за спину и разглядывая картинки на стене, корешки книг на полках - их было немного и все какие-то странные - «Полевой устав», «Уголовный кодекс»...

- Меня Игнат научил «калаш» разбирать, только собрать не получилось, там пружина такая тугая в этой... в затворной раме... как она называется?

- Возвратная, - сказал Заточка со своего табурета у окна.

Оксана глянула через плечо.

- О, привет, Заточка! Ты так тихо сидел, что я тебя и не заметила.

- Колобок тебя хорошо охраняет? - Слон побарабанил пальцами по столу.

- За дверь. - Девушка мотнула головой. - Ни на шаг не отходит. Папа, здесь же мне ничего не угрожает, зачем он мне в Лесном Доме?

Слон пожал плечами.

- На всякий случай. Ты уже спать?

- Ага, зашла спокойной ночи сказать. - Девушка подскочила к столу, присела на подлокотник кресла, обхватив Слона за шею, прижалась щекой к его виску. - Спокойной ночи.

Слон неловко погладил дочь большой мозолистой ладонью по волосам.

- Ты много спишь, - сказал он.

- Ну так что? - Девушка вскочила на ноги, расправила смявшуюся юбку. - Целый год в восемь вставать, потом целое лето не отоспишься. К тому же я читаю перед сном, не сразу ложусь. Но вы ко мне все равно не стучитесь, - быстро добавила она, поправляя волосы. - Я не люблю, когда меня от книжки отвлекают.

- Тебе хорошо здесь? - спросил Слон, поймав ее за руку, когда Оксана уже шагнула к двери. - Не надо чего? Может, из-за Периметра что-то привезти? Ты говори, если надо, я организую...

- Не надо мне ничего, - поспешно отозвалась девушка. - Я спать. Спокойной ночи, папа!

Послав отцу воздушный поцелуй и не посмотрев на Заточку, Оксана выскочила из кабинета. Слон с помощником переглянулись.

- Всем довольна, - проговорил хозяин с вопросительной интонацией. Заточка только кивнул - но сжал пальцы в кулак так, что ногти впились в кожу. Оксана упорно не замечала его - не из вредности, не из неприязни, просто из равнодушия. И это было более всего. Заточка был для нее пустым местом, предметом обстановки, просто исполнителем - бездушной приставкой к ее отцу.

Слон убрал ладонь с бумаг.

- Ладно, давай за дело.

Оксана, скинув одежду, надела длинную ночную сорочку, которая доставала ей до пяток - ночами здесь было довольно прохладно, - повесив на шею полотенце, прошествовала через площадку в ванную. Когда девушка шла к отцу, Колобок стоял, прислонившись плечом к стене возле кабинета, и в той же позе он пребывал сейчас, только взгляд переместился на дверь Оксаниной комнаты. Когда Оксана появилась оттуда, взгляд сосредоточился на ней.

- И не стыдно тебе? - привычно укорила Оксана. - Я тут, можно сказать, в неглиже хожу... Хоть бы отвернулся!

Телохранитель пожал плечами, не переставая жевать и не отводя взгляда.

- Чё? - промямлил он. - Неглиже - это где? - Девушка скрылась в ванной. Там она включила душ на полную, почистила зубы над раковиной, подождала немного - и, замотав волосы полотенцем, вернулась в комнату.

Забыв запереть дверь на защелку, Оксана сорвала полотенце, швырнула на столик, чуть не уронив вазу со свежими цветами, которые каждый день приносил Заточка, вылезла из ночнушки, надела джинсы и толстовку, брезентовую куртку, проверила, лежат ли в карманах фонарик и нож.

А потом отставила стул и сдвинула фанеру, маскирующую отверстие под окном.

Ночь была очень темная, низкие плотные тучи скрыли луну, Оксана с двух шагов не могла различить деревьев. Она даже вытянула руку, чтобы не наткнуться на ствол.

И уперлась в грудь Змееныша.

- Ай! - Девушка отпрянула. - Напугал! Давно ждешь?

- Не жду, вышел встретить тебя.

- Но я раньше появилась, как ты узнал, что я иду? В этой темноте ничего не видно! Вдруг кто-то из отцовских сталкеров сюда припрется? Вот весело получилось бы! То есть наоборот... - Оксана поежилась: ветер дул прохладный.

- Я узнал твои шаги, - серьезно ответил Змееныш и взял ее за руку. - Я всегда буду знать, когда ты идешь.

Оксана рассмеялась было, но сразу смущенно замолчала. Ветер постепенно разгонял тучи - сквозь черную завесу проступила луна, и стало немного светлее.

- Хочу увидеть ночную Зону. Покажи мне! - Девушка потянула Змееныша в лес.

- Не беги так, - он мягко остановил ее. - По Зоне днем нельзя бегать, а ночью еще опаснее.

Но Оксана, высвободив руку из его пальцев, припустила по тропинке.

- Не догонишь! - крикнула она.

Девушка пробежала между деревьями, и тут ей на ум пришла забавная идея напугать Змееныша. Она тихо нырнула в ближайшие кусты, притаилась, вслушавшись в тишину. Затем, разводя руками ветви, пошла в глубь леса, ступая осторожно, чтобы не хрустнул под кроссовкой сучок. Страшно не было - Лесной Дом недалеко, да и Змееныш где-то рядом... Оксана до сих пор не понимала, насколько опасно в Зоне, не придавала значения словам Слона и других сталкеров, когда они остерегали ее: она привыкла, что с ней-то ничего плохого случиться не может.

Подальше отойдя от кустов, девушка огляделась. Теперь надо вернуться к тропе, отыскать Змееныша и выпрыгнуть к нему, крикнув что-то вроде «Бу!».

Так, а где тропа?

Девушка покрутила головой, пытаясь сориентироваться, и поняла, что не помнит, откуда пришла. Пока пробиралась по чаще, несколько раз поворачивала, обходя раскидистые елки, перешагивая полусгнившие стволы поваленных деревьев... Затея не удалась! Придется позвать Змееныша.

Оксана только успела открыть рот. Змееныш появился совершенно неожиданно, вырос будто из-под земли - прямо перед ней. Девушка не слышала ни его шагов, ни его дыхания... Ее пробрала дрожь, Оксана даже подняла руку и провела ладонью по его лицу - чтобы убедиться, что он живой человек, не фантом, не тень, не привидение.

- Не надо убегать, - серьезно сказал Змееныш, беря ее за руку и осторожно привлекая к себе. Оксана секунду сопротивлялась, потом прислонилась к нему, заглядывая в невозмутимое лицо. Змееныш запустил пальцы в ее распущенные волосы, погладил по голове.

- Где ты живешь? - тихо спросила Оксана.

- В Зоне.

- Это понятно, но где... - Девушка сама оборвала вопрос, сообразив, что Змееныш имеет в виду. - То есть ты хочешь сказать... ты вроде Маугли?

- Не знаю, кто это, хотя иногда меня так называют.

- Только Маугли говорить не умел, кажется, - припомнила Оксана. - Или умел, но только на зверином языке? А кто твои родители?

- Мой отец - сталкер Мазай. Но... не настоящий.

- Как это?

- Он принес меня из леса, младенцем.

- Но откуда ты взялся в лесу?

Змееныш слегка пожал плечами. Они по-прежнему стояли рядом, его ладонь лежала на затылке Оксаны, другой рукой Змееныш держал ее за руку.

- Говорят, ты дружишь с мутантами? - Она немного отстранилась. - Ведь мутанты убивают людей, как ты можешь дружить с ними?

- Ты не понимаешь, - ответил он. - Мутанты - дикие звери, зла они никому не желают, просто у них такая природа. Ведь люди их тоже убивают, правильно? Тогда почему ты не осуждаешь людей?

Оксана поразмыслила над этим и наконец нашла верный довод:

- Потому что я сама - человек! Значит, я на стороне людей, а не каких-то чудовищ.

Глядя ей в глаза, Змееныш сказал:

- Люди могут быть чудовищнее чудовищ, а чудовища человечнее людей.

- Но... - начала она и смолкла, не зная, что ответить на это.

- Это мне однажды сказал Мазай, - добавил Змееныш. - А потом люди убили его.

Оксана молчала, прикусив губу, и Зона вокруг тоже молчала, лишь над головой тихо шелестели листья да еле слышно ухал вдаль филин.

- А я живу в водокачке, - невпопад произнесла девушка. - Моя комната напротив кабинета отца. Знаешь ее? Варвара мне рассказала, как ты сбежал когда-то - прямо по стене спустился. Это правда?

- Там легко можно слезть, если знать, за что держаться.

- А у меня не получилось, - огорченно сообщила девушка и потянула Змееныша к холму. - Зато я нашла секретный лаз. Я тебе покажу, идем! Ну, чего стоишь? Тогда ты тоже сможешь ко мне приходить. Никто не увидит. Прямо в комнату!

Он секунду колебался, потом зашагал рядом с Оксаной, держа ее за руку.

3

Заточке и так не спалось, а тут еще полная луна выглянула из-за туч, и свет ее проник сквозь тусклое окошко. Порученец мрачно сел, скрипя раскладушкой.

Пол охлаждал босые ноги. Пошевелив пальцами, Заточка натянул штаны, носки и сапоги, накинул куртку поверх майки. Надо, что ли, посты проверить, раз все равно ни в одном глазу.

Колобок дрых на раскладушке под дверями Оксаниной комнаты. Заточка остановился, прислушался - из комнаты не доносилось ни звука, - вздохнул и, спустившись по винтовой лестнице, вышел наружу.

Ноги сами понесли его к кухне. Порученец знал, что в холодильнике у Варвары всегда стоит бутылка водки - первичная анестезия, успокаивающее или снотворное, да мало ли что еще, на всякий случай. Он своим ключом отпер дверь, проскользнул внутрь, шагнул к холодильнику. Варвару завтра усмирят, а то ворчливая баба шум поднимет, но это будет завтра, а пока ему надо принять сто грамм, чтобы согреться перед обходом постов, - собственно, это и была настоящая причина, почему он поднялся. Ветер холодный дует, будто и не лето на дворе, а глубокая осень. Правда, что осенью, что зимой Заточка обходил посты без всякой водки, но ведь то было перед сном, а не посреди ночи, со сна же, с бессонницы то есть, как-то зябко...

Мысли его были бессвязные, Заточка забивал голову этими глупостями, чтобы не думать о девчонке. Ведь на самом деле посты ни при чем, ему просто не спится, и виной тут, конечно...

- Хы-ы... - Заточка, выдохнув, опрокинул в глотку целый стакан. Занюхал рукавом, посидел, бездумно глядя перед собой, закрутил пробку и поставил бутылку обратно в холодильник.

На улице, ежась под порывами ветра, подняв воротник, он побрел вдоль окружающей Лесной Дом стены, иногда окликая часовых.

Последний пост находился на крыше водокачки. Водка подействовала, глаза слипались, и Заточка хотел было лечь обратно на свою раскладушку, но чувство долга пересилило, и он все-таки выбрался наверх.

Закутанный в тулуп Филин сидел, нахохлившись, на табурете возле бордюра, клевал носом. Услышав за спиной скрежет открываемого люка, он резко повернулся, выставив пистолет.

- Это ты? - Сталкер с облегчением опустил ствол. - Блин! А я думал, кого среди ночи несет... Чего не спишь?

Не отвечая, Заточка прошелся по крыше, посматривая по сторонам. Бледной лентой вилась по склону грунтовая дорога, песок отблескивал в свете луны. Потом туча закрыла ее, холм погрузился в тень, только на севере у подножия вспыхивали отблески жарки. После последнего выброса аномалии высыпали, как грибы после дождя, к Лесному Дому подбираются, хотя обычно в этом месте их мало, а если и появится что - быстро исчезает. Надо будет сказать сталкерам...

Заточка протер глаза, уставился на жарку. В неровном свете он заметил силуэт. Рука сама потянулась к пистолету - но остановилась на полпути. Порученец напрягся, громко сглотнул. Силуэт казался знакомым. Да это же... Не может быть! Как она могла туда попасть? И какого кровососа девчонка делает ночью в Зоне?!

Ответ появился быстро. В отблесках аномалии порученец заметил второй силуэт, появившийся из леса. Не сразу узнал его - а когда узнал, Заточку как кипятком обдало. Вышедший из леса Змееныш взял Оксану за руку, и порученец скрипнул зубами. Мозаика сложилась! И Оксанино спокойствие, и покладистость, и почему она спит почти до обеда, и ее равнодушие...

Заточка с разворота ударил Филина по уху.

- Ты чё?! - Часовой едва не навернулся с табурета.

- Куда смотришь, урод?! - Заточка схватил его за воротник и указал вниз, в сторону жарки, от которой два силуэта поднимались по холму.

- Так чего? - удивился Филин. - Дело молодое, они тут каждую ночь...

- И ты ничего не сказал?! - Заточка схватился за сердце.

- Ну, я думал, Слон знает, раз отпускает дочку... - Филин с изумлением и испугом глядел на порученца. - Ты чё, Заточка? Что с тобой, ты весь с лица спал. Может, дока позвать?

Весь мир перевернулся в глазах Заточки, дыхание прервалось. Потом перед глазами возникло взволнованное лицо часового. Заточка оттолкнул это лицо пятерней и шагнул к люку, шатаясь. Сердце выбивало барабанную дробь, воздух застревал в горле. Едва не свалившись с лестницы, он пересек коридор и ворвался в комнату хозяина, забыв постучать.

Слон полулежал, откинувшись на подушки, в майке и подштанниках, с карандашом в руках - проверял расходные книги. Когда встрепанный помощник навис над ним, Большой Хозяин в первый миг подумал, что тот спятил. Лицо белое, губы трясутся, красные глаза слезятся...

- Там, на холме... внизу... Оксана со Змеенышем! Он ее за руку держит! Скорей, хозяин, они там!

- Ты что мелешь? - Слон приподнялся.

- Они гуляют по лесу, за ручки держатся! - выкрикнул Заточка в широкое красное лицо. Он был на грани истерики, поджарое тело колотила дрожь. - Там, внизу!

- Да ты напился, - сообразил Слон. - А ну дыхни! Во, я же чувствую...

Заточка вырвал из рук хозяина толстую книгу.

- Говорю тебе: я только что видел их обоих! Твоя дочь и этот мутант!

- Оксанка? - повторил Слон растерянно. Он очень редко терялся, но сейчас был именно этот случай. - Гуляет по Зоне, ночью, да еще с этим... - Он тяжело заворочался на кровати, сбросив ногами одеяло, сел, натянул сапоги, накинул куртку. - Ладно, счас проверим, и если зазря кипеж поднял...

Слон сунул помощнику под нос кулак и пошел к дверям.

Они спустились этажом ниже. Колобок спал, тихо посапывая. Слон ударом сапога опрокинул раскладушку, когда телохранитель вскочил, ошалело сжимая кулаки, - въехал ему по уху.

- Прозевал! - громыхнул он. - Где Оксанка?! А ну открывай!

Колобок, ничего не понимая, толкнул дверь в Оксанину комнату. Мужчины уставились на пустую, неразобранную кровать. В комнате никого не было.

- Не могла она мимо меня пройти. - Колобок растерянно почесал в затылке. - Я чутко сплю, ты ж знаешь, хозяин...

- А вот прошла! - взвизгнул Заточка. Слон уже раздавал приказания:

- Заточка, буди Коновала с Дикобразом, идите туда и приведите Змееныша. Колобок, ты с ними, возьмишь Оксану и доставишь в комнату целой и невредимой. Чтоб ничего с ней не случилось, ясно? Отвечаешь головой! А ты, Заточка, внимательно слушай. Чтоб Змееныша пока никто не трогал, ясно это? Не бить его, вообще не прикасаться, только если удрать попробует, но и тогда... Ко мне в кабинет - я сам разбираться буду. Бегом!

Заточка сорвался с места, Колобок побежал за ним. Слон постоял на площадке, заглянул в пустую темную комнату, в ярости пнул раскладушку - и пошел к себе ждать возвращения сталкеров.

Глава шестая. Гнев слона. Изгнание

1

Слон в тихой ярости мерил шагами кабинет. Когда-то именно здесь не удалось разобраться со Змеенышем - сегодня он исправит ошибку. Хозяин Лесного Дома проверил, снят ли с предохранителя пистолет в кобуре, предусмотрительно надетой под рубаху. Нет, убивать щенка он не собирался, но если тот опять попытается схватиться за артефакты - всадит пулю ему в плечо.

Со двора донеслись голоса, и он раздвинул полоски жалюзи. Выглянул. Оксана бежала за ведущими Змееныша сталкерами, кричала, ругалась охрипшим голосом. Ишь, недовольна... Еще спасибо бате скажет! Одумается, придет в себя - и поймет, что он прав. Ведь для нее старается. В этом возрасте у девочек сплошная чушь на уме, фантазии всякие, а подрастет - все поймет. Бабы с возрастом тоже умнеют. Иногда...

Слон проверил крепость решетки на окне - толстые прутья держали хорошо.

Дверь распахнулась, и он повернулся, сунув руку под рубашку. Коновал и Дикобраз, самые крупные, жилистые мужики из тех, что работали на Слона, втолкнули в комнату Змееныша. На скуле у того расплывался синяк. Слон поморщился.

- Снимите с него... - начал он.

Заточка вышел из-за спины Змееныша, положил на стол «узи» и контейнер, который обычно висел у мальчишки на поясе. Сдвинул крышку.

- А, хорошо, - кивнул хозяин, заглядывая в контейнер. Тот был пуст. Слон вытащил из автомата магазин, кинул в ящик стола, опустившись в кресло, побарабанил пальцами по столешнице. Заточка захлопнул дверь, прислонившись к ней спиной, сложил руки на груди, как прокурор, горящим взглядом прожигал затылок Змееныша. В дверь забарабанили.

- Папа, открой! - кричала Оксана сорванным, дрожащим от слез голосом.

Слон был настроен решительно. Змееныш невозмутимо следил за ним, словно не его вещами распоряжался сейчас Большой Хозяин, будто не его привели сюда силой. И Слон, увидев это холодное равнодушие во взгляде пленника, взъярился.

- Иди в комнату, с тобой потом поговорю! - гаркнул он, тяжело поднимаясь. Обогнув стол, встал перед Змеенышем, навис над ним, разглядывая сверкающими глазами. На виске Слона пульсировала жилка.

- Короче, так. Мое терпение кончилось. Пока ты по лесу вокруг шатался да у людей моих артефакты на спички менял - я тебя терпел. Но дочь моя - это не спички. Она не для тебя на свет родилась, мутант.

Заточка, что-то злобно пробормотав себе под нос, ткнул пленника кулаком в ухо.

- Не для тебя, понял?

- Заткнись! - рявкнул на него Слон и повернул голову к Дикобразу с Коновалом. - Отпустите его, никуда отсюда не денется.

Сталкеры отошли на полшага. Заточка изнемогал от злости, переминался с ноги на ногу, сжимал и разжимал кулаки, ожидая, когда же можно будет бить.

Слон глянул на помощника, перевел взгляд на пленника, пожевал губами.

- Короче, слушай, щенок, два раза повторять не буду. Пшел вон с глаз моих, и чтоб я тебя больше не видел никогда. На мою территорию не суйся. Ты знаешь ее границы. Этим же утром все мои люди получают приказ: стрелять, если увидят тебя у холма. Стрелять в башку... - Рука Слона поднялась, толстый палец уперся Змеенышу между бровей, но тот не пошевелился и даже не моргнул. Рука опустилась, и палец сильно ткнул в левую полови ну груди. - Или в сердце. На поражение, ясно? Я хочу, чтобы тебе до ума дошло, потому что сейчас - последний раз, когда ты видишь мое снисхождение. Больше жалости не будет,

потому повторяю: на мою территорию тебе отныне вход воспрещен, сунешься - убьют без разговоров. Можешь жить в Зоне, я дам жратвы и припасов столько, что тебе на несколько месяцев хватит. А про Оксану забудь. Все.

В глазах Змееныша мелькнуло какое-то выражение - едва уловимое, будто рыбка, сверкнувшая неглубоко под водой, - потом они вновь стали безучастными. И все же было в них что-то еще, что-то такое... Снисходительность? Презрение? Слон не мог понять - но его вдруг, как ледяной водой, окатило яростью, глаза бешено сверкнули, испарина проступила по всему телу, и он с разворота ударил мальчишку. Большой волосатый кулак врезался в голову сбоку, ноги Змееныша подогнулись, он повалился на пол.

- А! - чуть не с наслаждением выдохнул Заточка, наклоняясь над ним. Порученец оскалился, серый лоб пошел глубокими складками, левая рука скользнула к самодельному стилету на ремне.

- Вы, двое, идите наружу, смотрите, чтоб Оксанка за дверь ни ногой. Заточка, Колобка ко мне.

- Хозяин, так ты его вправду отпускаешь? - не поверил порученец. Узкое лицо его налилось кровью.

- А что мне, башку ему оторвать и в помойку выбросить? - рявкнул Слон. - Пошли уже!

Дикобраз с Коновалом, сумрачно переглянувшись, вышли. Змееныш уселся на полу под стеной, сплюнул кровью, вытер губы и усмехнулся чему-то своему.

- Да он над тобой смеется! - взвился Заточка. Напряжение превысило его душевные возможности, и, не помня себе от ярости, он с урчанием бросился к пленнику. Щелкнуло, выскакивая, лезвие ножа в правой руке, блеснул стилет в левой.

- Я те сейчас вторую улыбку нарисую!

Раздался скрип, и пролетевший через всю комнату тяжелый стул спинкой врезал Заточке между лопаток. Слон, только что сидевший на этом стуле, швырнул его с нечеловеческой силой - порученца отбросило к двери, он упал.

Но тут же вскочил, позабыв обо всем на свете, метнулся обратно. В падении Заточка неловко подогнул руку, и лезвие раскладного ножа оставило на тыльной стороне ладони глубокий порез.

- Стоять! - Слон врезал кулаком по столу, и глиняная статуэтка на стопке бумаг подскочила. Хозяин бросился к дерущимся.

Тускло блеснувшее лезвие пошло вниз, Змееныш подобрался, отклоняясь, перехватил Заточку за кисть, вывернул ее необычным вращательным движением, дернул - порученец повалился на него, но мальчишка ужом выскользнул из-под противника. Однако и Заточка не растерялся - падая, ударил левой.

Змееныш вскочил, стилет был у него. Лезвие раскладного ножа распороло куртку на груди, старую футболку, процарапало кожу. Заточка, встав на колени, выбросил перед собой руку, но тут Слон схватил запястье Заточки, сжал с такой силой, что порученец со стоном выпустил нож. Слон ногой отбросил его в угол, разжал хватку и сказал, тяжело дыша:

- Еще раз сцепитесь - убью обоих на месте.

Змееныш лишь пожал плечами. Заточка, часто моргая, на четвереньках отодвинулся к окну, выпрямился, потом присел на корточки. Змееныш покрутил в руках его стилет и разжал пальцы - тот упал, вонзившись в ковер. Змееныш потрогал ухо, Заточка, сжав руку в кулак, оглядел его и лизнул рану, оставленную раскладным ножом.

- Почему ты не хочешь, чтобы я убил его, хозяин? - глухим голосом спросил он, разглядывая кровь, текущую по запястью.

В другое время Слон бы не стал отвечать, но сейчас он видел - Заточка сильно не в себе и может вообще свихнуться. Слон даже понял причину: помощник втрескался в Оксану, по-своему, по-заточьи, то есть это не значит, что он когда-нибудь попытается объясниться с ней в любви или там подарить девчонке цветы, ему такое даже в голову не взбредет, но он защищает ее, как верный пес - хозяйку, страдает от ее невнимания, а еще - безумно ревнует ко всякому другому псу, который пытается приблизиться к ней. А тут - ненавистный Змееныш! Слон хорошо знал своего первого помощника и понимал: тот не мучается

возвышенными переживаниями, он просто видит в Змееныше конкурента - красивого, молодого, но не менее, а может, и более опытного в делах Зоны...

- Не хочу, чтоб Оксана думала, будто ее отец убийца, - громко и отчетливо, чтобы до Заточки дошло, произнес Слон. - А ты хочешь, чтобы она так думала о тебе? Чтобы боялась тебя, не хотела, чтоб ты к ней подходил?

Безучастное лицо Заточки исказилось, он вскинул голову, глянул на хозяина.

- Почему не хотела...

- Она видела, как этот мутант вошел сюда. И если он отсюда не выйдет... Виноваты будем ты и я. Завтра я отправлю ее в город, но пока что... - Слон пожал плечами и скользнул взглядом по Змеенышу, который молча стоял под стеной.

Заточка сел на полу, сунув лицо между коленей и закрыв голову руками. Плечи его вдруг затряслись.

- Вставай! - велел хозяин, ткнув порученца сапогом. - Вниз иди, распорядись о жратве с боеприпасами для него. И Колобка ко мне. Ну, живо!

Заточка поднялся и боком вышел из кабинета, не глядя ни на кого. Слон вернулся в кресло, вытирая руки о штаны, по дороге поднял жалюзи на окне.

Дверь раскрылась.

- Звали? - Колобок выглядел немного смущенным. И вину испытывал за то, что девушку проспал, и неприятно было ему Оксану в водокачку тянуть. Хозяйская дочка упиралась, пришлось тащить ее, держать за руки. А когда Конова и Дикобраз схватили мальчишку да поволокли на холм - она сама за ними бросилась, Колобок ее оттаскивал, Оксана на него с кулаками... В общем, хреновая какая-то ситуация, пакостная.

- Тебе задание. Отведешь мутанта к оврагу, который на границе, там отдашь ему это. - Хозяин придвинул к краю стола разряженный «узи» и пустой контейнер. - Еще рюкзак Заточка сейчас принесет, в нем жратва и патроны. Но раньше не отдавай, только у оврага. И проследи, чтоб мутант ушел. Не возвращайся, пока не отойдет далеко.

Оглядев Змееныша с головы до ног, Колобок кивнул.

- Вот это для меня работа, хозяин. А вот с девкой воевать - увольте...

- Поговори мне! - рыкнул Слон. Колобок пожал плечами, вытащил из нагрудного кармана пачку клубничной жвачки и сунул в рот розовую пластинку.

- Когда выходить?

- Как только Заточка барахло притащит. Поведешь не сразу к воротам, водокачку обойдете.

- Это зачем? - Колобок на миг прекратил жевать.

- Затем, что я так сказал! Делай, как приказано, не рассуждай, жирный. Обойдешь водокачку и тогда уж веди его вниз. Не понял? Ну блин - чтоб из того окна его было видно! - Слон кивнул на дверь. Колобок перевел туда недоуменный взгляд, на лице его отразилась усиленная работа мысли. Змееныш все это время стоял не шевелясь, будто статуя, и смотрел в окно, на темный лес за холмом, едва проступивший в предрассветных сумерках.

Заточка, открыв дверь плечом, положил на пол объемный рюкзак - самый старый из нашедшихся у Игната.

- Припер, - буркнул он, не глядя на стоящего сбоку от двери мальчишку. - Может, я тож пойду, хозяин? Подстрахую, чтоб он не вернулся...

- А за Оксаной кто смотреть будет? Все, шагайте. - Слон сгреб со стола «узи» и контейнер, подал Колобку. Тот подхватил рюкзак, накиннул на шею ремень, пристегнул контейнер к поясу.

- Ну чё, пошли? - обратился он к Змеенышу.

Тот не пошевелился, будто и не ему сказали. Заточка выкрикнул ему в лицо:

- Катись, мутант!

Змееныш обвел взглядом уставившихся на него людей, будто впервые их видел, и направился к дверям. Колобок пошел за ним.

Дикобраз присел на раскладушку Колобка, Коновал стоял, сложив руки на груди, прислонившись мощным плечом к косяку. Оба вопросительно посмотрели на Слона, когда

тот вышел из кабинета следом за Змеенышем. Ссутулившийся Заточка остановился на пороге.

- Не так-то просто быть отцом, - пробормотал Слон, разглядывая дверь в комнату дочери. Колобок и Змееныш уже спускались по лестнице.

Из-за двери слышались сдавленные рыдания. Слон помассировал налитую кровью шею, провел ладонью по ежику седых волос на затылке и решительно вошел в комнату.

Оксана лежала на кровати, лицом ткнувшись в подушку и обхватив ее обеими руками, плечи сотрясались. Услышав звук шагов, подняла голову. Быстро села на краю кровати и вытерла рукавом слезы. Слон прикрыл дверь за собой.

- Чего ревешь? - сказал он, стараясь скрыть смущение, и понял, что вышло грубо. - Не надо сырость разводить, - добавил Слон уже мягче, присаживаясь на край кровати, и положил ладонь дочери на голову, но Оксана, вздрогнув, отодвинулась. Слон нахмурился. - Знал я, что девки в этом возрасте глупеют, но от тебя не ожидал.

Оксана громко сглотнула и встала.

- Зачем ты все это делаешь? - спросила она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

- Сама должна понимать... Да что там «должна» - в душе понимаешь наверняка, глупости это все. Мальчишки, вздохи при луне... - Он замолчал, к чему-то прислушиваясь.

- Какие глупости, о чем ты? - закричала Оксана. - Мы просто гуляли! Чем тебе Змееныш помешал?!

- Он бродяга, мутантово отродье, сам почти мутант! - Слон повысил голос, невольно раздражаясь. Он хотел быть спокойным, надежным, властным, как и подобает настоящему отцу, но у него не получалось. - Ты головой подумала, чего от него ждать можно? Он живет в лесу, как зверь! - Слон поднялся, шагнул к окну. Оксана напряженно следила за ним. Она придвинула столик к лазу, но фанера все равно была заметна. Если отец посмотрит вниз...

Слон искоса глянул в окно, повернулся к дочери.

- Оксана, я хочу, чтобы у тебя было все самое лучшее. Жизнь лучшая. А Змееныш этот - бродяга и дрянь, от него ничего хорошего в жизни не увидишь. Ну погуляете сейчас, а потом что? Где ты жить с ним будешь? Ночевать в дупле, на ветке, в норе? А он так и живет. Сама подумай...

- Это мое дело, - сказала Оксана, не глядя на него. - Мне не десять лет и не тринадцать. Я сама буду решать, с кем дружить...

- Дружить? Так вы, значит, просто дружили там... при луне?

- Мы... - начала она и заключила: - Отпусти Змееныша!

- А кто его держит? - Слон пожал плечами. - Вон, сама глянь...

Оксана непонимающе посмотрела на него. Слон поманил дочь, кивнув на окно. Оксана подошла, встала так, чтобы прикрыть от отца лаз, и выглянула. Через двор шли Змееныш с Колобком.

- Видишь? - Слон ткнул пальцем, цокнув ногтем по стеклу. - Я поговорил со Змеенышем, и он согласился отстать от тебя за рюкзак еды и боеприпасов. Извини за грубость, дочка, но... В Зоне патроны ценнее женщин.

- Неправда! - Оксана побледнела. - Змееныш! - Слон едва успел перехватить ее руку, протянутую к задвижке окна.

- Ну, зачем кричать? Не унижай себя!

Змееныш поднял голову, словно услышал Оксану. Их глаза встретились, секунду они смотрели друг на друга. Потом Змееныш отвернулся и легко зашагал дальше. Заточка уже отпирал ворота. Оксана бессильно прислонилась лбом к стеклу, Слон осторожно привлек ее к себе, обнял, стал неловко поглаживать по волосам.

«Узи» болтался за спиной, в руках Колобок держал свой любимый короткоствольный помповик, ствол неотступно смотрел между лопаток Змееныша. Вид у того был беспечный, он шагал, не оглядываясь, словно его не волновало, идет ли сзади Колобок, нацелено ли в спину оружие. Телохранителю порой казалось, что это Змееныш ведет его, а не он Змееныша.

Ночь закончилась, холодный утренний свет разлился над полем.

- Ты, пацан, играешь с огнем, - добродушно пробасил Колобок, когда они только вышли за ворота и спускались по дороге, петлями опоясывающей холм. - Со Слоном шутки плохи, вроде сам не знаешь. Я когда понял, что ты натворил, так удивился, что ты с кабинета выходишь живой, тока ухо распухло. Считаю, легко отделался. Всего-то хозяин со своей территории тебя выпер, повезло. Слона, думаешь, в Зоне зря Большим Хозяином кличут? У него все схвачено, реально все. Полковник один к нему приезжает докладывать, важный вояка с Периметра, а это тебе не псевдопсу хвост крутить. Пирожок хочешь?

Змееныш бросил на провожатого короткий взгляд через плечо.

- Ну, не хочешь, как хочешь. - Колобок откусил сразу половину и принялся размеренно двигать челюстями. Прожевав, заговорил вновь: - Вот ты, я вижу, как на игру на это все смотришь. А ведь Слону убить тебя - что чихнуть. Я тебе зла не желаю, мутант. И потому советую: со Слоном не связывайся. Ты ведь нужен в Зоне, всем сталкерам нужен. Как ты от Слона тогда сбежал, стал в Зоне жить, - многим жизнь спас, от своих братьев-мутантов уберег. И люди помнят, да. Так что брось ты это. Большой Хозяин за Оксанку со свету любого сживет. Ясно это?

Змееныш вскинул голову, сбился с шага. Палец Колобка на спусковом крючке напрягся, телохранитель остановился.

- Э, ты чего? Куда?!

К счастью, выстрелить он не успел. Змееныш сошел с тропы - как в воду нырнул, исчез в кустах, Колобок и не заметил, где именно. Зато хорошо рассмотрел в пяти шагах перед собой характерную дрожь воздуха. Телохранитель чертыхнулся, осторожно попятился, крутя головой. Змееныш неожиданно возник впереди, на тропе далеко за аномалией, оглянувшись, рукой указал на кусты слева. Машинально кивнув, Колобок обошел аномалию, ломая подлесок, выбрался на тропу. Первым делом наставил ствол на Змееныша, но тот уже двинулся дальше. Колобок потопал за ним.

- Добрый ты, - со вздохом продолжал он, будто ничего не произошло. - Ну скажи, зачем тебе эта фифа городская? Я ж рядом с ней уже сколько топчусь, охраняю, все вижу. Она хоть и незлая да симпатичная, а избалованная вкрай, привыкшая, что все вокруг гогают... - Он заметил, как напряглась спина Змееныша, и добавил: - У тебя, может, к ней все серьезно, потому что дремучий ты, нормальных девок и не видел раньше. А она с тобой играет. Ну, не специально играет, а просто ты для нее это... экзотика после прежних ухажеров ее на «понтах» да с лопатниками, полными отцовских бабок, ей потому с тобой интересно поначалу, может, она даже решила, что влюбилась, - в ее возрасте еще хрен разберешь. А потом... поматросит и бросит. Тока не ты ее, а она тебя. Уедет в свои заграницы за олигарха замуж выходить, а ты тут мучаться останешься. - Колобок дожевывал пирожок, отлепил жвачку от мочки уха, сунул в рот и, видя, что разговоры его не доходят до ума и сердца мальчишки, вздохнул: - Ладно, пацан, твое дело. Я только...

- Откуда ты можешь знать, что Оксана играет со мной? - вдруг спросил Змееныш.

Колобок чуть не поперхнулся жвачкой, закашлялся.

- Ну, я этого наверняка знать не могу, - согласился он. - Но ты про другое подумай: даже если у вас обоих это все всерьез - дальше чё, а? Ну, что делать будете? Ты, что ль, за ней в мир уедешь? Да ты знаешь, какой он, этот мир снаружи Зоны? Ты там жить не сможешь, точно!

- Я и не собираюсь, - сказал Змееныш.

- Ага! А что тогда собираешься? Хочешь, чтоб Оксана здесь осталась? Так она в Зоне не сможет так же, как ты - снаружи! Потому что она привыкла к этому... комфорту. Здесь-то у нее навряд ли отпуска перед заграницей, ей потому здесь хорошо, что она знает - скоро уедет отсюда, в прежнюю жизнь вернется. А теперь что? Бабам в Зоне не место. Хочешь, чтоб она с тобой навсегда осталась? В избушке на болоте жила? Не-е, вам вместе не быть, все равно как... - Колобок щелкнул пальцами, - как дельфину с русалкой.

Некоторое время они шли молча, потом Колобок, которого не оставляло желание предостеречь мальчишку от ошибок, заговорил вновь:

- Я хозяина знаю. Ты для него - мутант, понятно? Слоны считают, что Зона - это кладовка такая с артефактами, а мутанты - крысы в этой кладовке, и их уничтожать надо. И ты - одна

из крыс, тока поумнее других. Вроде такой хозяин крыс, во. Я вот даже удивляюсь, что он с тобой так мягко, будто боится тебя или вину какую чувствует. Может, из-за Мазая это? Але, Змееныш? Чё-то я никак не пойму, что у тебя на уме...

Змееныш остановился, помповик ткнулся ему между лопаток. Колобок притормозил.

- Чего встал?

- Кабаны. - Змееныш мотнул головой, черные волосы взметнулись. Колобок прислушался, повел стволом в сторону, оттуда донесся приглушенный топот и треск ветвей. Звук быстро приближался.

- Бля, на нас прут! - Поправив лямки тяжелого рюкзака, телохранитель дернул спутника за руку. - А ну быстро отсюда!

- Они нас не заметят. Только ты потише. - Змееныш отступил с тропы к молодым осинкам. Листья их крупно дрожали, хотя ветра не было.

- Ненадежное укрытие, - прошептал Колобок, невольно следуя за смутником. - Хоть бы вон на тот дуб залезть...

Змееныш положил узкую ладонь ему на плечо, и дрожь пробрала сталкера. Он готов был поклясться, что из пальцев мальчишки потекла какая-то энергия - кожа под одеждой нагрелась. Но все равно Колобка бил озноб. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что от Змееныша исходят невидимые волны.

Топот стал громче, послышался натужный сип, тяжелое дыхание, всхрипнул кабан... Колобок напрягся, поднял помповик - не лучшее оружие против стаи крупных мутантов. Как они вообще тут оказались? Вроде только два дня назад Слон посылал рейд на очистку своей территории...

Земля тряслась от топота копыт, Колобок нервничал. Чего они тут стоят? Кабаны могут выскочить прямо на них, и тогда хана!

Громкий треск, раздавшийся совсем близко, прозвучал как взрыв. Сталкер не выдержал, вскинув оружие, нажал на спусковой крючок.

На тропу прыгнул огромный кабан, снеся куст, за ним, топча растительность, выскакивали другие.

Помповик не выстрелил.

Холодный пот потек по спине. Колобок схватился за нож на поясе. В пяти шагах кабаны топтались на тропе, ворочая длинными рылами, черные ноздри раздувались: мутанты чужли человеческого запах.

Горячая ладонь легла на запястье, обожгла кожу. Колобок едва не вскрикнул, он совсем забыл про Змееныша. А тот приложил палец к губам и улыбнулся своей загадочной полуулыбкой. Колобок сжал зубы - вожак стаи повернулся к ним.

Змееныш шагнул ему навстречу, телохранитель протянул руку, чтобы остановить сумасшедшего, но не успел.

Огромный матерый кабан попятился от улыбающегося человека. Словно испугался - хотя Змееныш перед мутантом был как тростинка перед гранитной булыгой.

За вожакom попятись остальные. Змееныш медленно поднял ладонь, коснулся низкого мохнатого лба кабана. Глаза того остекленели. Мутант развернулся на заплетающихся ногах и побрел прочь, за ним, недоуменно хрюкая, пошли остальные. Змееныш поднял другую руку - вожак перешел на рысь, постепенно набирая ход. Стая скрылась в подлеске, какое-то время слышался топот и треск ветвей, затем все стихло.

Змееныш повернулся к провожатому. Колобок вдруг понял, что не дышит уже с минуту. Он с шумом выдохнул, втянул воздух сквозь зубы.

- Ну ты даешь, мута... парень, - пробормотал он. Улыбнувшись ему, Змееныш направился вперед по тропе. Колобок встряхнулся, опустил ствол и побрел следом - теперь его вели, а не он конвоировал.

Когда вышли к оврагу, совсем рассвело, за сплошными облаками над кронами деревьев поблескивало размытое светлое пятно - солнце взошло. Холод отступил, но было по-утреннему зябко - Колобок ежился. Трава поблескивала, ботинки от росы стали мокрыми.

- Стой! - Он скинул рюкзак, снял с шеи ремень «узи», протянул Змеенышу. - Держи. И консервы с патронами тоже.

На севере владения Слона заканчивались возле широкого оврага, по дну которого тек ручей. Недавно прошли дожди, вода бурлила, клокотала, над отвесными берегами взлетали брызги. За оврагом начиналась настоящая Зона, лес становился гуще, опаснее - в нем жили псевдоплоти и стаи слепых псов. Накинув лямки рюкзака на плечи, Змееныш пошел к перекинутому через овраг бревну.

- Стой! - не выдержал Колобок.

Спутник кинул через плечо вопросительный взгляд.

- Слышь, парень... - телохранитель говорил с трудом, слова не давались. - Ты легко мог сбежать. Толкнуть меня в аномалию, бросить кабанам... Так чего не сделал этого?

Слабо улыбнувшись, Змееныш ступил на бревно.

Колобок следил, как он уходит в лес, и потом еще долго стоял, глядя на деревья, между которыми скрылось это странное существо.

- Ну, мутант... удачи тебе, - вздохнул он, повернулся и зашагал прочь.

Он шел, не оборачиваясь, и не видел, как Змееныш вернулся, как снял рюкзак с барахлом Слона, бросил в ручей и спрыгнул с бревна по ту сторону оврага, где стоял Лесной Дом.

2

Ночь была промозглой и беспросветной. Лесной Дом терялся во тьме, луч прожектора отвоёвывал у нее лишь один круг света посередине двора, захватив часть южной стены водоканализации. Фонарь над воротами почти не рассеивал мглу, светил желто и тускло, будто из последних сил.

Филин с Емелей сидели в будке возле ворот, у каждого было по «калашу», на столе между стеллажами лежала сигнальная ракета.

- И на фиг охрану усиливать? Сегодня не моя смена, я спать должен, - ворчал Филин, подкручивая огонь в газовой горелке. Чайник упорно не желал закипать.

Емеля толстыми ломтями нарезал буханку, на газете лежала колбаса, рядом - коробка с кусковым рафинадом, в кружках насыпана заварка.

- А я вообще водитель, - то ли возразил, то ли пожаловался он. - Мне по чину не полагается сторожить, я, можно сказать, специалист, квалифицированный работник.

- И слова такие знаешь, - вздохнул Филин. - Я Колобка встретил, когда он возвращался, - ушел Змееныш, совсем ушел. Патроны взял, консервы - и сгинул в лесу. А Колобка от кабанов спас, слышал?

Емеля приподнял крышку чайника, посмотрел на воду.

- Не понимаю, зачем столько шуму поднимать из-за какого-то пацана со сдвигом.

- У него же способности! - жарко возразил Филин. - Чё Колобок рассказывал, слышал? Волны от него какие-то, жар. Ты вон никаких волн не умеешь, а у него получается.

- Так я человек, а он... мутант, одним словом. - Емеля положил на ломоть хлеба толстый кружок колбасы, взял кусок сахара и стал заедать им бутерброд. - У нормальных людей таких способностей не может быть. Правильно: я не могу волны, ты не можешь. А он может. Почему? Потому что в нем течет кровь мутантов. Может, мать его с кровососом спуталась, а может, его слепая собака выкормила, он от молока ее мутировал. Как от этих... Как же их... гено...

- Какой Гена? - спросил Филин.

- Сам ты Гена! Говорю: как от генномодифицированных продуктов бывает. Слышал?

- Умный ты, Емеля, даром что водила. Скажи тогда, почему мутант Колобка спас? Ведь Колобок его от крали уводил, как Слон велел. А если б бросил Колобка, то мог бы вернуться. Дочь-то хозяйская, говорят, целый день плакала и из комнаты не выходила.

Наконец чайник закипел. Филин стал разливать, прихватив горячую дужку рукавом. Емеля, дождавшись, когда кипяток наполнит кружку, кинул сахар в черный, густо заварившийся чай и стал помешивать старой алюминиевой ложкой.

- Да он сумасшедший, - подумав, ответил он. - Мугант этот. Ты разве не знал? Тронулся, когда из-за него экспедиция Мазая погибла. Хотя откуда, тебя тогда и в Зоне-то не было.

- Так расскажи! - оживился Филин, он был охоч до всяких «зоновских» историй. Емеля отложил ложку, шумно хлебнул чая.

- Иди местность проверь сначала, все ли тихо, - важно велел он.

- Да не вернется Змееныш, ушел он.

- Психи на все способны. Иди, говорю, а то скоро Заточка проверять припрется, надо доложить, что все в порядке. Давай, не ленись, а я потом расскажу.

Филин бросил взгляд на горячий чай, на еду - вздохнул и стал натягивать тулуп: ночь была холодной, ветреной.

Емеля, довольный собой и жизнью, развалился на стуле, жуя бутерброд. Конечно, лучше в такую ночь спать в кровати, но и тут можно неплохо устроиться. Он прихлебывал чай, уминая хлеб с колбасой, закусывая сахаром - была у Емели такая странная привычка, - и поглядывал на дверь. Всего делов-то - оглядеть двор и обратно, а Филина нет. Минуту, две... Сталкер заволновался. Псевдопес его сожрал, что ли? Куда запропастился? Емеля поднялся, приоткрыл дверь. И наткнулся на Филина, который стоял возле будки, задрал голову.

- Ты чего? - толкнул его в спину Емеля. - Я жду же. Чего увидел?

- Эх, черт, ловкий, как кошка! - восхищенно прошептал Филин, не отрывая взгляда от водокачки. Емеля выбрался наружу, посмотрел - и охренел. Тонкая фигурка карабкалась по стене, цепляясь за невидимые глазу уступы. Вот схватилась за балку, к которой крепилась спутниковая антенна, взлетела на тарелку, забралась на подоконник, согнувшись, - и исчезла в окне второго этажа.

- Мне бы так, - вздохнул Филин, опуская голову. - Прикинь, по любой стене, как таракан...

Емеля сграбастал напарника за шкирку.

- Ты чем думаешь, балда?! Мозги твои где? Кто это был? Давай тревогу поднимай! Где свисток? Или ракету сразу?

- Да ну, чего сразу тревогу? Дело-то молодое. - Филин попытался отпихнуть приятеля. - Мне Змееныш даже нравится. Я и раньше видел... Все равно под утро уйдет, никто и не узнает.

От этой логики Емеля вконец растерялся и даже перестал трясти Филина.

- Ты чего? - хрипло сказал он наконец. - Слоны знают что сделает, если узнает?

- Да как узнает-то? - отбивался Филин.

- А вдруг еще кто видел?

- Тогда бы уже тревогу подняли. Чего тебе, больше всех надо?

- Нет, но... - Емеля помолчал, придумывая аргументы. Ситуация складывалась какая-то невероятная. - Болван ты, Филин! Заточка точно пронюхает, он к Слоновой дочке неровно дышит. Поймет, точно говорю. А потом тебя в кровати без головы найдут, ты так и не узнаешь, кто это сделал, а голова будет на полке стоять.

- Кишка тонка, - неуверенно возразил Филин.

Послышались шаги, в круг света из темноты вынырнула сутулая фигура. Емеля шагнул назад, в открытую дверь.

- Чего у вас? - хмуро спросил подошедший Заточка. - Все тихо?

Он был бледен, а глаза красные, опухшие - порученец не спал вторую ночь.

Филин не успел ответить: из будки показался Емеля с трубкой сигнальной ракеты в руках, выковырял шнур, готовясь дернуть.

- Змееныш там, - бодро доложил он. Мгновенно сориентировавшийся Филин махнул рукой на водокачку.

Глаза Заточки стали круглыми, мгновение он медлил, потом схватил Емелю за руку.

- Не стрелять! Где мутант, говори! Филин указал на Оксанино окно.

- Да вон туда залез. По стене, ровно макака, забрался.

Заточка подскочил как ужаленный.

- Всем тихо! Шум не поднимать! Стоять тут наготове, стволы с предохранителей снять, Змееныш появится - стрелять на поражение!

- Э, ты чё, убить, что ли? - удивился Филин - и получил болезненный тычок острыми костяшками пальцев под ребра.

- Ноги прострелить, но если убьешь, Слон тебя не накажет! - С этими словами Заточка рысью побежал через двор ко входу в водокачку.

Оксана сидела в комнате под домашним арестом - она поругалась с отцом и отказалась уезжать из Зоны. Целый день девушка ходила от стены к стене, валялась на кровати, глядела в потолок. А вечером накатило отчаяние. Днем она не верила, цеплялась за сами собой всплывающие оправдания, однако с наступлением темноты надежды рассеялись: Змееныш действительно ушел, променял ее на консервы и патроны. Что Оксана знает о нем? Почти ничего. Живет в Зоне, как дикий зверь, добывает артефакты, чтобы выменять их на еду и боеприпасы, дружит с мутантами - вот и все. Откуда он взялся, правда ли, что его выкормила слепая собака, кто его родители, в конце концов? Она ничего не знала!

Девушка потрясла головой, села, обхватив подушку, вцепилась в нее зубами. Ей хотелось кричать, да что толку? За дверью торчит Колобок, бежать некуда, ведь Змееныш больше не ждет ее у холма, а сама она... что она будет делать там, в лесу, одна? Все эти мысли о том, чтобы стать сталкером, ночные прогулки по склону и вокруг холма - все это было ребячеством, капризом избалованной девчонки, привыкшей, что мир добр к ней. Но мир не добр - он равнодушен, безразлично-жесток.

Он придет, вернется за мной! - твердила Оксана, до боли сжимая кулаки, - и сама себе не верила. Если так, то Змееныш уже появился бы, ведь от оврага, куда его отвел Колобок, идти не очень далеко, а вышли они на рассвете. Оксана зажмурилась. Ее раздирали противоречивые чувства. То ей хотелось, чтобы Змееныш немедленно появился, доказал бы, что он не бросил ее. То она вспоминала, что отец велел убить Змееныша, если тот появится, - и она мысленно обращалась к нему, чтобы уходил подальше и ни в коем случае не появлялся, пока не уляжется суматоха, а она подождет, конечно, подождет!

Потом она жалела, что Змееныш не убил Колобка по дороге к оврагу и не сбежал. Ведь он мог, конечно, мог, он сильный и быстрый... И тут же ругала себя за такие мысли. Змееныш не такой, он не станет убивать, да и зачем ей убийца? Это правильно, что он дошел до оврага и спас Колобка от аномалии и кабанов, как рассказал вернувшийся телохранитель. Правильно, конечно, Змееныш все делает правильно, он ушел, чтобы потом вернуться, когда отец уберет охрану, когда все забудется... Только когда это случится? Оксана принималась на пальцах высчитывать возможные сроки.

Она накручивала сама себя, чтобы отогнать липкий холодный страх: Змееныш ушел навсегда, променяв ее на еду и патроны. Он же дикарь, он столько боеприпасов и консервов в жизни не видел, а как увидел - забыл про Оксану. Да и кто она ему? Какая-то городская девица, приехала и уехала...

Нет, он вернется, - мысли возвратились в накатанную колею, - как только отец снимет охрану и все успокоится.

Да что с той охраны, ведь Оксана показала ему лаз, ведущий прямо в комнату... От этой мысли она похолодела. Если бы Змееныш хотел вернуться, то мог бы сделать это прямо сейчас, и никакие охранники ему не помешали бы! Значит, отец прав, он ушел насовсем.

Тихо скрипнула рама, девушка вскинула голову - в темном окне показался Змееныш. Спрыгнул на пол, выпрямился. Оксана вскочила, закусив губу, чтобы не вскрикнуть, шагнула навстречу... и вдруг спросила, неожиданно для самой себя:

- Зачем ты вернулся? Отец приказал всем сразу стрелять, если увидят тебя.

- Меня никто не видел, - ответил Змееныш. Оксана взяла его за руку, заглянула в глаза.

- Почему ты полез по стене? Забыл про лаз? - Она показала на прикрытую фанеркой дыру под подоконником, по-прежнему загороженную столиком.

- Так привычной. Ты меня ждала?

- Конечно, - ответила Оксана. И добавила, смутившись: - Отец сказал, что ты променял меня на консервы и патроны...

- Я их выбросил.

- Выбросил?! - поразились девушка. - Зачем? - Он пожал плечами.
- Кинул в овраг. Мне это не нужно.
- А... - начала она и замолчала, но Змееныш понял невысказанный вопрос - или, возможно, услышал мысль, так явственно прозвучавшую в голове Оксаны, - и ответил:
- А ты мне нужна. Жаль, что ты не можешь остаться со мной.

3

Слон отломал головку глиняной женщине. Он по привычке крутил статуэтку в руках, погрузившись в мрачные раздумья, и только громкий треск вывел его из этого состояния. С недоумением он повертел обезглавленное тело, ругнулся и бросил обломок в угол комнаты. Откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову, рассеянным взглядом обежал кабинет. Было глубоко за полночь, глаза побаливали, пора отправляться в кровать - но мысли о случившемся наполняли голову, мешая расслабиться, и Слон все сидел, все думал. Он не очень-то верил, что Змееныш уйдет и оставит Оксану в покое. Да хотя бы бывшему хозяину назло вернется. Впрочем, Слон был реалистом, он понимал, что до него Змеенышу дела как раз нет, но от своего мальчишка не отступится - не тот характер. Слон до сих пор помнил упрямый взгляд исподлобья, когда Змееныш пришел вступаться за Мазая... Нет, не отступит, скорее умрет. Что ж, как говорится, каждый выбирает по себе. Поэтому-то Слон и не шел в кровать: ждал, что с минуты на минуту раздастся во дворе выстрел, или взлетит с шумом и треском сигнальная ракета, или прибежит встрепанный охранник...

Но время тянулось - и хозяин Лесного Дома потихоньку начинал сомневаться. Может, он ошибся, и план сработал? Мутант позарился на жратву с боеприпасами, в конце концов, Слон дал много, на это Змееныш может протянуть несколько месяцев с его-то образом жизни... Тогда все получается как нельзя лучше: Оксана помучается немного, пострадает, но поймет, что выбрала не того, разобидится еще больше, да и уедет в Европу, чтобы оказаться подальше от этого места, и начнет жить так, как с самого начала пророчил ей Слон.

Он несколько раз выпрямил и согнул пальцы закинутых за голову рук, хрустя суставами, бросил взгляд в окно. Прожектор на крыше заливал двор ярким светом. Этим вечером Слон приказал установить еще два, чтобы освещали стену вокруг Лесного Дома. И часовых расставил так, чтобы они всю стену просматривали, никакой Змееныш не пролезет незамеченным.

А раз так - можно идти в постель. Слон широко зевнул. Он всегда спал мало, часов по шесть, но прошлая ночь выдалась беспокойной, а ему все-таки за пятьдесят, сказывается возраст, вторую ночь без сна сидеть тяжело. Надо прилечь, хоть вздремнуть немного.

Он встал, потянулся, разминая суставы. Черт с ним, с этим мутантом, Слон не собирается из-за него лишать себя отдыха.

Дверь отворилась медленно, без скрипа, поэтому Слон не сразу заметил.

- Какого черта? - начал он, и тут внутрь всунулась голова Заточки. Помощник приложил палец к губам.

- Он здесь, хозяин, - едва слышно шепнул порученец. Слон помертвел.

- Здесь? Внутри? - Он втащил Заточку внутрь, тихо закрыл дверь. - Почему никто тревогу не поднял?!

- Ты тише, хозяин, - прошептал помощник. - Змееныш у Оксаны в комнате.

- Что?! - Слон бросился к столу, выдвинул ящик, достал пистолет. Заточка перехватил его у дверей, с трудом удержал.

- Хозяин! - настойчиво повторил он. - Мы его возьмем. Только не шуми, а то опять сбежит.

Слон опустил оружие, провел ладонью по лицу.

- Так... слушай сюда. Кто у комнаты дежурит?

- Колобок с Заикой, - напомнил порученец. Слон кивнул.

- Постовых снаружи с места не трогай, только предупреди, чтоб начеку были. Быстро буди Коновала, Дикобраза, Мертвого... человек пять. Трое чтоб под окном дежурили, двоих

ко мне, только пусть по лестнице не грохочут, тихо поднимаются. Я пока внутри покараулю и Колобка с Заикой предупрежу. Если что - пусть стреляют, ясно? Но не убивать. Нельзя, чтоб Оксана видела, мало ли как отреагирует, ты понял?

Заточка нетерпеливо кивал, нашаривая дверную ручку. Слон выключил в кабинете свет, и они на цыпочках выбрались на площадку, где под слабой лампочкой Колобок и Заика резались на раскладушке в дурака.

* * *

- Ты пришел, чтобы забрать меня?

Змееныш слегка отступил к окну. В первый раз Оксана видела его смущенным и, не понимая, что происходит, села на кровать, обхватив себя за плечи.

- Я живу в Зоне, а ты привыкла к городской роскоши, - медленно произнес Змееныш. - У меня нет дома. Сплю в дуплах, иногда в сталкерских схронах или просто на траве, когда теплее. Гнезда себе делаю. Заворачиваюсь в драное одеяло... Еда - военные пайки, дичь, рыба, ягоды. Тебе не понравится такая жизнь. Ты привыкла к другому.

- Замолчи! - чуть не выкрикнула Оксана, лишь в последний момент сдержалась, испугавшись, что услышат снаружи. - Ты говоришь как отец.

Змееныш, глядя ей в лицо, продолжал:

- Я не знаю, что говорил твой отец. Но ты не сможешь жить в Зоне. Здесь иногда бывает такое... замерзнешь, как собака, а костер развести нельзя, чтобы не привлечь зверей. Или людей, они иногда хуже мутантов. Тут мародеры, бандиты, зэки бывшие. И военные патрули не лучше. Ты всего этого не знаешь пока, а я знаю. Если далеко зайти, в глубь, где людей почти нет, - консервы кончатся, бывает, по три дня без еды. Приходится корни грызть, кору, хорошо, если орехи удастся найти или подстрелить что-то съедобное. Все это не для тебя. Ты привыкла к другому, разве не так? У твоих... твоих знакомых всегда много денег, а у меня никогда их не было. Вообще никогда. Они мне не нужны здесь. - Он заглянул ей в глаза. - Поэтому я уйду. Уйду навсегда, прямо сейчас, пока я для тебя только игра.

Оксана сжала кулаки.

- Это неправда! Почему вы решаете за меня? Почему вы все считаете, что я как заводная кукла? Я хочу жить, я смогу жить в Зоне! И я тебя...

Из-за двери донесся протяжный крик Слона:

- Ломай!

Дверь вздрогнула от удара, треснула и распахнулась. В комнату ввалились Коновал с Дикобразом, бросились на Змееныша, схватили, скрутили, вывернули ему руки.

- Как же ж ты опять тут оказался, падла?! - воскликнул Коновал, пиная упавшего на колени Змееныша. Пока Дикобраз держал, Коновал с размаху врезал пленнику в челюсть, голова того мотнулась, взлетела капля крови. Оксана кинулась к сталкерам, замолотила кулаками по спине Коновала.

- Отпустите его! Отпустите, звери!

Она развернулась к вошедшим в комнату Слону и Заточке. За широкими плечами хозяина маячили Колобок с Заикой.

- Отец, хватит! - крикнула Оксана. - Скажи им, чтобы прекратили!

Она снова бросилась на Коновала, который занес кулак, сжала его запястье обеими руками и укусила за большой палец. Сталкер взвыл, затряс кистью:

- Ах ты!..

Но сдержался, глянув на хозяина. Слон шагнул вперед, схватил Змееныша за волосы, подняв его голову, посмотрел в лицо.

- Я тебя предупреждал?

И повернулся к дочери, бросив через плечо:

- В подвал его.

Захлебываясь слезами, Оксана металась от одного сталкера к другому, пытаясь остановить их. Слон, заложив руки за спину, ждал, когда уведут Змееныша. Колобок с Заикой по знаку хозяина заслонили дверь перед Оксаной, не выпуская ее.

- Закрой дверь, - велел он Заточке. Оксана отступила, сжав кулаки, повернула к отцу раскрасневшееся злое лицо.

- Если ты отправишь меня из Зоны, я вернусь! Сбегу и вернусь сама! Я найду способ!

- Тогда я его убью, - сказал Слон ровным голосом.

- Что?! - Оксана задохнулась. - Нет, ты не сможешь!

- Я? Нет? - Криво улыбнувшись, Слон подошел к ней, положив тяжелую ладонь ей на плечо, заставил сесть на кровать, встал рядом, хмурый и предельно серьезный. - Скольких, по-твоему, я убил за свою жизнь?

Оксана молча глядела его, зрачки ее медленно расширялись.

- Ты привыкла к хорошей жизни. Сколько ты тратишь в месяц? Две тысячи долларов, три? Это при том, что еду тебе покупать не надо... Откуда эти деньги, как думаешь? Ты ведь никогда не задумывалась, правда? Конечно, папа все оплатит, обо всем позаботится... Нет, я не корю тебя. Но я дал тебе многое - и ты будешь меня слушаться.

Подняв бледное лицо, девушка вгляделась в отца.

- Но ты убивал мутантов, а они просто звери, даже хуже. Ведь ты не убивал людей? Скажи, что нет! - Оксана перевела растерянный взгляд на жавшегося у шкафа Заточку, на Колобка и Заику в дверях. Колобок все жевал что-то, Заика часто моргал белыми ресницами.

- Это не важно. Ради тебя - убью.

- Но мне это не надо! - вскрикнула с болью Оксана. - Почему ради меня?

- Это надо мне. Я не потерплю, чтобы моя дочь жила в Зоне с мутантом. Завтра же ты уедешь отсюда, забудешь его, иначе я убью Змееныша. Тогда тебе все равно придется уехать, но ты будешь жить с чувством, что он погиб из-за тебя. Ясно? Ты уедешь и не вернешься, иначе он умрет.

Оксана выпрямилась.

- Нет, ты не сделаешь это! Я не верю, ты не такой! Ты мой отец, и ты не способен на убийство!

Слон очень внимательно посмотрел на нее и сказал:

- Я сделаю это и потом спокойно засну. - Заточка подошел ближе, и Слон повернулся.

- Ей успокоиться надо, чтобы понять, - прошептал порученец. - Дай ей время, слышь, хозяин? Пусть обдумает все, но сначала уймется...

Слон глянул на дочь.

- Выбери.

И он вышел из комнаты, на ходу бросив Колобка:

- Стой тут, не выпускай ее.

Заика, придерживая «калаш» на боку, пошел к лестнице, а Заточка поспешил вслед за хозяином.

Глава седьмая. Погоня. Награда за голову

1

В круглой комнате горела одна лампа над баром. Слон сидел в кресле, в тени, с бутылкой виски и стаканом в руках. Заточка подошел ближе, присев на корточки в двух метрах от хозяина, вгляделся в небритое лицо.

- За что пьем? - спросил он наконец, выпрямившись и подтащив поближе круглый барный табурет. Закрутил его до упора, чтобы стал пониже, уселся напротив Слона.

- Плохо, что многие знают, где находится Лесной Дом, - медленно проговорил тот. - Никакой конспирации. Надо так сделать, чтобы только мои люди имели координаты, а больше никто.

- Как же это? - удивился порученец.

- А вот так. В Зоне часто гибнут, появляются новички... Надо распустить всякие слухи, будто Слон в другое место переезжает, чтоб и свидетели нашлись, проверить такую операцию по дезинформации, а потом... - Слон поднял взгляд на порученца, ткнул рукой

вниз и сказал: - Пора кончать мутанта. Слабину я тогда дал, надо было сразу, пока в пеленках, давить. Это я от неожиданности. Подумал сперва - судьба. А потом понял - наказание мне.

- Что прошлое разбирать, надо о настоящем думать, - осторожно сказал помощник. - Понятное дело, мутант тебя в покое не оставит. И Оксану Ивановну тоже. Ты ж видел, какой упорный, прямо как псевдопес, который жертву схватил, - ни за что зубы не разожмет.

Кивнув, Слон поднял бутылку, глянул на просвет сквозь оранжевую жидкость. Комната тонула в полутьме. Если он только открыл виски, то уже порядком нализался, - подумал Заточка: поила оставалось не больше половины. А бутылка большая, литровая. Когда успел? Наверно, прямо из горла выпил, как пришел, была у Слона такая привычка, а дальше уже упал в кресло и стал думать.

Хозяин, встряхнув бутылку, глотнул из горлышка. Посмотрел на стакан с легким недоумением, повертел - налил туда немного и поставил на столик слева от себя вместе с бутылкой. Взял со столика сигару, неторопливо раскурил.

- Будут мне от него дальше одни только проблемы, если не разделаюсь сейчас. - Он выпустил в потолок кольцо дыма, проследил, как тот взлетел, расплываясь в воздухе, пока не стал бесформенным сероватым клубом. - Но ты пораскинь мозгами: как-то это надо обстригать так, чтобы Оксанка не узнала. И чтоб я перед ней чист был. Хотя если сильно упрямиться будет...

Слон замолчал надолго, снова затянулся. Позабыв про стакан, взял бутылку и сделал глоток из горлышка. Посмотрел на Заточку.

- Но крепкая девка, а? Упрямая, вся в меня! Я тоже на своем всегда стою, ничем мое мнение не перешибить, как я решил, так и будет. - Он сжал толстые пальцы в кулак и стукнул по подлокотнику. - Но я ее переломлю! Смирится, никуда не денется. - Заточка кашлянул.

- Решать надо.

- Решать, решать, - пробормотал Слон, отставляя бутылку. Положил сигару в пепельницу, сцепив пальцы на животе, уставился на помощника цепким взглядом - будто и не пил. - Что тут решать? Убить мутанта тайно, чтобы никто не проведал, закопать в лесу ночью. Оксане сказать - сбежал.

- После того, как он вернулся, не поверит, допытываться начнет, - возразил Заточка и вдруг быстро лизнул рану на тыльной стороне ладони. Только это и выдавало, что он нервничает, - серое лицо ничего не выражало. Порученец сидел неподвижно, чуть сутулясь и подавшись вперед. - Тогда уж точно с нею не совладать будет. Шуметь начнет на всю Зону...

- Как же это она на всю Зону шуметь будет? - нахмурился Слон. - На батю родного? Да я ее завтра же с утра отсюда выставлю!

Заточка криво улыбнулся.

- Она решительная, вернется сама. А мутант, он... - Порученец щелкнул пальцами. - Змееныш, короче, популярная у мужиков фигура. У сталкеров. Очень популярная. Слыхал, как они его называют? Талисман Зоны, вот. И это не только те, что здесь кучкуются, - по всей Зоне его знают...

- Слыхал! - сердито буркнул Слон, буравя помощника злым взглядом. - Ты что-то предлагаешь или так, на нервы мне действуешь?

Заточка прокашлялся, размышляя, и начал говорить медленно, обдумывая каждое слово.

- Змееныш - талисман для сталкеров. Он для них этот... символ того, что в Зоне можно прожить даже без снаряги, почти без оружия. Что человек и Зона не враги, а... Ну, не друзья - но равноправны они. Потому нельзя его просто так убить. Уже слухи поползли, мол, Слон против Змееныша что-то имеет. Ты, хозяин, человек известный, богатый, таким все завидуют. Молва будет не на твоей стороне, если с мутантом что-то случится. Тут надо тонко действовать.

- По твоей части, - хмыкнул Слон, вновь раскуривая погасшую сигару.

- Есть у меня одна мыслишка, как дело можно состряпать и чистыми остаться, - согласился Заточка. - И хозяйка, главное, не будет себя виноватой чувствовать, и в семье мир сохранится...

- Мир в семье его заботит!

- Нет, ты послушай. Предложение мое простое: отвести мутанта в Зону с тремя провожатыми, мол, Слон в своем праве, Змееныш на дочку его посягнул, а он всего-то выставил того. Один раз выставил - мутант вернулся, значит, во второй раз Слон имеет право завести его дальше, в самую глубь, хоть к ЧАЭС, чтоб неповадно было. А там, возле ЧАЭС, опасно, кровососы обитают... Один матерый кровосос трех человек уложит за милую душу. А, хозяин?

Слон потянулся за бутылкой, глотнул, не сводя с Заточки острого взгляда.

- На всякие каверзы ты мастак, - медленно произнес он. - Трех, значит? А ушло четыре, если Змееныша считать?

- Четвертый - я, - подтвердил Заточка. - Еще двоих надо, кто послабже да без особых хитростей в голове.

- Филина, Емелю-водилу, - кивнул Слон. - Или Заику... нет, Заику не надо.

- Филина с Емелей. И потом вернусь я один. Раненый. Расскажу: матерый кровосос на нас вышел. Мутант его приманил своими этими, - порученец похлопал ладонью по лбу, - волнами. Хотел на конвоиров натравить, но не смог с кровососом справиться. Ну как тогда, в экспедиции Мазаевой, не сладил с кабанами. И кровосос на него первого напал. Мы по нему палили, но кровосос, когда зрелый да откормленный... Попробуй справься! Я один и выжил. - Заточка заговорил взволнованно, будто перед сталкерами в бараке рассказывал эту историю. - Раненого Емелю два дня на себе тащил, но помер он, а дальше уже сил не было тело тянуть, пришлось там закопать. Так что, хозяин, утром и отправляемся? - неожиданно заключил он.

Слон отставил бутылку, затушил сигару в лужице виски и устался в стену поверх головы Заточки, который с надеждой глядел на него. Лицо хозяина сморщилось, он прикрыл глаза, а после широко раскрыл и хлопнул ладонями по подлокотникам, вставая.

- Погоди. Можешь хоть тут посидеть, выпить. В холодильнике икра оставалась, бери, разрешаю. Не могу я так - пойду еще с Оксаной поговорю. Она мне дочь родная, и я должен с ней до последней возможности честно поступать. Если поклянется, что завтра же уедет и не вернется в Зону, - не будем мутанта убивать. Если опять спорить станет... Сделаем, как ты предложил.

Первое, что увидела Оксана, открыв глаза, - валяющийся у кровати «узи» Змееныша. Гнев вновь захлестнул девушку, полезли кровожадные мысли: схватить оружие, выскочить из комнаты, перестрелять всех... А дальше?

Она вытерла слезы, пошарив по карманам, нашла платок и высморкалась, не отводя взгляда от оружия на полу.

Взявшись за ремень, потянула к себе. Тяжелое! Оксана взяла «узи», покрутила в руках. Игнат научил ее обращаться с ТТ и «калашом», девушке нравилось стрелять, хотя все равно оружие оставалось для нее чем-то чуждым - игрушки мужчин. Но она сможет им воспользоваться, сможет! Оксана повесила «узи» на плечо, на цыпочках подкралась к двери, приложила ухо. С площадки не доносилось ни звука, но девушка знала, что там дежурит Колобок, она слышала, как отец велел ему охранять. Или, верней, следить, чтобы не сбежала.

А куда она сбежит, если Змееныш тут? Кажется, Слон приказал отвести его в подвал. Оксану пробрал озноб. Ведь отец обещал, что мутанта убьют, если он появится снова! Что, если все уже случилось, и Змееныша для того и увели в подвал, чтобы не у нее на глазах...

Нет, нет! Она сжала кулаки, прикусила губу почти до крови. Ее трясло - от долгого плача, от переживаний, от страха. Нельзя оставаться тут, надо действовать, причем немедленно. Заточка просил хозяина дать ей успокоиться, значит, они хотят прийти позже, отец станет требовать, чтобы она уехала, шантажировать: не уедешь - пристрелим мутанта...

Значит, у нее есть немного времени, чтобы помочь Змеенышу. Мысль, что его уже убили, Оксана отбросила сразу: нельзя было поверить в это и не сойти с ума.

Как только она приняла решение, в голове прояснилось, панические мысли отступили. Оксана смогла спокойно оценить ситуацию - конечно, относительно спокойно, потому что теперь ее колотило от возбуждения. Не теряя больше времени на бесполезные размышления, девушка подергала дверь - заперта. Недавно в нее врезали новый замок.

Тогда она громко постучала, и Колобок после паузы отозвался:

- Чего?

- Воды принеси, - сказала она.

- Не могу отлучаться, - возразил охранник. - А попросить некого.

Оксана про себя выругалась.

- А ты из ванной, - посоветовала она наконец. - Я же заперта, не убегу.

- Ну... ладно, - согласился охранник после короткого раздумья. - Или не, мож, я тебя провожу туда просто?

- Давай так, - согласилась Оксана. Встав сбоку от двери, она подняла «узи».

В замочной скважине провернулся ключ, дверь отворилась, и снаружи донеслось:

- Ну, давай. Оксанка, говорю, иди...

Он шагнул внутрь, не замечая ее. Оксана замерла, палец примерз к спусковому крючку. Убить человека? Колобка, этого вечно жующего, флегматичного, добродушного парня... Да как же, за что?

Но внизу, в подвале, сидит Змееныш, и его убьют, если Оксана не успеет...

Ремень «узи» съехал с плеча. Реакция у Колобка была приличная - но он хорошо относился к Оксане и не заподозрил ее в дурном умысле. Поэтому охранник отреагировал, только когда краем глаза заметил движение сбоку.

Когда Колобок повернулся, угол приклада врезался ему в голову. Охранник охнул, оседая на бок, слепо зашарил руками перед собой. Оксана, прикусив губу, ударила еще раз - по выпуклому гладкому лбу. Колобок завалился на пол, она перешагнула через тело, закрыв дверь, кинулась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, не думая о том, что ее могут услышать.

Слон спускался медленно, держась за перила. Он хорошо помнил Оксану шестилетней девочкой - как катал ее на плечах, угощал конфетами и мороженым, когда приезжал в Киев устраивать судьбу дочери после смерти жены, с которой давно развелся. А теперь тот ребенок вырос в своенравную и капризную девочку. Слона раздражало и смущало Оксанино упорство. Как бы не оказалось, что все всерьез, - что тогда? Не может его дочь жить в Зоне с каким-то мутантом! Слон всю жизнь пахал, зарабатывал - для кого? Ему одному столько денег не надо, все его расходы - дорогие сигары да виски, и то не каждый день. Это по женской части - деньги тратить. Юбки, шляпки, драгоценности, машины, путешествия... вот пусть и наслаждается жизнью, раз отец дает возможность, раз он все это заработал. Нет, Слон не позволит, чтобы его деньги пропали зря! Оксанка будет жить так, как он хочет для нее, - то есть с шиком, роскошно. Ради него, ради отца она должна жить так, как...

Слон остановился: выпивка действовала, сознание помутнело, мысли потеряли четкость. Ведь это, в конце концов, оскорбление родного отца - пренебрегать тем, что он для нее сделал. Ну, Оксанка! Предпочла какого-то мутанта отцу и прекрасному будущему!

Нащупав в полутьме перила, он медленно зашагал дальше. До конца лестницы осталось несколько ступеней, но Слон не прошел их - присел на корточки и обхватил голову руками, уставившись перед собой невидящим взглядом. Такого выбора перед ним не стояло еще никогда в жизни. Он не знал, как поступить.

Змееныш лежал на боку, подогнув ноги и опустив голову, на звук открывшейся двери он не отреагировал, не шевельнулся, не вздрогнул даже. Похолодев, Оксана бросилась к нему, упала рядом на колени, потрясла, перевернула на спину. И разом обмякла, слезы потекли по щекам.

Увидев Оксану, Змееныш сел. Руки были связаны за спиной.

- Не плачь, - сказал он.

Девушка рукавом утерла слезы и постаралась улыбнуться.

- Отец хочет тебя убить, - сказала она, кладя на пол «узи» и помогая Змеенышу подняться. - Давай развяжу... - Она тихо вскрикнула, увидев, как покраснели и распухли стянутые запястья, вытащила из кармана перочинный ножик и стала пилить веревку. - Уходи через ход в моей комнате, скорее, пока Колобок не очнулся. Ты спрячешься в лесу и потом вернешься за мной...

Когда последний обрывок веревки упал на пол, Оксана потянула Змееныша к выходу, но он придержал ее.

- Я не оставлю тебя тут. Я все обдумал. Уйдем вдвоем, я построю дом. Ты поживешь в Зоне, чтобы понять, можешь тут или нет. Понимаешь? Попробуем жить вместе, и если поймешь, что тебе невыносимо в Зоне, я сам отвезу тебя к отцу. Или за Периметр, как захочешь...

- Колобок сейчас очнется, поднимет тревогу, - волновалась Оксана, пытаясь утянуть его к двери. - Пойдем скорей, пожалуйста! Они тебя убьют, они уже все решили...

- Сначала скажи, согласна или нет?

Оксана замолчала, глядя в его серьезное лицо. Волосы были в цементной пыли, на тонких губах запеклась кровь.

- Ты правда хочешь, чтобы мы были вместе? - спросила она.

- Да. А ты? - Девушка кивнула.

- Тогда идем. - Он поднял с пола «узи», крепко взял ее за руку и шагнул к двери.

Оксана потянула Змееныша вверх по лестнице. Подвал, запертый снаружи на массивный засов, никто не охранял - зачем? Пленник связан, но если бы вдруг ему удалось выпутаться, сквозь тяжелую железную дверь он точно не пройдет. А если и сквозь дверь пройдет - мутант ведь, нелюдь, - так на крыше водокачки, вдоль стены, у ворот стоят вооруженные охранники.

Они поднялись быстро, и Змееныш первым скользнул в комнату. Колобок у двери зашевелился, пробормотал что-то, пощупал голову, начал подниматься - удар по затылку бросил его обратно. Оксана показала на закрывающую лаз фанеру. Змееныш кивнул, но, прежде чем отодвинуть столик, вынул из замка ключ и запер дверь изнутри. Оксана убрала фанеру, открыв черную дыру. За окном ночь посерела - близился рассвет.

Спокойно, спокойно, сказал себе Большой Хозяин и тяжело встал, опираясь на перила. Не стоит его убивать, лучше договориться. Заточка прав: убийство мутанта и вправду может подорвать репутацию. Надо полюбовно все решить. Не совсем же они дураки, если молодые? Объяснить, что у них нет будущего, Оксанка, конечно, сразу в слезы, но Змееныш сообразительный, этого не отнимешь, поймет, что девчонке в Зоне не выжить. Может, и сам уйдет. Или действительно завести его подальше, Оксанка тем временем одумается... Да нет, ясно, что не одумается, упертая девка, придется по плану... Черт, о чем он думает? Слон сдавил ладонями виски. Припугнуть Оксану - сама уедет; всерьез у них или нет, а не захочет она, чтобы эту тварь убивали. Вот и весь сказ, и никакой проблемы. Наверно, успокоилась уже и может подумать своей бабской головой...

Лестница закончилась, Слон ступил на площадку и замер. Колобка перед Оксаниной комнатой не было. Слон моргнул, пытаясь сообразить, что это значит. Отошел, что ли, по нужде, скотина... Большой Хозяин толкнул дверь в ванную - не заперта, внутри никого. Тогда Слон налег на дверь в комнату Оксаны, ударил кулаком.

- Открывай!

Раздался шорох, потом стон. Но не женский. Слон отскочил, прыгнул вперед и врезался плечом в дверь. Та выгнулась, но устояла.

- погоди, отпираю! - донесся изнутри слабый голос Колобка. В замке защелкало - он поворачивал ключ.

Как только дверь приоткрылась, Слон схватил телохранителя за горло.

- Я тебя на части разорву!

Колобок захрипел что-то, вцепился в руки хозяина, пытаясь разжать его пальцы. Хозяин оглядел телохранителя: лицо белое, на лбу шишка, - и оттолкнул.

- Оксанка!

Налитыми кровью глазами он обвел комнату. Окно закрыто, постель смята, но не разобрана, из-под покрывала торчит ляпка рюкзака... дочери не было.

- Где она? Опять упустил?! - Слон обернулся к Колобку, сгреб его за ворот. Телохранитель ткнул пальцем в дыру под подоконником.

- Там!

- Это же мой лаз, - нахмурился Слон. - Тайный, специально досками заколачивали... - Он стукнул себя кулаком по лбу: - Сколько лет - я уже и забыл о нем! Зачем она сбежала?! И куда?

Прибежал услышавший шум Заточка. Выглянув у Слона из-за плеча, увидел пролом в стене под окном и спросил:

- А мутант где?

- Вниз! - загремел Слон и первый побежал по лестнице.

Подвал был открыт настежь, из полутемного помещения, освещенного слабой лампочкой, тянуло холодом.

- Оба сбежали! - заревел мгновенно протрезвевший Слон. Обернувшись к Колобку с Заточкой, пихнул обоих в грудь так, что даже крупный Колобок отшатнулся, а помощник и вовсе отлетел, врезавшись спиной в дверной косяк. - Не уследили, уроды! Мутант мою дочь украл! За ними!

Развернувшись, он тяжело побежал во двор. Заточка с перекошенным от злости лицом метнулся следом. Колобок, потоптавшись возле пустого подвала, тоже направился за хозяином.

Когда он очутился снаружи, барак озарился светом, в окна выглядывали заспанные лица, во дворе появились несколько сталкеров. Слон раздавал приказания. Заточка убежал будить тех, кто еще не проснулся.

- Емеля, заводи джип! - командовал Слон. - Игнат, тащи мне снайперку! Мертвый, Коновала зови!

Никто и не вспомнил бы про завтрак, если б всполошенная Варвара не сунула на заднее сиденье корзину с пайками. Маленький сталкер с неподвижным лицом по кличке Мертвый заскочил в джип, который вывел из гаража Емеля, сел на заднее сиденье, сжимая коленями приклад СВД. Рядом устроился Коновал с «калашом» и двумя кобурами на поясе, заглянул в корзинку.

- Люблю охоту! - осклабился он.

К ним забрался Заточка, у порученца тряслись руки, когда он заряжал автомат.

- Давай, давай отсюда! - прикрикнул Слон на Варвару, которая беспомощно цеплялась за дверцу и все норовила спросить что-то. - Окна открой, - велел он Емеле. - Ну что, готовы?

Коновал кивнул, Заточка молча скрипнул зубами, Мертвый не отреагировал - сидел, уставившись в одну точку, за что, собственно, и получил свою кличку. Слон обвел взглядом двор Лесного Дома. Вокруг джипа столпились полусонные сталкеры, возле кухни причитала Варвара. Филин с Игнатом разводили створки ворот.

- Поехали! - велел Слон, щелкая затвором. Взревел двигатель, и джип покатился с холма.

2

Они бежали по заросшей кустами дороге, полого извивавшейся через лес.

- Так быстрее, - сказал Змееныш. - Нам надо дойти до оврага, дальше они не поймают.

Оксана цеплялась за его руку - она начала спотыкаться, дышать стало тяжело, в боку кололо.

- Я устала, - задыхаясь, выдавила она. - Давай... отдохнем...

- Нельзя останавливаться. - Змееныш озабоченно оглянулся. Рассветало, хотя солнце еще не показалось. Лесной Дом давно исчез за кронами деревьев.

У девушки перед глазами все плыло, губы пересохли, но она никак не могла облизнуть их, боясь прикусить язык.

- Еще немного. - Змееныш тянул ее, крепко сжимая за руку. - Скоро будет тропа к оврагу, свернем в лес, тогда передохнем.

Сзади донесся быстро нарастающий шум мотора, Змееныш оглянулся и потащил Оксану к обочине.

- Беги дальше, я догоню!

Девушка встала, опираясь на растущую возле колее березу, пытаясь отдышаться.

- А ты? - спросила она. - Одна я боюсь, вдруг там аномалии?

Змееныш раскрыл висящий на поясе контейнер - Оксана видела, что там лежат артефакты, но не знала, какие именно. Он задумчиво посмотрел на девушку и кивнул.

- Оставайся со мной.

Вытащив из кармана большой лист зеленухи, подсохший у краев, Змееныш обернул им один артефакт, присел на корточки и положил в колею. В соседнюю опустил другой - два уродливых багровых комка, похожих на окаменевшую печень. Шум двигателя приближался, машина взрывалась - дорога была неровная, ухабистая.

- Что ты делаешь? - переводя дух, спросила Оксана.

Змееныш сорвал пучок травы, раскидал поверх артефактов, хотя они и так не очень выделялись на фоне влажной черной земли.

Оксана схватила его за руку:

- Но там же отец! Наверняка он сам поехал!

Змееныш потянул ее дальше:

- Это их не убьет, просто задержит.

Съехав с холма, джип остановился возле развилки, где дорога разделялась: грунтовка, круто заворачивая, уходила на юг, к Периметру и военной части, а на север через лес тянулась другая дорога - не дорога даже, колея в траве.

- Чего встал?! - гаркнул Слон, повернувшись к Емеле.

- Куда ехать-то? - Тот вздрогнул от неожиданного крика над самым ухом.

Заточка выскочил из машины, обежав ее спереди, едва не ткнулся носом в песок.

- В лес, куда же еще этот выродок мог ее потащить? - Слон ткнул Емелю кулаком в плечо. - К оврагу давай, который на границе!

Заточка махнул на лесную дорогу и побежал обратно к машине.

- Туда побежали, свежие следы! - Коновал скептически глянул на него.

- Да тут кто угодно пройти мог, чего им через лес? Это ж ясно как дважды два, что тут проще и быстрее, так чего им туда соваться? Змееныш - хитрый мутант, он решит затаиться, спрятаться. К югу повернул. Помните, У Мазая вроде схрон был в той стороне? Мы ж его так и не нашли...

Заточка захлопнул дверь, Слон, не оглядываясь, бросил через плечо:

- Заткнись, Коновал. У него один шанс - поскорее в глуши скрыться, а овраг ближе всего. - Он толкнул Емелю: - Газуй! Надо их догнать до того, как через бревно перейдут, иначе упустим. Ты понял? Едем до тропы, а там пешком...

Джип затрясся по ухабам, мотор взрывался на подъемах и тархтел в ямах. Колея размыта, недавно прошел дождь, колеса пробуксовывали в грязи.

- Гони, гони! - повторял Слон, вглядываясь вперед. Ярость все еще переполняла его, теперь уже не было никаких сомнений - он убьет Змееныша. И если раньше пришлось бы оправдываться перед сталкерами, то сейчас никакие оправдания не нужны: мутант украл дочку, и Слон вправе сделать с ним все что угодно.

- Дорога плохая, одни рытвины, - бубнил Емеля, однако нажимал на газ и отчаянно выкручивал руль то в одну сторону, то в другую.

- Это ее кроссовки! - высунувшись из окна почти по пояс, крикнул Заточка. - Ее следы!

- А может, и нет, - возразил Коновал.

- Её, говорю! А ты пасть закрой! - Коновал равнодушно пожал плечами.

- Да мне-то что? Ехайте, куда хотите.

Мертвый равнодушно глядел на дорогу, зажав коленями приклад СВД. Слон вполголоса ругался под нос и скалился, лицо его было красным. Они проехали километра два - и тут машина содрогнулась. Сидящие на заднем сиденье воткнулись головами в крышу,

Слон ударился лбом, Емеля ткнулся подбородком в руль. Джип занесло, зад заскользил вбок и выскочил на обочину. Бортом врезавшись в ель, машина остановилась. Дерево жалобно застонало, с кроны посыпались иголки.

- Это что такое?! - заорал Слон на Емелю. - А ну вылазь и посмотри, твою мать! Шевелись!

Но первым выскочил Заточка. Правая передняя дверь погнулась и не открывалась, поэтому Слон вылез через водительскую, когда ошарашенный Емеля выпал на дорогу. Коновал неторопливо выбрался наружу, Мертвый остался сидеть, ожидая приказа.

Слон с Емелей изумленно осмотрели порванные шины на передних колесах.

- Что это, кровосос вас всех раздери?!

- «Кровь камня». - Заточка, стоящий на коленях посреди дороги, поднял два черных комка. - Но какие-то непонятные... модифицированные, что ли? Валялись в колее, мы на них напоролись. Змееныш подстроил, точно.

- Сука! - только и выдохнул Слон. - Запаска есть?

- Одна, - уныло ответил Емеля, почесав в затылке. - Но вроде еще диски погнуты, все равно поменять не выйдет...

- Вот так загогулина. - Коновал подошел к ним, глянул на странные артефакты. - Чё теперь делаем?

- Берем оружием и на своих двоих, резво! - Слон полез в машину за винтовкой. - Мертвый, чё сидишь, как зомби, на выход!

Безразлично кивнув, снайпер выбрался на дорогу, перекинул через голову ремень винтовки.

- Точно здесь свернули? - спросил Слон, когда они уже шли по лесу. Заточка, рысаящий впереди, будто пес, согнувшись, шарил взглядом по земле. Он зачистил, не оглядываясь:

- Получаса не прошло. Мы на джипе хорошо их нагнали, сократили разрыв. Видишь, трава примята, ветки кое-где сломаны? А тут травы нет, след хорошо на мокрой земле виден - это подошва Оксаны Ивановны, я запомнил...

Слон оглянулся, прикрикнул на непривычного к таким марш-броскам Емелю, ковылявшего позади всех:

- Поднажми, скоро нагоним!

- Может, просто спрячемся? - задыхаясь, спросила Оксана, Она едва не плакала. Ноги гудели, каждый вдох давался с трудом. Змееныш почти тащил ее на себе, девушка постоянно спотыкалась. О том, чтобы бежать, теперь не было и речи.

- Найдут, - бросил он, не оглядываясь. - Люди Слона тут каждый куст знают. Надо успеть к оврагу, дальше они не сунутся без снаряжения, а я могу.

Машины давно не было слышно, сзади доносился треск ветвей и отзвуки голосов - преследователи, бросив джип, шли пешком. И они опять догоняли. Если бы не Оксана, Змееныш скрылся бы, но девушка все отставала и отставала. Наконец он остановил ее, повернул к себе лицом.

- Ты очень медленно идешь, - без упрека, просто констатируя факт, сказал Змееныш. - Придется поставить еще ловушку. Кто-то из них обязательно пострадает...

- Папа? - шепотом спросила она.

Подняв руку, Змееныш отвел с ее щеки прядь волос.

- Ты можешь вернуться к отцу, прямо сейчас. Я вижу, тебе тяжело. Они скоро будут здесь, тебя не тронут. А я уйду в Зону и никогда не напому о себе. Через какое-то время ты меня забудешь... - Змееныш слабо улыбнулся.

Оксана стояла молча, глядя себе под ноги. Шум погони нарастал - сквозь треск кустов и веток иногда долетали ругательства Слона.

- Тебе нужно выбрать между отцом и мной. Только времени думать нет, решать надо сейчас. Знаешь, как они меня называют?

Она слабо кивнула.

- Можно сказать, так и есть. Я вроде мутанта. Я иначе живу. Совсем не так, как люди, даже здесь, в Зоне. И если ты...

- Я с тобой, - перебила Оксана дрогнувшим голосом. - Я... Ты не мутант, не чудовище! Ты человечнее их всех... человечнее моего отца. Идем дальше, я справлюсь.

Змееныш заглянул ей в глаза. Отломав пару веток от ближайшего куста, взял Оксану за руку и потянул за собой.

- Здесь рядом болото, там должно быть то, что мне нужно.

Голоса и треск звучали совсем близко. Они побежали. Змееныш прикрыл глаза, видя мир сквозь щелку между веками, сосредоточившись на своих ощущениях. Он чувствовал аномалии - как бледные пятна краски на серой бумаге или крути на воде от брошенного камня. Поблизости их три, но это само по себе ничего не значит, нужно еще найти артефакты...

Вскоре беглецы остановились возле поросшей осокой лужи черной жижи. Над небольшим болотом висел тяжелый дух стоялой воды. Звенели комары. Оксана звонко хлопнула по тыльной стороне ладони, Змееныш протянул ветку - девушка взяла ее, замахала, отгоняя насекомых... И вдруг замерла, осознав, что прямо перед ней начинаются густые заросли «ржавых волос», перемешанных с обычной осокой.

- Это же... - начала она.

- Постой здесь. - Змееныш оттащил ее назад. - Никуда не уходи.

Он прыгнул на кочку, торчащую из воды в двух шагах от полосы «ржавых волос», постоял в раздумье и осторожно шагнул в черную вонючую жижу. Оксана напряженно следила за ним. Немного дальше, на другом берегу водяного окна, лежали два «морских ежа». Она узнала их сразу, старый Игнат, когда-то пострадавший от этого артефакта, много рассказывал о «ежах». У завскладом до сих пор плохо работала левая кисть, а он уверял, что ему повезло, мог вообще без руки остаться. Поэтому Оксана закусил губу, чтобы не вскрикнуть, когда Змееныш аккуратно взял «ежей» и, удерживая перед собой на вытянутых руках, осторожно пошел обратно. Встав на кочку, прикинул расстояние - и прыгнул. «Ржавые волосы» под ним зашевелились, словно почуяли человека. Оксана охнула, но «ежи» не сработали.

Змееныш кивнул ей, чтобы следовала за ним, и зашагал вдоль болота. Шел он небыстро, Оксана нагнала его и наконец заметила, что спутник движется словно во сне - глаза полужакрыты, под ноги не смотрит...

- Эй! - испуганно позвала она. - Что с тобой?

- Ищу аномалию, - отрешенным голосом отозвался он. - Не отвлекай.

Оксане на миг стало страшно. Змееныш ушел в себя, и она почувствовала себя одинокой посреди этого леса. Но тут же треск веток и ругань, стихшие минуту назад, зазвучали вновь: преследовали напали на след и теперь быстро догоняли.

А Оксана все шла рядом со Змеенышем, поглядывая на него, кусая губы. Ей хотелось положить руку ему на плечо, напомнить о погоне, но она боялась нарушить его сосредоточенность. Вдруг Змееныш споткнется, уронит этих «ежей»... Вспомнился рассказ старого Игната, его кривые покалеченные пальцы.

Змееныш вздрогнул, будто очнулся, оглянулся и кивнул ей. Он смотрел осмысленно, но в глазах еще плавало что-то чужое, непонятное.

Звуки погони нарастали. Змееныш побежал, Оксана устремилась следом. Неподалеку раздался голос Слона, отдавшего какой-то приказ, и у девушки перехватило дыхание. Отец убьет Змееныша, как только увидит, - не станет ничего слушать, сразу пристрелит! Она немного передохнула и теперь могла бежать быстрее, но Змееныш двигался легкой трусой. «Ежи» в его руках в любой момент могли сработать, Оксане они казались волосатыми гранатами.

- Вижу! - донеслось сзади, и девушка узнала Заточку. Сердце тяжело бухнуло в груди.

- Быстрее, они совсем близко!

- Не заходи вперед, беги за мной! - крикнул в ответ Змееныш. Оксана сбилась с шага, приотстав, трусила след в след. Они выскочили на поляну, и тут он почему-то свернул: вместо того чтобы пересечь проплешину по прямой, направился вдоль опушки. Оксана, решив срезать, дернулась влево, но Змееныш, словно почувствовав, оглянулся - и девушку

как холодной водой окатило. Мгновенная дрожь прокатилась по телу, оставив пустоту в груди.

- Только за мной! - повторил Змееныш одними губами, отворачиваясь.

Он остановился между деревьями на другом краю поляны.

- Отойди, встань за той большой елью. Не высовывайся, тебя могут случайно ранить.

- А ты? - спросила Оксана.

- Поставлю ловушку. - Змееныш пошел назад. Оксана невольно шагнула за ним, но замерла, увидев, что почти в центре поляны, между невысоких кустов, едва заметно струится воздух.

Хриплый голос отца прозвучал совсем близко, и девушка попятилась. Змееныш, обогнув аномалию, присел на корточки, осторожно положил одного «ежа» в траву. Вытащил из кармана моток вольчей лозы, отрезал от нее два куска, обернул «ежей» - аккуратно, не сжимая, чтобы не сработали. «Лоза» сразу же сморщилась, мягкая синеватая шкурка побледнела от прикосновения к артефакту. Оставив «ежи» лежать неподалеку от аномалии, Змееныш выпрямился, увидел, что Оксана до сих пор не спряталась, и махнул рукой, чтобы она отошла за ель.

Девушка отступила в глубь леса. На другой стороне опушки затрещали ветки, послышался крик: «Вот он!» Змееныш оглянулся. Голос Слона приказал: «Огонь!» Оксана вскрикнула, бросилась вперед. Змееныш дернулся навстречу, раздались выстрелы, вокруг защелкали пули. Оксана зашаталась, будто споткнулась обо что-то - и вдруг начала пятиться, как если бы кто-то другой двигал ее ногами. Она протянула руки, попыталась закричать, но не смогла. Управляемая чужой волей девушка достигла дерева, привалилась спиной к шершавому стволу. Острый запах смолы ударил в нос, Оксана резко вдохнула - и пришла в себя. Сердце колотилось, лицо горело.

Змееныш, отступивший к краю поляны, присел за кустами, скользнул в сторону - и мгновенно пропал из поля зрения, будто растворился в лесном сумраке.

- Куда он делся?! - Из-за деревьев с винтовками наперевес выскочили Коновал и Мертвый.

Оксана заморгала, оглядываясь. Вдруг ее плеча что-то коснулось, девушка вздрогнула, обернулась, едва сдержав крик, - рядом стоял Змееныш и прижимал палец к губам.

- Бежим, - прошептал он. Оксана кивнула, он взял ее за руку и потянул прочь.

- Вон, вижу! - тут же донеслось сзади.

- Оксану не заденьте! - проревел Слон. - Заточка, Коновал, вперед! Мертвый, можешь достать его?!

Оксана задохнулась от страха, ей казалось, что между лопаток шарит лазерный прицел и такая же красная точка ползает по спине Змееныша. Споткнувшись о торчащий из земли корень, девушка взмахнула руками и полетела на землю. В груди екнуло, боль прострелила голень, колено...

С поляны донеслось шипение, частые хлопки, а потом - вопли. Змееныш схватил девушку за плечи, поднял на ноги. Ловушка сработала: из-за топота ног и выстрелов «ежи» активировались и запрыгали по поляне, один угодил в аномалию - та включилась. Это был трамплин, и он разбросал преследователей в разные стороны.

- Папа! - крикнула Оксана.

Поддерживая ее за талию, Змееныш тянул девушку дальше.

- Там слабый трамплин, - прошептал он. - У них только ушибы и царапины. Скоро очнут. Овраг за тем ельником, уже рядом.

- Нога. - Оксана сморщилась, хромая следом. - Идти совсем не могу...

Последние метры он почти нес ее на руках. Девушка обмякла, повисла на Змееныше, с трудом передвигая ноги. От края леса к оврагу тянулся длинный пологий спуск, и когда они пересекали его, мир перед глазами Оксаны качался и плыл.

Бурный весенний ручей струился по дну оврага. Будто намеренно проведенная кем-то граница, он отделял от остальной Зоны подвластную Слону территорию - за оврагом была узкая полоса травы, а дальше стеной стояли деревья. Стволы поросли мхом, зеленые

мохнатые бороды его свешивались с нижних ветвей, между ними колыхалась на ветру паутина.

Змееныш помог Оксане забраться на широкое скользкое бревно. Девушка пошатнулась, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие. Он вскочил, поддержал ее за талию, подталкивая перед собой, пошел следом. Оксана двигалась медленно, стараясь не смотреть вниз. Она сильно хромала, подволакивала раненую ногу, пульсировавшую болью. Голоса вновь раздались сзади, на ходу Змееныш оглянулся - преследователи показались из леса, и впереди всех шел хозяин Лесного Дома.

Слон и Заточка, бегущий в метре позади, одновременно подняли оружие.

- Я сниму его! - кривясь, прошептал Заточка, но хозяин ударил кулаком по стволу так, что порученца качнуло.

- Сам мутанта убью!

Мертвый встал у него за плечом и молча поднял винтовку, страхуя. Коновал передвинул на грудь «калаш». Слон прицелился между лопаток Змееныша. Заточка, что-то бормоча, часто облизываясь, поглядывал то на хозяина, то на беглецов. По низкому серому лбу его текла капля пота.

И такая же стекала по лбу Слона. Она скользнула между седыми бровями, достигла переносицы и поползла к прищуренному глазу.

Вода закручивалась вокруг торчащих из дна черных коряг, по ручью плыли клочья пены, сухая трава, листья. Брызги взлетали высоко вверх. На середине бревна Змееныш вновь оглянулся - и тут нога его поехала по мокрой древесине.

Слон рефлекторно моргнул, стряхивая пот с ресницы, и вдавил спусковой крючок.

Змееныш присел, пытаясь удержать равновесие. Грянул выстрел. Оксана вздрогнула, судорожно вдохнула, вскинула руки. Куртка у основания шеи будто взорвалась, по ткани расплылось темно-красное пятно.

Змееныш вскочил, подхватив девушку, но не удержал - она соскользнула с бревна. Громкий плеск прозвучал для него как гром. Подняв тучу брызг, Оксана упала лицом вниз, течение качнуло тело к берегу. Пенные струи закрутились вокруг ног, полы крутки полоскались, волосы расплылись в потоке, как темные водоросли, и будто стекая с них, по воде потянулась полоса крови. Течение перевернуло тело на бок, потом на спину. Вода залила лицо, невидящие глаза уставились в небо. Змееныш замер, не понимая еще, что произошло. Наклонился, протягивая вниз руки, пытаясь дотянуться до девушки. Течение качало ее тело, Змеенышу показалось, что Оксана шевелится...

Сразу несколько пуль просвистели над головой, но он не мог оторвать взгляда от тела внизу. Пуля впилась в бревно возле ног, Змееныш выпрямился, недоуменно обернулся, увидел людей, бегущих по склону, опять посмотрел на девушку - и вдруг с отчетливой, ужасающей ясностью понял: она мертва.

Преследователи стреляли на ходу, не целясь. Змееныш хрипло вдохнул, сделал по бревну шаг, потом второй. Пуля взрезала ткань на плече, он покачнулся, тут же вторая свистнула ему в ухо: «Спешь!» - и, беспомощно глянув на тело, которое колыхалось в густой траве у берега, он побежал. В два прыжка преодолев бревно, нырнул в глухой темный лес. Пули летели следом, били в стволы, состригали ветви, листья, одна срезала клочок волос с макушки - он ничего не замечал, не слышал выстрелов, он убегал не от пуль, не от людей - от этого тела в воде.

- Он столкнул ее! - Слон резко опустил винтовку. - Оксанка! Мертвый, убей мутанта!!! - Он рванул вниз по склону. Снайпер за спиной прицелился, выстрелил - но Коновал, устремившийся за хозяином, толкнул его, и Мертвый промахнулся. Впервые он проявил эмоции: слегка нахмурившись, прищелкнул языком. Снова прицелился... но беглец уже достиг леса. Поджав губы, Мертвый опустил оружие и скорым шагом двинулся к оврагу.

Слон с Заточкой прыгнули вниз, разбрызгивая воду, перешли ручей. Слон, рыча, подхватил тело дочери.

- Оксана, ты как?! Ты слышишь? Оксана, очнись! - Он встряхнул девушку.

Трясущийся Заточка сжал скрюченными пальцами запястье хозяина, потянул на себя - Слон увидел кровь в воде, увидел разорванную ткань под шеей. Он запрокинул голову к низкому небу, прижал голову дочери к груди и закричал.

Часть вторая. Мутант

Глава восьмая. Большая охота. Сборы

1

Этим днем в баре было людно. Все столики заняты, у стойки толпятся сталкеры, переговариваются вполголоса, а кто и шепотом, поминутно оглядываясь.

Заточка с порога осмотрел зал, выискивая знакомых. Кто-то обернулся; он кивнул одному, другому - и направился в угол, где сидела большая компания.

- Я к вам? - полувопросительно произнес он. Мировой, бывший военный, а ныне командир небольшой сталкерской бригады, сдержанно кивнул.

- Рыжий, освободи гостю место, - велел он.

- А чего я-то? - обиделся конопатый, апельсино-во-рыжий сталкер. Командир бросил на него короткий взгляд - и Рыжий, недовольно ворча, поднялся. Заточка, сняв «калаш», сел, зажал автомат между коленей. Группа Мирового была в сборе - Круча, Кипяток, Теленок, вечно обиженный Рыжий и медлительный увалень Дылда.

- Зачем пожаловал? - спросил Мировой.

Заточка протянул руку Кипятку и Круче, с которыми был знаком. Кипяток порывисто пожал ее, Круча ограничился кивком - Заточка был одной из причин, почему сталкер ушел от Слона, как говорится, не сработались. Лица у Кипятка и человека-скалы были красные, они опять поссорились. Вообще за столом чувствовалось напряжение, Заточка сразу ощутил: минуту назад здесь горячо обсуждали что-то и не сошлись во мнениях.

- Вроде как по делу, - ответил порученец, кивнув бармену. Тот вышел из-за стойки, приблизился к столу. Вид у него был измученный - с утра сталкеры наводнили бар, и все чего-то хотели, хозяин не успевал поворачиваться. Думал было после обеда закрыть заведение - да жадность пересилила. Когда еще такая выручка будет?

- Двести водки, - попросил Заточка. Бармен молча удалился и скоро вернулся с граненым стаканом.

Круча с неприязнью следил за тем, как порученец Слона неторопливо взял стакан, повел носом, скривился, резко выдохнул - и опрокинул в себя водку.

- Чего надо-то? - прогудел он.

Заточка занюхал рукавом и вытер слезившиеся глаза.

- Подожди, дай человеку выпить, - не сводя с гостя взгляда, сказал Мировой.

Заточка, удовлетворенно рыгнув, вдруг произнес:

- Так я же и говорю: большие бабки. За живого или мертвого.

Круча крикнул, Кипяток с Дылдой переглянулись. Рыжий недовольно забормотал себе под нос, а Теленок, самый молодой в группе, заморгал длинными ресницами.

Мировой, положив обе ладони на стол, нагнулся вперед.

- Вся Зона знает. Ты зачем нам сообщаем? Это заказ или так, поболтать зашел?

Порученец обвел их взглядом. Насупившийся Круча отвернулся к окну, остальные жадно смотрели на него, кроме Мирового, который легонько постукивал пальцами по залитой пивом столешнице. Нервничает командир, понял Заточка. Это хороший знак.

- Почему же заказ? - Он откинулся на спинку стула, вытащил из кармана пачку «Беломора». - Желающих получить такие бабки много, а Слону требуется стопудовый результат. Сам знаешь, Змееныша в Зоне многие любят. Если одна группа пойдет, толку не будет.

- Это с чего вдруг? - подскочил Кипяток. - Ты типа сомневаешься в нас? Да мы лучшая бригада в этих местах!

- Много отрядов будут мешать друг другу, - сердито заметил Мировой, против обыкновения не приказывая Кипятку заткнуться.

- Главное, чтобы мутанта добыли, остальное Слона не волнует. - Заточка продул папиросу, прикурил от протянутой Кипятком зажигалки и выпустил клуб дыма. - Но если ты скажешь мне, Мировой, что берешься, так я могу поговорить со Слоном, чтоб имел в виду вашу группу особенно. Информацию вам подкинем, насчет в какую сторону Змееныш убрел, ну и еще чем поможем, если понадобится.

Круча повернулся к остальным.

- Командир, мы ж только что толковали. Нельзя за такое дело браться, людям потом стыдно будет в глаза смотреть.

Не обращая на человека-скалу внимания, Заточка навалился грудью на стол и вперил взгляд в командира.

- Так что, берешься? - Мировой поморщился.

- Мы еще не решили.

- Вы, конечно, можете думать, только времени мало. - Порученец опять затыкнулся, закашлялся, постучал себя по впалой груди. Цепко обежав глазами группу, повторил: - Слоны платят в иностранной валюте, налом. Брать мутанта живым или мертвым. Только если мертвым - доказательства чтоб были.

В дальнем конце зала поднялись из-за столов Кирза и Стопка, пряча глаза, вышли из бара. Старший напарник выглядел неприлично трезвым, даже нос его потерял обычный синеватый оттенок. Посетители проводили парочку внимательными взглядами. Как только двери за ними закрылись, в зале поднялся шум, и почти сразу еще двое сталкеров, никому неизвестных новичков, поспешно покинули бар.

- Конкуренция, - криво усмехнулся Заточка, поднимаясь и перекидывая через голову ремень автомата. - Так что ты бы поторопился с решением, Мировой. Сообщи, если надумаешь.

И тут же из-за соседнего столика поднялся пожилой сталкер, стал пробираться к выходу.

- Куда рванул, Одноглазый? - окликнули его. - Ты ж пиво не допил!

- Пойду гляну, не стащат ли эти двое алкашей мой мотоцикл, - отозвался сталкер, махнув рукой приятелям. - Ща вернусь.

- Да кто его тронет, дурень жадный? - крикнули ему в спину.

- А ты заткнись! - сердито ответил Одноглазый, берясь за ручку.

- Э, стой, ты ж пешком сегодня! - спохватились за столиком, но за пожилым сталкером уже закрылась дверь.

Зона гудела. Молва шла от Кордона до Армейских складов, отражалась эхом, слухи волнами прокатывались по территории отчуждения, круговой рябью расходились вокруг тайных схронов, сталкерских лагерей, баз группировок, баров за Периметром и внутри него. Сталкеры шумели, спорили, ругались, обсуждая новость. Поначалу о ней говорили как о чем-то непроверенном, смутном, но вскоре она подтвердилась. Нет, не вранье, убеждались даже самые отъявленные скептики, - правда, пусть и невероятная. И весть катилась по Зоне, подхватываемая все новыми голосами, теперь ее знали все. Зона гремела: Слоны назначили награду. Сто тысяч за голову Змееныша.

Даже те, кто когда-то восхищался Змеенышем, потихоньку начищали оружие, а большинство собирались не таясь, стараясь успеть первыми. Сто тысяч - огромные деньги.

В лагере неподалеку от Янтара горел уютный костерок, вокруг сидели сталкеры. Ночь была безлунная и тихая, листва еле слышно шуршала на слабом ветерке. Под деревом стояли две палатки, полог одной закрыт - там спали. На растяжках сушились носки. Возле огня из земли торчали две палки, на них надеты ботинки, от которых поднимался легкий парок. Красавчик чистил свой ТТ, Пятка в неровном свете костра штопал куртку. Оба внимательно слушали Ивана Васильевича. Сцепив длинные пальцы, тот рассказывал:

- Девушек-испытуемых, находящихся внутри сканера, попросили оценить привлекательность женских лиц по шкале от одного до восьми баллов. Как только испытуемая выставляла оценку, ей предъявляли мнение «среднестатистической европейской

женщины» о том же самом лице, которое могло совпадать или отличаться от только что сделанной оценки. Оценив двести фотографий, испытуемые удалялись на перерыв. И после этого их неожиданно просили оценить привлекательность лиц повторно. Так вот: почти все испытуемые изменили свое мнение в направлении сближения с мнением большинства - этой самой «среднеевропейской» оценкой. Понимаете? Эксперимент доказывает, что человеческий мозг считает отличие от большинства ошибкой. Конформизм, то есть пассивное принятие господствующего мнения, незаметное для нас самих приспособленчество, заложены в нас природой. - Иван Васильевич благодушно поглядел на молодежь.

- Да разве можно, Иван Васильич, сложный социальный механизм приборами, сканерами измерять? - возразил Пятка.

- Как видишь, можно. Причем этот мозговой механизм является автоматическим.

- Так это только бабы такие покладистые, - встрял Красавчик. - А мы, мужики, запросто можем поперек общественного мнения!

Иван Васильевич улыбнулся задору молодого сталкера.

- Вынужден вас огорчить, это относится ко всем без исключения. Другое дело, что если вы воспитываете в себе нонконформизм, протест, независимое мнение, то тренируете свои нейронные связи на новые реакции...

Неподалеку раздался треск ветвей, сталкеры схватились за оружие - у всех оно лежало под рукой, Красавчик так и вообще не снял с плеча «узи». Только Пятка замер с иголкой в руке и прислушивался, не притрагиваясь к лежащему на коленях «калашу».

Красавчик привстал, всматриваясь.

- Кто там? - Иван Васильевич повернул винтовку в сторону шума.

Из леса снова донесся треск ветвей, затем ругань - и на поляну из кустов вывалились двое, огляделись и пошли к костру.

Красавчик, опустив оружие, поднялся навстречу гостям, а Иван Васильевич держат парочку под прицелом, ожидая, когда они войдут в освещенную зону.

- Ах это вы, - произнес он наконец, убирая оружие. - Какими судьбами?

- А, привет! - Пятка вернулся к прерванному занятию. Красавчик, церемонно пожав вновь прибывшим руки, представился.

- Можно погреться? - жадно глядя на стоящий возле костра котелок с густым супом, спросил Кирза. Красавчик широким жестом пригласил напарников к огню.

- Конечно, угощайтесь.

Иван Васильевич вытащил из кармана очки, протер платком и, не надевая их, изучил сквозь линзы гостей. Стопка протянул дрожащие руки к огню.

- Слыхали новость? - хрипло спросил он. - Вы ж давно в ходке... Короче, Слон объявил охоту на Змееныша. Сто тыщ обещал! - Глаза его алчно поблескивали в свете костра.

Красавчик щедро плеснул супа в две миски, протянул гостям. Кирза, схватив свою, начал жадно хлебать, Стопка же сразу отставил миску, вытащил из-за пазухи фляжку и открутил пробку. Иван Васильевич поморщился, ощутив запах дешевого коньяка.

- Погодь, как это? - Пятка оторвался от штопки. - Кто спятил, ты или Слон? Что значит - охоту объявил? Кто ему такое право дал? Змееныш, он же... да он - талисман Зоны!

Красавчик, задумчиво пропустив прядь волос между пальцами, сел на пенек неподалеку.

- Змееныш - это ведь странный пацан, который от мутантов спасает? - уточнил он. - Что-то я слыхал такое...

- Ты совсем от жизни отстал! - повернулся к нему взволнованный Пятка. - Слыхал он! Да я сам его видел, он у бармена пять крутых артефактов на две коробки патронов и упаковку консервов выменял. Прикинь, да?

- Продешевил, - усмехнулся Красавчик. - А шум-то из-за чего?

- Сто тыщ на дороге не валяются, - прохрипел Стопка, нахлебавшись из фляги. - А парень - мутантово семя, таких в колыбели давить надо...

Иван Васильевич кашлянул, убрал очки, убрал платок, поднял винтовку и выразительным жестом положил на колени.

- Так вы, граждане сталкеры, как я понимаю, на охоту собрались? - каким-то слишком спокойным, гладким голосом осведомился он, в упор глядя на Кирзу.

- Ну ясно, док... - начал Стопка.

Кирза понял быстрее. Пихнув напарника в бок, он быстро вытер губы рукавом и сказал:

- Нет, ты чё, мы и не думали даже. Как можно! Змееныш - талисман Зоны, сами говорите. А нам пора, спасибо за хлеб, за соль. - Долговязый сталкер поднялся, хрустнув суставами.

- Вы ж не доели! - Красавчик заглянул в отставленную Кирзой миску. Пятка сдвинул куртку, показывая лежащий на коленях «калаш».

- Та мы и не голодны особо, спасибочки, было вкусно. - Кирза подобрал с земли рюкзак. - Пора нам, у нас там стрелка забита с этим... да с Цыганом, ага, у ручья, ну, вы знаете... Цыган ждать не любит, так что приятненько вам отдохнуть, всем пока!

- Да мы ж не согрелись даже... - уперся Стопка, но Кирза, схватив напарника за рукав, утащил его в темноту.

Иван Васильевич с сожалением посмотрел ему вслед.

- До чего люди бывают гнилые, - заметил он. - Ведь купились на эти деньги, а Змееныш их от слепой собаки спас, сами рассказывали. Но послушайте, какую новость он сообщил? Неужели Слон действительно взял себе право решать, кого здесь казнить, кого миловать? O tempora! O mores! Куда Зона катится? - печально заключил он.

Пятка почесал пятерней в затылке:

- Нельзя ли как-то предупредить Змееныша? - Бывший доктор развел руками.

- Я и сам подумал - да где его найдешь? У него нет ни места жительства, ни постоянных маршрутов...

- В общем, дело дрянь, - заключил Красавчик, выливая суп из мисок обратно в котелок. После этого сталкеры надолго замолчали - маленькая компания, сидящая вокруг небольшого костерка посреди огромной ночной Зоны.

Цыган, сидя в палатке на раскладном стульчике, крутил ручку настройки радиостанции, выискивал нужную волну и бормотал под нос цыганские ругательства. Эфир наполняли треск и незнакомые голоса. Палатка стояла на краю болота, Цыган жил здесь уже третий день, и ему было скучно. Контейнер на шесть ячеек полон, пора сворачиваться. Консервы заканчиваются, болото обыскано почти все...

Наконец он услышал знакомый голос, который монотонно повторял:

- Корыто, Корыто, прием... Корыто, отзовись... Корыто, прием...

- Э, Круча! - радостно закричал сталкер. - Говорит Цыган, прием. Что в мире творится? В эфире прямо базарный день какой-то!

- Цыган? - Голос Кручи немного оживился. - Ты где, братан? Прием!

- Да возле болота сижу, рыбку ловлю. Шесть штук поймал, скоро домой пойду. Встретимся у Курильщика? Прием.

- Да не, теперь не скоро. - Голос Кручи помрачнел. - Короче, братан, сто тысяч баков за голову Змееныша Слон назначил. Слышишь? Прием.

В волну прорвались помехи, резкий треск раздался в динамике, Цыган потряс головой и опять покрутил настройку.

- Круча, прием, ты где? Але, брателло!

Только помехи и чужие голоса.

- Кара минжа! - Сталкер ударил кулаком по станции, сдернул наушники. - Кто спятил, Круча или Слон? Да за Змееныша вся Зона подпишется!

Но потом он задумался, опустив взгляд на экран ноутбука, где была открыта карта. Хитроумный сканер, три дня назад установленный с риском для жизни посреди болота, транслировал на компьютер аномалии и артефакты с участка приличного радиуса. Какую сумму назвал Круча? Сталкер подтянул к себе рюкзак, лежащий в изголовье спальника, вытащил контейнер, щелкнув фиксаторами, раскрыл крышку. В ячейках находились «батарейка», «грави», «пустышка», «колобок», «мамины бусы». Все это тянуло на неплохую сумму, но до ста тысяч в валюте далековато. Сколько надо пахать, чтобы заработать на артефактах такую кучу зеленых? И еще интересно: с чего вдруг Слон на Змееныша взъялся,

что готов отвалить этикие бабки? Цыган слышал про гибель экспедиции Мазая, но это давняя история, а теперь-то что?

Тревожно запищал зуммер, и на экране ноутбука сменилась картинка - пошел сигнал с датчика движения, установленного у палатки и настроенного на тела крупнее крысы. Кто-то вышел из болота. Цыган схватил винторез, привстав, осторожно поднял полог. Слепая собака, псевдоплоть? Кабаны обычно стаями, да и медленно для кабана движется объект...

Оказалось, там появился человек. Цыган, шагнув из палатки, выпрямился во весь рост, подняв оружие, прицелился. На ловца и зверь идет! От болота тащился, спотыкаясь, низко опустив голову, Змееныш.

Сталкер внимательно разглядывал его в прицел. Парень плелся, не глядя перед собой, слипшиеся темные волосы сосульками свисали на лицо. Цыган и узнал-то его лишь по фигуре - видел пару раз и запомнил стройный, легкий, гибкий, как у зверя, силуэт.

Змееныш брел прямо на Цыгана. Палец на спусковом крючке напрягся. Одежда заляпана грязью и болотной тиной, левая рука безвольно покачивается, правая лежит на прикладе «узи», висящего на груди. Да он как зомби выглядит, совсем неприкаянный какой-то. Цыган поднял голову - нежданный гость подошел совсем близко, смотреть в прицел стало бессмысленно. Змееныш сделал еще несколько шагов, и когда ствол винтореза уткнулся ему в лоб, даже не сделал попытки воспользоваться своим оружием, лишь медленно поднял взгляд.

- Э, приятель, ты совсем никакой, - произнес Цыган. Змееныш смотрел на него безучастно, кажется, не осознавал даже, что перед ним вооруженный человек. Сталкер опустил винторез. Парень стоял неподвижно, глядя сквозь него. Лицо бледное, под глазами круги, губы в крови, на скуле синяк.

Сто тысяч, подумал Цыган. Сто тысяч. Два слова отчетливо прозвучали в голове, будто их произнес хорошо поставленный звучный голос. Это богатство. Можно купить дом где-то в большом мире - в последние месяцы он все чаще задумывался об этом - или отгрохать сталкерский бар у Периметра, организовать в подвале камеры хранения артефактов, комнаты на втором этаже сдавать пришедшим с ходки бродягам Зоны... сто тысяч.

Где он видел такой взгляд? Ведь что-то до боли знакомое... Вдруг ему вспомнился странный сон, приснившийся недавно: из-под земли вырывается вода, затапливая небольшую долину, подбирается к брошенной деревне на ее краю, волны бьют в изгородь, в калитку, забираются под кособокую древнюю скамью, и вот из-под лавки выплывает набитая деньгами сумка, раскрывается - вода вымывает купюры, они колышутся, как сухие осенние листья...

Сто тысяч. Этого хватит на всю жизнь.

- Ладно, иди, - хмуро сказал он. Опустив винторез, отступил в сторону.

Качнувшись, Змееныш сделал шаг, другой, споткнулся и упал на одно колено. Цыган подхватил его под руку, рывком поднял и сказал грубо:

- Иди давай! Скоро тут будет куча народу, и все по твою душу.

Искусанные губы шевельнулись, Змееныш едва заметно кивнул - а может, Цыгану показалось, - и побрел дальше. Сталкер долго смотрел ему вслед, даже после того как парень скрылся в лесу, потом хлопнул себя по лбу:

- Вспомнил!

Такой взгляд - тоскливый, потерянный - был у больной псевдособаки, щенков которой только что передушила псевдоплоть.

2

Люди Мирового были завсегдатаями бара, потому что их схрон находился неподалеку. Как только Заточка покинул заведение, сталкеры, не сговариваясь, поднялись и вышли.

Схрон располагался в подвале школы посреди деревни, брошенной еще после первой аварии на ЧАЭС. От школы остался только кусок стены, а от деревни несколько поросших травой и кустами фундаментов. Кипяток с Рыжим отодвинули присыпанный землей

железный лист, открывая уходящую вниз бетонную лестницу. Мировой вытащил ключ, спустившись, отпер большой висячий замок, толкнул дверь. Сталкеры зашли в подвал, Круча подтащил лист на место, закрыл проход.

- Сто косых наличкой! - воскликнул Кипяток, ладонью ударяя по выключателю. Висящая на шнуре лампочка осветила школьные шкафы, набитые старыми учебниками, переломанные стулья, поеденное молью пионерское знамя в углу. Рыжий и Дылда уселись за стоящие в центре подвала сдвинутые парты, накрытые старыми стенгазетами. Листы ватмана со статьями и картинками были заляпаны жиром и смазкой, усыпаны крошками, кое-где прилипли высохшие колбасные шкурки.

- Не мельтеши. - Мировой перекинул через голову ремень «калаша» и положил автомат на стеллаж возле дверей. Круча тяжело протопал к столу, опустился в кожаное директорское кресло.

- Никто не возьмется за это дело, - прогудел он. - Стыдно людям в глаза смотреть будет.

Молчаливый Дылда наклонился вперед, поразмыслив, медленно заговорил:

- Да эти люди, которым тебе стыдно в глаза смотреть будет... они ж сами первые на деньги...

- Половина Зоны на деньги купится, - заключил Рыжий. - Если не три четверти.

Мировой поморщился:

- Что вы все о деньгах думаете?

- Так а о чем же еще? - удивился Рыжий.

Теленок только хлопал глазами, не решаясь вставить замечание, хотя и его распирало. Он стоял возле тумбочки с бюстом Ленина - красный пионерский галстук украшал того на манер пиратской повязки, закрывая один глаз, вид у вождя мирового пролетариата был оскорбленный и в то же время какой-то очень лихой. Рядом с тумбочкой высились прислоненные к стене доски почета, часть фотографий учителей и отличников изрисовали маркером - работа Кипятка, как и галстук на бюсте.

- Да не в бабках дело! - взвился Кипяток, будто не он только что млел от одного упоминания награды. - Змееныш - мутантово себя, его давно уничтожить надо было! За одно это!

- Да за что же? - Сердитый Круча повернулся к приятелю. - Не виноват он, что в Зоне родился. Я лично не буду на Змееныша охотиться. Вы как хотите, а я сказал.

- Голосуем, - решил Мировой.

- Да ты чё, командир? - удивился Круча. - Ты чё, пойдешь, если они проголосуют?

Мировой одернул пятнистую куртку, стараясь скрыть несвойственное ему смущение.

- Что тебя удивляет? - Он постучал пальцами по столу. - А чем мы вообще тут занимаемся, в Зоне? Деньги зарабатываем. Мы - наемники. Так кто «за»?

- Э-э, командир, - протянул Круча. - Не думал я, что тебя на бабки купить можно. Мы наемники, но не бандиты какие, чтоб на людей охотиться.

- Голосую! - подскочил Кипяток, вытягивая вверх руку, и для верности потряс ею. - Я - за! Это ж не человек, Круча, пойми ты - мутант он. Зверь! Думай, что на кровососа идешь, и всех делов. Да за такие бабки я и человека пришел бы... - Он посмотрел на повернувшиеся к нему лица и поспешно добавил: - Ну, если это свободовец какой. Не люблю этих хиппи, блин.

Дылда поднял ладонь, поддерживая Кипятка, Рыжий, подумав, присоединился. Теленок обвел всех вопросительным взглядом и робко потянул руку вверх.

- Опомнитесь! - Круча поднялся, навис над столом. - Вы что? В зверей превращаетесь? Кто на своих охотится? На людей!

Хлопнув ладонью по столу, Мировой подвел итог голосования:

- Большинство голосов решено подписаться на задание. У нас будет преимущество, если Заточка со Слоном подсобят. Мы давно сработались, вооружение приличное. Осталось получить преимущество в скорости - выходим сейчас же, пока другие только думают. Круча, ты с нами?

Человек-скала, опустив голову, задумался, потом сложил руки на груди и произнес медленно:

- Так я один, выходит? Понятно... Ладно, против всех не пойду, как решили, так и будет. Но деньги не возьму, ясно? Если убьем его - сами будете делить свои сребреники. - Он обвел группу тяжелым взглядом, в котором мелькнуло непонятное выражение. Мировой заметил - но не обратил в тот момент внимания.

- Твое право, - кивнул он. - Кипяток, доставай боеприпасы, Рыжий, отвечаешь за жратву, поход может затянуться. Дылда, Теленок, собираете вещи. Круча, мы с тобой проверяем стволы. Выходим через час.

Машинно-тракторную станцию посреди бывшего колхоза «Завет Ильича» огораживал потрескавшийся бетонный забор. Поверх него шла в три ряда колючая проволока, в углах периметра торчали гнезда часовых. Пока Заточку вели к начальнику лагеря, он с любопытством разглядывал кирпичные и деревянные строения. Сквозь открытую дверь одного барака виднелись ряды двухэтажных железных кроватей - как в казарме.

Штаб располагался в бывшей администрации колхоза, большой бревенчатой избе, стоящей за ржавыми топливными цистернами. Часовой проводил Заточку до крыльца, доложил - и ушел, впусив порученца в избу.

Внутри все было по-спартански: голый стол посередине комнаты, лавка у стены, шкаф с бумагами возле окна, на двери прибита карта Зоны с какими-то пометками. Когда-то тут стояла печь - ее разобрали, на полу остался светлый прямоугольник. Единственная деталь, не вписывающаяся в интерьер, - хозяин помещения, начальник лагеря «Долга» подполковник Петряков.

Подполковник сидел за столом перед разложенной картой и отрывал мухе крылья. Он был жирен и раздражен, наглухо застегнутый воротничок военной формы врезался в складки шеи.

- Садись, - кивнул Петряков и, оттянув воротник, приподнял подбородок. - Чего пришел?

В окно с громким жужжанием билась муха, несколько ее дохлых товарок валялись лапками кверху на подоконнике, рядом лежала мухобойка. С лампочки под потолком спиралью свисала липкая лента.

Заточка поискал глазами, куда бы сесть. Лавка стояла возле стены, далеко от стола.

Поняв затруднение посетителя, Петряков сделал вялое движение, жирные складки колыхнулись под формой, - из-под стола выпал табурет.

- Я от Слона, - сказал Заточка, поднимая табурет и усаживаясь. Он поставил локти на стол, искоса наблюдая за начальником лагеря. Тот опустил взгляд, увидел у себя в руках муху - про которую давно забыл и крылья отдирает ей механически, не отдавая себе в том отчета, - бросил насекомое на пол, сцепил толстые пальцы на брюхе.

- Знаю.

- У хозяина есть предложение к «Долгу».

- Чего же ему надо? - без интереса спросил Петряков.

- Слышали последние новости? - Заточка пошарил по карманам, извлек пачку папирос и зажигалку: - Можно? - Курить он начал совсем недавно.

Петряков раздраженно качнул головой.

- Тебе тут бар, что ли, сталкер? Выкладывай свое предложение и вали нах...! Там и покуришь!

- У Слона есть заказ. - Заточка спрятал курево. - Платит Слон очень хорошо.

Лицо начальника лагеря, и без того красное, начало багроветь.

- Я тебе наемник, что ли? Ты что несешь вообще?!

Но Заточке наплевать было на возмущение должовца. Он наклонился вперед и быстро заговорил:

- Про Змееныша слышал? Про выродка, мутанта? Может, он даже в твой лагерь заходил - артефакты обменять на жратву, патроны...

- Пусть бы только попробовал сунуться в мой лагерь! - оборвал порученца Петряков. Закашлялся и, оттянув воротник, подвигал головой.

- Да ты, может, и не знал, - осклабился Заточка. - Змееныш к высоким чинам не суется, с простым народом общается. Так вот, он сильно ущемил Слона. Поэтому Слон назначает награду за то, чтобы мутанта не стало. И у «Долга» - у тебя - есть хороищий шанс получить эти деньги. Этот лагерь ближе всего, здесь много людей, работать в команде привыкли, у группировки по всей Зоне сеть осведомителей... деньги, считай, у вас в кармане.

Подполковник открыл было рот, закрыл, поразмыслил над чем-то и смерил наглого сталкера взглядом.

- Я не понимаю, чего твой Слон не поделил с мутантом и, если на то пошло, почему его сразу не убили?

- Да какая разница? - пожал плечами Заточка. - Главное - деньги. Сто тысяч. Тебе, лично. Наличными.

В глазах Петрякова впервые проявился какой-то интерес. Подполковник расцепил пальцы и облокотился о стол.

- Группировке не помешают такие деньги, - процедил он. Рука поползла по столу, на шаривая утопленную в доски кнопку. Толстый палец вдавил ее, снаружи донеслась трель, почти сразу же дверь распахнулась, на пороге возник адъютант.

- Капитана Власова ко мне, - приказал начальник лагеря. И когда дверь за адъютантом закрылась, Петряков повторил очень задумчиво: - Группировке не помешают эти деньги.

- Точно, - кивнул Заточка. - Именно что группировке.

Власов оказался костлявым бесцветным человеком с рыбьим взглядом. Он вразвалку прошел к столу, не обращая внимания на порученца, будто его и не было в комнате, остановился перед подполковником.

На пепельно-серых волосах его сидела кепка цвета хаки с нашитой эмблемой «Долга». Капитан стоял расслабленно, одно плечо у него было чуть выше другого.

- Твоему отряду задание, капитан. - Петряков подобрался, в голос прорезалась властность. - Знаешь такого... такую персону по кличке Змееныш?

- Слыхал, - равнодушно отозвался капитан. Заточка поморщился. Власов не показался ему подходящей кандидатурой для выполнения этого задания. Вялый, как снулая рыба, разве такому поймать шустрого Змееныша?

- Так вот, ваше дело - разыскать и уничтожить упомянутый объект. Справитесь?

- Есть небольшое уточнение, - развязно встрял Заточка. - Найдется много желающих это сделать, так что надо успеть первыми. И еще, если хотите получить награду, нужны будут доказательства... голова. Сможете отрезать ему башку и принести? А то...

Порученец замолчал, когда капитан повернулся к нему, будто только сейчас заметил его присутствие. Блеклый взгляд скользнул по Заточке - словно ящерица лизнула липким влажным языком.

- Легко, - произнес Власов.

И Заточку - опытного, много повидавшего Заточку - пробрало. Он вдруг ясно и четко осознал: этому и вправду легко отрезать мальчишке голову. Порученец дернул плечами, неуверенно осклабился и не нашелся что сказать.

- Ты пойдешь с ними? - спросил у него Петряков и перевел взгляд на капитана. - Возьми этого сталкера, пусть расскажет все детали. Куда ушел объект?

- На север, - сказал порученец, поднимаясь.

Капитан, оказавшийся выше Заточки почти на голову, сверху вниз глянул на него.

- Вы должны успеть раньше других, - добавил Петряков. - Так что собирайтесь быстро - и в дорогу.

3

Больше суток он шел не останавливаясь. Он знал, что будет погоня, поэтому уходил все дальше на север, хотя ему было все равно. Змееныш не чувствовал сбитых ног, расцарапанных рук, ломоты в суставах - все затопило равнодушие, которое защищало от боли. Но наконец появилась усталость, идти стало тяжелее, внутренний компас начал сбивать

- миновав ельник, он чуть не вошел в зеленое облако «холодца». Обогнул аномалию - и повалился во влажную от вечерней росы траву. Подняв голову, Змееныш впервые за долгое время огляделся.

Он находился между Янтарем и Дикой территорией. Место относительно тихое, спокойное, можно поискать укрытие и поспать или просто переждать ночь - если не получится заснуть. Он вцепился в траву, подтянул ноги, встал сначала на четвереньки, потом выпрямился во весь рост. Сцепив зубы, пошел дальше. Его тошнило, кружилась голова. Змееныш прижал ладони к вискам, жмурясь, не понимая, что ему теперь делать, как жить. Он уходил от опасности, повинаясь инстинктам, все дальше и дальше, механически переставляя ноги и целиком погрузившись в это движение, лишь бы не думать, не вспоминать...

Позже, когда уже стемнело, кровь пошла носом, ноги подкосились - Змееныш, потеряв сознание, рухнул под кустом бузины, где утром его и нашел Одноглазый.

* * *

На опушку леса между Янтарем и Дикой территорией вышли двое сталкеров-новичков. Звали их Антон и Карась. Первый находился в Зоне совсем недолго и не получил ещё кличку: ничем не отличился, не выделился. И сталкеру не предстояло её получить: земля на другой стороне опушки вспучилась, оползла, обнажая деревянный люк, крышка откинулась, из дыры полез Медведь. Антон вскинул ТТ, Карась поднял «калаш» - но Медведь хрипло взревел, разворачивая в их сторону длинноствольный пулемет, грянул одиночный выстрел - и Антон свалился с дырой в груди.

- Не стреляйте! - завопил испуганный Карась, бросая «калаш» на землю. - Не стреляйте, все отдам!

- А-о-ы! - сказал Медведь, поднимаясь во весь свой огромный рост, вышел из норы, наставив вороненый ствол на новичка.

- Стой, Медведь, - слышался мрачный, загробный голос из-под земли, и следом за звероподобным мародером, имевшим очень подходящую ему кличку, выбрался среднего роста человек, весь в черном, злой, невыспавшийся. - Погодь, сначала поговорим.

Обогнув одетого в меховые шкуры Медведя, не опускавшего оружие, человек в черной одежде - напарники называли его Гробом - приблизился к Карасю и ощупал его пронзительным взглядом.

- Жратва есть? Патроны? - сумрачно спросил он. Карась осторожно протянул ему «калаш», вывернул карманы - два магазина.

- Больше ничего, - пробормотал он. - Мы налегке вышли, торопились очень...

- Кончай его. - Гроб отобрал магазины, повесил на плечо «калаш». Медведь плотоядно ухмыльнулся и поднял пулемет. Карась бухнулся на колени, вскинул руки.

- Подождите, не убивайте! Я вам расскажу кое-что, много денег получите!

- Погодь, Медведь, - велел Гроб, положив руку на ствол оружия.

- Хры-ы!! - зарычал тот по-звериному, однако послушался и стрелять не стал. Огромные мышцы на его плечах и руках подрагивали, перекачивались.

Карась зачастил:

- Слоны объявил награду за голову Змееныша - сто тысяч в валюте, наличными. Тому, кто первым его убьет и Слону доказательство представит или же самого Змееныша притащит. Но Змееныш хитрый, живым вряд ли, а убить можно, он же мутант, то есть человек, но как мутант, так если мы с вами...

Гроб поднял руку.

- Умолкни. - Он задумался, мрачное лицо приобрело совсем уж похоронное выражение, уголки губ уползли вниз. - Змееныш? - повторил он, вспоминая. - Медведь, ты этого персонажа знаешь? Да не этого, а о котором он говорит. Змееныш, Медведь?

- Аргх... хры-ы храу храу, - откликнулся тот.

- Да нет, то другой, - возразил Гроб. Карась услужливо подсказал:

- Змееныш - тот, что спасает сталкеров от мутантов, в Зоне живет, сам навроде мутанта. Артефакты не продает, как все нормальные люди, а так отдает или меняет на соль, консервы, на патроны.

- Корыто! - позвал Гроб, не оборачиваясь.

Под землей что-то заворочалось, оттуда понеслись ругательства, затем из люка выскочил коренастый кривоногий мужичок с намыленным подбородком. Крепкий торс в тельняшке крест-накрест перехватывали патронные ленты, на поясе висели две кобуры и солдатский нож, в одной руке коротышка держал измазанный пеной одноразовый станок.

- Ну, чё надо? Без меня шлепнуть перца не можете? Я вам что, крайний...

- Змееныш - слышал про такого? - оборвал его Гроб. Коротышка заткнулся, почесал в затылке, натужно заводя глаза кверху.

- Да вроде ходила молва, - сказал он.

- Найти сможешь?

- А чего нет, смогу, пожалуй, если за него платят, - согласился Корыто, покосившись на Карася. Тот все еще стоял на коленях. - Совсем зеленый, неужто у него бабки есть клиента заказывать?

- Так, Медведь, кончай его, - сказал Гроб. Здоровяк поднял пулемет и вжал спусковой крючок.

Карась вскинул руки, машинально закрывая голову, и рухнул в траву с пробитой грудью.

- Чего это вы его? - удивился Корыто.

- Собираемся, - велел Гроб. - Шкет наводку дал. За этого Змееныша сто кусков платят.

- Ух, ё! - Корыто рукавом отер пену с подбородка и прыгнул в землянку. Вскоре выскочил обратно, держа в одной руке «калаш», в другой «Грозу». - Я готов! А кто платит-то? Может, лажа?

Гроб наклонился над Карасем, который неподвижными растерянными глазами смотрел в низкое небо Зоны, вырвал из холодеющих пальцев ТТ, обыскал карманы и сунул Медведю еще два рожка.

- Слон платит, - сказал он, поворачиваясь. - Вооружайся, Медведь.

Здоровяк зарычал, подвигал челюстью и с трудом выговорил:

- А-ы... Блин-н... разучился балакать... готовый я! - Он потряс пулеметом.

- Значит, идем, - решил Гроб.

* * *

Одноглазому повезло. Он заметил Змееныша, едва вошел под кроны старой буковой рощи за Янтарем.

- Я ж говорю, - потирая ладони, довольно пробормотал он, - что одним своим лучше вижу, чем вы двумя... Ай!!!

Под правой ногой было что-то мягкое. Одноглазый глянул вниз - ботинок медленно погружался в землю. Да это же «зыбь»! Он и не заметил, как вступил в нее!

Сталкер не успел выдернуть ботинок - аномалия выключилась, серое месиво, в которое превратились трава и земля, застыло, схватилось, как бетон.

Разбуженный отчаянным воплем Змееныш пошевелился, моргая, привстал и осмотрелся. На другой стороне поляны стоял человек и целился в него из АКМ-74. Змееныш вскочил, на миг став прежним - собранным, чутким, готовым в любой момент скрыться в чаще...

Одноглазый заставил себя опустить «калаш».

- Эх, мать твою, «зыбь»! - пробормотал он и крикнул: - Эй, Змееныш! Помоги, я тут застрял!

Змееныш настороженно приблизился, глаза у него были красные со сна, опухшие, движения замедленные - он спал мало и плохо отдохнул. Как только выпрямился - заломило спину и стали ныть мышцы ног.

- Помоги, - протягивая руку, повторил Одноглазый. «Калаш» висел на шее. Другой рукой сталкер осторожно нащупывал в кобуре пистолет. Пусть только приблизится и наклонится...

Змееныш остановился в двух шагах от пожилого сталкера, ближе не стал подходить: какой-то темный, гнилой дух исходил от этого человека, раньше Змееныш ничего такого не ощущал. Хотя нет, когда-то давно, в Лесном Доме... Ну конечно - так разило от Заточки и Слона, когда Змееныш слез по стене водокачки, а они выскочили наружу.

- Я не могу тебе помочь, - хрипло сказал он и закашлялся.

- Э, парень! - забеспокоился Одноглазый. - Так я что, так тут и останусь? - Только сейчас до него дошел ужас ситуации. Даже если убьет Змееныша, все равно останется торчать с ногой в «зыби»! - Ты же Змееныш, ты всех спасаешь! Ты амулет... не, этот... талисман! Так о тебе говорят. Помоги мне!

Одноглазый pokrылся холодным потом, капли поползли по вискам. Шедший от него гнилой дух почти перешибло волнами страха.

- Змееныш! - повторил он свистящим шепотом. - Спаси меня, я не буду тебя убивать, клянусь здоровьем мамы! Только вытащи, слышишь? Хочешь, все оружие отдам? Сделай что-нибудь, ты же мута... феномен! - И наконец нервы пожилого сталкера не выдержали, он заорал в голос: - Спаси меня, твою мать, я застрял!!!

Змееныш побледнел, присел на траву, одной рукой упираясь в землю, другую положил на холодный лоб.

- Я ничего не могу для тебя сделать, - прикрыв глаза, сказал он. - У меня нет сил влиять на аномалию. У тебя есть еда? Я не ел два дня. Если поем, может, что-то получится.

Одноглазый торопливо сбросил рюкзак, расстегнул и откинул клапан, распустил шнур.

- Бери, конечно! Вот тушенка, хлеб, паек открытый, там шоколад остался, - зачастил он.

Спустя минуту сталкер тоскливо наблюдал, как Змееныш вскрыл своим ножом жестяную банку, пальцами подцепил кусок тушенки и отправил в рот, разломал хлеб. Еды жалко - Одноглазый был жаден, над каждой крошкой трясся. Чтоб не видеть, как гадский мутант расправляется с его жратвой, сталкер опустил взгляд на «зыбь». Коварная аномалия была совсем небольшой, притаилась под кустом, незаметная - и, конечно же, Одноглазый в нее вляпался. Не туда смотрел, болван, своим единственным глазом! А было бы у него два - заметил бы!

Сталкер глянул на Змееныша. Тот присел на корточки - хрупкого вида пацан, явно очень уставший. И выражение лица потерянное какое-то. Одноглазый исподтишка нащупал рукоять пистолета, повернувшись к Змеенышу другим боком, чтобы скрыть движение. Вот же несправедливость, и не застрелить, а счастье так близко... Сто штук, сто штук, СТО ШТУК! Но без Змееныша он из «зыби» не выберется, застрял крепко, вон как давит... Одноглазый в отчаянии подергал ногой - и вдруг понял, что не так уж крепко застрял. Прихватило только ботинок, сдавило порядком, конечно, но если вытащить ногу... отпрыгнуть от коварной «зыби»... Он будет свободен!

- Приятного аппетита, - ухмыльнулся Одноглазый, поднимая пистолет и нажимая спусковой крючок.

Пули взрыли землю, взлетели черные комочки. Змееныша не было на прежнем месте.

- Ты где?!! - взревел Одноглазый, рывком высвобождая ногу. В стопе что-то хрустнуло, он не обратил внимания. Развернулся, вытянув руку с пистолетом, поводит стволом из стороны в сторону. Змееныш исчез незаметно и бесшумно, пропала и банка тушенки, осталась только неровно отломанная половина черного хлеба. Хорошо, в рюкзаке еще много хавки, и боеприпасы, и пара артефактов в контейнере на боку, да и денежки в подкладку под карманом вшиты...

- Я с тобой еще разделаюсь! - заорал Одноглазый и несколько раз вдавил спусковой крючок, паля в белый свет.

От грохота и сотрясения воздуха «зыбь» снова включилась, с чмоканьем расширилась и поглотила рюкзак, Одноглазый едва успел отскочить. Ботинок медленно тонул в сером месиве аномалии.

Отряд капитана Власова состоял из шести рядовых и Заточки. Первым на поляну, где лежали тела, вышел Воля, осмотрелся - и двинулся к мертвецам, держа автомат наизготовку.

- Что там? - окликнул его капитан, раздвигая кусты.

- Два жмурика, - невозмутимо произнес Воля, перевернув ногой Карася. - Окоченели уже.

Мироныч - полноватый мужик возрастом под пятьдесят, - подойдя к телам, размашисто перекрестился.

- Пусть земля им будет пухом, - сказал он.

- Это вряд ли, - отозвался Воля. - Куда дальше, капитан?

- Жмурики, а не жмурятся, - сострил Шустрый, маленький щуплый подрывник с круглой лысиной в окружении густых черных волос. Он любил пошутить, что это у него аномальная лысина, которая становится чуть больше с каждым выбросом. На поясе Шустрого висели тротилловые шашки, обвязанные запальным шнуром, на груди болтался «калаш», пистолета не было.

Петля с Кабаном выбрались из леса, отряхивая со штанов обрывки «ржавых волос» - за их спинами рухнуло подгнившее дерево, увитое аномальным растением, идущих сзади зацепило, впрочем, никто не пострадал.

- Не смешно, - сказал Петля. Он был жилистый, со скупыми, выверенными движениями, без рюкзака, лишь в разгрузочном жилете.

- Да у тебя чувство юмора, как у псевдогиганта, - хохотнул Шустрый.

Заточка подошел к телам вместе с капитаном. Власов бесцветными глазами разглядывал мертвецов и опушку.

- Стреляли метров с двух, - сказал он, нагнулся, достал нож и равнодушно поковырялся в ране на груди Антона. - Крупный калибр. Эти двое могли наткнуться на объект?

Заточку очень раздражала эта манера капитана не смотреть на собеседника. Правда, вспомнив взгляд Власова, порученец подумал, что, может, оно и к лучшему.

- Нет, у мутанта «узи». Это просто... - он пожевал губами, вспоминая подходящее слово, - конкуренция ожесточается.

Власов обратил рыбы глаза к Заточке, с едва заметным раздражением сказал:

- У меня приказ быть первым.

И повернулся к Ваньку, который, тихо выйдя из леса, остановился у капитана за спиной:

- Свяжись с Лапшой, пусть скажет, что слышно о передвижении объекта. Надо скорректировать маршрут.

Ванёк Кастет перекинул через голову ремень «калаша», поставил на землю рюкзак, открыл - там была компактная радиостанция.

- Если будет связь, - сказал он, включая аппарат.

- Она будет, - равнодушно бросил капитан.

И Заточка понял, что связь будет, даже если станция откажет или все радиоволны вдруг исчезнут из земной атмосферы. Если Власов приказал... Ох и мужик! Заточка и сам был человеком недобрым, сочувствием да жалостью к людям не страдал, и убивать ему в жизни доводилось не только мутантов да всякое зверье, но он вдруг ощутил себя в сравнении с Власовым школьницей-второклашкой с белым бантом в волосах. Ну и подонок, язвить его в душу. Порученец криво ухмыльнулся. Тем лучше для дела. Этот точно найдет Змееныша быстрее всех и сам голову ему откусит. Именно откусит - разинет пасть, как хищная щука, глотающая мелкую беспечную рыбешку, проплывающую мимо, да и хапнет.

- Прием, прием... - бормотал Ванёк. Шустрый уже исследовал поляну, Кабан - мощный великан, легко несущий громоздкий «Печенег», - с Волей и Миронычем усадились на холмик земли посреди поляны. Последние двое закурили.

- Ага, есть, - пробормотал наконец Кастет. Капитан встал над ним, сцепив руки за спиной.

- Что там?

Заточка подобрался, прислушиваясь, поправил лямки рюкзака. Давно он не ходил в Зону! Поход оказался утомительным, но порученец не замечал трудностей. Усталость, мозоли, ломота в плечах и спине - все это мелочи жизни, не стоящие внимания, по сравнению с возможностью вонзить нож в горло Змееныша.

- Лапша сообщает, что говорил с корешом своим, Цыганом. Тот видел Змееныша к востоку от Янтаря, за болотом.

- И не убил? - вяло удивился капитан.

- Пощадил. - Ванёк развел руками. - Лапша тоже удивлен был, но, говорит, Цыган такой... широкая душа.

Власов повернулся к Заточке.

- Идем правильно. Полдня на север - и мы там.

- Только его там уже не будет, - проворчал порученец.

- Значит, надо двигаться быстрее, чтобы догнать.

- Как-то далеко он ушел, - заметил Шустрый и хохотнул: - Чё он, двужильный? Совсем не спит?

- И мы не будем спать, если надо, - отрезан Власов.

Глава девятая. Большая охота. Травля

1

Слух разошелся быстро, как лесной пожар: Змееныш идет на север, в глубь Зоны. Теперь все знали, где его искать.

Но у Кирзы со Стопкой было преимущество, они вышли в путь первыми. Не успели снарядиться как следует - зато раньше прочих пустились по следу. Говорят, Цыган видел Змееныша возле болота у Янтаря, значит, теперь мутант прошел мимо Дикой территории, и если не свернул... а чего ему сворачивать?

Тогда дорога у него лишь одна.

Стопка многозначительно кивнул напарнику, и они вошли в рощу, за которой тянулся канал.

- Ему придется пройти по мосту, - сказал Стопка. - Он мутант, но не рыба же.

- Никуда не денется, - подтвердил Кирза.

- Засядем там. - Стопка потер потеющие ладони. Нос у него покраснелся - сталкер успел пару раз приложиться к фляжке. Осиновая роща шелестела листьями, в пролеске собирались тени - солнце клонилось к закату.

- Не, не засядем, - вдруг упавшим голосом сказал Кирза, покачивая винтовкой.

- Чего это? - удивился напарник. - Возле моста будка есть, то есть развалины уже, там и заныкаемся, мимо не пройдет. Да вон же видно их, глянь...

Стопка махнул рукой туда, где за редкими деревьями показался полуразрушенный плоский мост... и заткнулся. На остатках осыпавшейся бетонной тумбы возле будки сидел спиной к ним Змееныш.

- Вот свезло так свезло, - пробормотан Стопка, схватившись за «калаш». - А, Кирзеночек? Ты чё бледный такой? Мы его нашли!

- Да тихо ты, - шикнул на него напарник. - Забыл, какой у него слух?

Передвинув оружие на грудь, они прокрались между деревьями к кустам на краю рощи. Дальше начиналось открытое пространство, ограниченное с другой стороны бетонным скосом. Мост - просто длинная плита, концами лежащая на берегах канала. В середине она осыпалась, остались лишь несколько ржавых арматурных прутьев, протянувшихся над грязной радиоактивной водой.

- Говорят, он людей и мутантов чует этим... шестым чувством, - сказал Стопка.

- Не пойдем ближе, - решил Кирза.

- Хотя врут небось. - Стопка поднял «калаш» и тут обнаружил, что руки у него трясутся сильнее обычного. После нескольких попыток прицелиться сталкер опустил ствол.

- Стреляй ты. - Кирза вздрогнул.

- Ты чего? Сам стреляй. - В отличие от Стопки, он еще не забыл, кто спас их от слепой собаки.

- Нет, ты стреляй, не могу я.

Растопырив пальцы, Стопка сунул под нос напарнику дрожащую руку. Кирза заморгал.

- Сто тыщ, - напомнил ему напарник.

- Ну, блин... Тогда дай выпить.

- Да ты чё, ты же завязал? - Кирза уперся:

- Вытаскивай свое пойло или сам стреляй!

- Да у меня и нету, - соврал Стопка. Коньяка ему было жалко даже для напарника. Захватил бы из бара побольше водяры - да за ради бога, хоть весь пузырь пусть хлебает. А коньяк из фляжки пьяница сам пил, не бог весть какой коньяк, но Стопка его берег.

- Жлоб ты. Я ж видел, ты у Бармена перед выходом наполнил канистру свою, - сказал Кирза брюзгливо.

Стопка нехотя вытащил из-за пазухи любимую фляжку, пригретую у живота, протянул.

- Три глотка! - предупредил он.

Кирза отвинтил пробку и припал к горлышку. Стопка осторожно развел ветви акации, разглядывая беглеца. Змееныш сидел в той же позе, ссутулившись, поставив локти на колени, и глядел на воду. А чего на ту воду пялиться? В канале она мутная, зеленоватая, ряска всякая плавает, да еще мусор, трупы - короче, не на что там смотреть.

Кирза вернул фляжку. Стопка не глядя взял - и поднял глаза на напарника, ощутив, насколько легче та стала.

- Блин, да ты чё?! - пробормотал он. - Ты ж больше половины вылакал!

Напарник, не слушая, глубоко вдохнул, вытер губы тыльной стороной ладони и вдруг привалился плечом к дереву.

- Кирза, - позвал Стопка. Тот махнул рукой, сплюнул, потер ладонями покрасневшие щеки и поднял винтовку. Глаза Кирзы пьяно заблестели. Он выпрямился, расставил ноги, упер приклад в плечо, прицелился и нажал спусковой крючок. Прогремел выстрел.

- Ага! - Сжав пальцы в кулак, Стопка радостно взмахнул рукой, но тут же изумленно выкрикнул: - Не попал!

Пуля пронеслась возле уха Змееныша, тот обернулся. Замершим в кустах сталкером показалось, будто сердце в груди, ёкнув, провалилось куда-то в брюхо.

- Дави гада! - заорал Стопка, выскакивая на опушку перед мостом с автоматом наперевес. Кирза, замешкавшись, побежал за ним.

Выстрелить не успел ни тот, ни другой. Змееныш выпрямился на бетонной тумбе, развернулся, глаза его раздраженно сверкнули - и сталкеров накрыло темной волной. Поток гнева толкнул их в грудь, повалил. Стопка рухнул на спину, выпучив глаза и выкатив язык, рядом боком упал Кирза, стал кататься по траве, обхватив голову.

- Уйдет, уйдет, гад! - хрипел Стопка. Преодолевая дрожь в ногах, он кое-как встал, покачиваясь, и увидел уходящую по мосту тонкую фигуру. Змееныш шел, раскинув руки, балансируя на арматуре, соединяющей целые части моста. Он был уже далеко. Стопка открыл огонь, пули зазвенели по железу, глухо застучали по бетону, а Змееныш соскочил с ржавой балки, сделал несколько быстрых шагов - и исчез в кустах по ту сторону канала.

- Алкоголик! - взревел Стопка и ногой заехал по ребрам все еще не пришедшего в себя Кирзы. - Ну, пьянь подзаборная! Промазал!

Уже второй раз Змееныша пытались убить. Уходя все дальше на север, беглец чувствовал, как опутывает его душная сеть преследования. Он еще толком не понимал, что происходит, ощущал погоню на бессознательном уровне. Фон Зоны изменился. В серо-желтом, как старая бумага, ментальном пространстве проявились лиловые пузыри: следующие за ним сознания с жаждой убийства.

Змееныш пока не мог разобраться, что случилось, почему все поменялось. Ведь раньше люди были настроены благожелательно или равнодушно, пузыри их сознаний, которые он не

видел глазами, но ощущал в виде психических сгустков, имели бежевый, грязно-белый или - у глупцов и пьяниц - нежно-розовый оттенок. Он помогал им, они помогали ему... Раньше Зона была расцвечена теплыми цветами, Змееныш купался в них, как в летнем озере.

А теперь ему было холодно, неуютно, словно посреди промозглого ноября он провалился по пояс в болото. Зона колола его чужими взглядами, каждый куст, который раньше был убежищем, стал опасностью - везде мог притаиться охотник. И Змееныш, не отдавая себе отчета в том, почему так поступает, уходил все дальше, туда, где почти не было людей.

Теперь он двигался по ночам, огибая лагерь, сталкерские костры и даже заброшенные поселки, где любили рыскать бродяги Зоны. Он пробирался самыми глухими уголками леса, самыми укромными, звериными тропами.

Стояла ночь, облака скрыли луну и звезды, но Змееныш шел, ориентируясь чутьем. Его вели тени, движение воздуха, запахи, едва слышные шорохи - и блеклые пузыри, плавающие в ментальном пространстве. Вот всхрипнула невдалеке псевдоплоть, выходя на охоту, прошелестела листва над головой, а справа за кустами послышалось сопение кабанов - стоя на лежке. Змеенышу захотелось прилечь между кабанами, прижаться к теплему боку крупной самки, как он иногда делал, и заснуть, забыться под защитой стаи - но он шел дальше. Этот красный клубок - молодая жарка, от которой надо держаться подальше, а ядовито-зеленая лужа - не менее опасный холодец...

Бандиты попали сюда благодаря Медведю. Они и не догадывались, что сквозь этот бурелом можно пробраться, да еще в темноте. Однако великан, обладающий звериным чутьем, безошибочно вел их через непролазную чащу, находя тропки и дыры, которых обычный человек не способен заметить. Гроб и Корыто ободрались, проголодались, но упорно шли за Медведем, придерживая оружие. Гроб, поблескивая злыми глазами, молча срезал ветви тесаком, а Корыто хриплым шепотом ругался:

- Медведь, ты куда нас завел? Чтоб он сдох, этот Змееныш, и та баба, которая его родила! Хотя говорят, она и так давно сдохла, так ей и надо!

В обычном лесу упавшие деревья встречаются чаще или реже, но здесь были целые завалы - в основном из огромных старых елей, не выдержавших бури. Уже давно бандиты не видели землю - везде почерневшие влажные стволы, смятые ветви, ковер гниющей листвы, ночью казавшейся черной.

- Тихо! - прошипел Гроб, локтем врезав Корыту под дых. Тот, сплюнув, заткнулся. Медведь замер на груди поваленных деревьев, через которые как раз пробирался.

- Ы-а... там! - негромко выдохнул он.

- Что, Медведь? - едва слышно окликнул его Гроб.

- Чую. - Звероподобный бандит издал низкое горловое рычание. - Эта... дичь!

- Ну, чего застряли? - Корыто уселся на верхний ствол, хрустнув сучком. Было темно, лунный свет иногда проникал сквозь тучи, но застревал в густой листве над головой.

- Тс-с! - Гроб потянул из кобуры пистолет. - Медведь почуял что-то.

Ругнувшись, Корыто потянул из-за спины автомат.

- Наверно, опять водяную крысу унюхал, - брюзгливо пробормотал он. - Знаю я его вкусы.

Медведь застыл на груди стволов, вглядываясь в темноту и принюхиваясь. Ноздри его подрагивали. Далеко справа в подлеске слабо светилась жарка. Медленно-медленно Медведь потянул из чехла на спине дробовик.

Змееныш слишком глубоко ушел в себя, ночью он не ждал нападения, впереди был непролазный бурелом, к тому же бандиты почти не излучали кровожадных эмоций - это были привычные к убийству люди, спокойно делающие свою работу. Немного фонил Корыто - но жаждой денег, а это не опасно.

Поэтому выстрел из дробовика прогремел в безлюдном лесу, как труба архангела Гавриила. Змееныш повалился в мелкое болотце, посреди которого стоял, и пополз. Сверху загрохотали выстрелы - Гроб и Корыто стреляли туда же, куда и Медведь. По лицу тонкими струйками текла кровь, дробь ободрала правую щеку и висок, горело раненое плечо.

Выстрелы прекратились, и Змееныш замер в затхлой воде. Над буреломом повисла мертвая тишина. Он не шевелился, любое движение в воде - это плеск, его услышат; нападавшие также застыли. Беглец очень слабо чувствовал их, он не мог ни атаковать, ни уйти. «Узи» висел за спиной, если он попытается достать оружие, эти трое откроют огонь на звук.

Никогда раньше Змееныш не убивал людей: став причиной смерти отряда Мазая, он решил оберегать жизнь других и с тех пор всегда следовал своему решению.

А теперь на него охотятся. Наверное, Слон натравил сталкеров. Змееныш понял это недавно и стремился быстрее уйти в глубь Зоны - чтобы не пришлось отбиваться. Он все еще не хотел убивать.

Но сейчас на него накатило раздражение. Сначала Одноглазый, потом Кирза со Стопкой, теперь эти трое... Что потом - на него будут охотиться, как на зверя, устроят облаву? Не поднимая головы, Змееныш осторожно завел руку за спину, потянул «узи» - и целый дождь пуль обрушился вокруг.

Это были спецы, они примерно знали, где залег беглец, и собирались убить его во что бы то ни стало. От них не отвяжешься так просто. Когда выстрелы смолкли - бандиты берегли патроны, - Змееныш услышат шорох, скрип стволов, тихий треск... двое поползли, окружая его. Стоило ему шевельнуться - пули вспороли воду вокруг.

Он зажмурился, понимая, что иного выхода нет. Стараясь не терять ползущих людей и того, кто прикрывал их, Змееныш потянулся сознанием к спящим кабанам.

А те двое почти выбрались из бурелома, еще немного - и достигнут болотца, где он лежит. Змееныша и бандитов разделяла теперь лишь поросль молодых осинков.

Стая на лежке казалась отсюда горсткой тлеющих углей. Змееныш коснулся сознания вожака, задел остальных, раздувая угли, ощутил, как недовольно заворочались мутанты. До того сквозь сон они слышали выстрелы, но - слишком далеко, чтобы вскочить. А теперь огоньки их сознаний налились алым свечением, кабаны стали подниматься, всхрапывали, не понимая, почему они проснулись, кто их побеспокоил, на кого направить гнев.

Слева, метрах в десяти, треснула ветка, почти одновременно справа чавкнула болотная жижа. Змееныш мысленно дохнул на колеблющийся огонек сознания вожака - и гнев того полыхнул, будто в костер плеснули бензина.

Трое бандитов вскинули оружие, когда слышали впереди топот и треск ветвей. Разбуженные мутанты в ярости ломались сквозь лес, раздирая кусты, топча поваленные стволы. И бежали они сюда. Люди открыли огонь в четыре ствола - Кoryто стрелял с обеих рук.

Змееныш оказался между кабаном и наемниками. Мутанты мчались к болоту, чтобы растоптать того, кто нарушил их покой. Змееныш пополз с линии огня, вжимаясь в жижу, не забывая подхлестывать ярость кабанов. И вдруг ощутил новые сигналы: услышав топот стаи, вокруг просыпались другие мутанты. Псевдоплоть, устроившаяся в корнях поваленного дерева... Небольшая стая псевдособак, спящих посреди полянки... Вскочив, они помчались следом не разбирая дороги, испугавшись, как при выбросе.

- Что такое?! - крикнул Кoryто, выхватывая из кобуры пистолет. - Это гон, что ли?!

Гроб молча стрелял. Медведь, стоявший впереди, попятился, вдруг бросил дробовик, развернулся и побежал.

Его смяли первым. Змееныш едва успел, выдрав ноги из чавкающей грязи, запрыгнуть на ближайшее дерево, когда волна мутантов вынеслась из чащи. Болотную жижу взбили десятки ног и лап - кабаны, псевдопсы, крысы, плоть живым тараном врезались в бурелом. Змееныш разглядел огромного косматого человека, которого мутанты подмяли; забравшись повыше, прижался к стволу и обхватил его руками. Дерево содрогалось, шелестя кроной, на ветках трепетала листва.

- Врешь, не возьмешь!!! - орал вконец ошалевший Кoryто, стреляя из пистолета и орудуя ножом. Огромный кабан сбил его мощным толчком в грудь, отбросил, Кoryто ударился затылком о дерево, но не сдался - отшвырнув бесполезный пистолет, вонзил два ножа в брюхо и бок мутанта.

Гроб отбивался от повалившей его псевдоплоти. Он выпустил ей в грудь пять пуль, плоть навалилась на него, яростно хрипя, из разверстой пасти на лицо клочьями падала пена. Бандит извивался, пытаясь выбраться из-под мутанта, а псевдоплоть беспорядочно щелкала клешнями, ничего уже не соображая. Гроб взвыл, когда мутант раскромсал ему плечо.

И тут же на грудь вскочил кабан. Хрустнули ребра, бандит выгнулся, разинув рот в немом крике, - и умер через мгновение.

Корыту повезло меньше. Гон закончился, мутанты разбежались, кто-то еще дергался, застряв в буреломе. Змееныш соскользнул с дерева и неслышно исчез в чаще. А Корыто все хрипел, пытаясь подняться, кровь из разодранного лба заливала глаза, в ушах шумело.

- Выходи! - хрипел он и надсадно кашлял, плюясь красными брызгами. - Кто на меня, а?!

Его никто не трогал, никого не осталось возле осинової рощицы, потревоженное болотце успокаивалась, рябь улеглась, жижа застыла. Тучи разошлись, выглянула луна, свет отразился в неподвижной глянцевой-черной глади.

Корыто умирал долго. Клыки кабана распороли живот, когти псевдопса взрезали грудь - бандит валялся у болота, раскинув руки, тело уже холодело, а полные муки глаза еще смотрели в светлеющее небо.

2

Ворон, Чубатый, Хрен и Гоха, услышав про облаву, не мешкали ни секунды. Забыв про хабар, на который надеялись в этой ходке, они свернули от Армейских складов к западу, миновали Дикие территории.

- Шумят, что Змееныш идет к северу, - пыхтел Чубатый довольно. Его огромный рюкзак стучал по пояснице при каждом шаге - шли быстро. Большой темный чуб закрывал левый глаз сталкера. - А мы, выходит, наперерез ему...

- Значицца, так выходит, - соглашался Ворон. Почему его так называли - никто уже и не помнил. Был он светлой масти, почти пепельный блондин, и ни во внешности, ни в одежде не имелось ничего мрачного, зловещего, да хотя бы даже черного - обычная защитной окраски куртка, брезентовые штаны и рыжие ботинки с высокими берцами.

- Слышь, парни, - низкорослый коротконогий Гоха едва поспевал за остальными. - Слышь, а как мы его поймем-то? Вдруг он куда свернул или там засел в засаде, или в схроне где остался, или вообще обратно пошел? Ворон, ты почему думаешь, что Змееныш нас именно там ждать будет, куда ты указал?

Хрен хлопнул Гоху по бритому кумполу.

- Ты не только сам мелкий, у тебя и мозги мелкие, - приятным баритоном сказал он. - Командира слушать надо было.

- Ах ты хрен моржовый! - взвился Гоха. - Да я тя счас в труху покрошу!

Хрен лишь ухмыльнулся в ответ.

- Тихо! - прикрикнул Ворон. - Для тупых и для Гохи в третий раз повторяю: слышали, как стреляли ночью в чаще за Янтарем, наутро патруль из лагеря научных нашел там трех мертвых бандитов. Мутанты их потоптали. Усек?

- Так чего решили, что это он? - не врубался Гоха, почти бегом догоняя товарищей. Длинноногие напарники шли быстро, торопясь наперерез ста тысячам иностранных валютных единиц.

Хрен опять ухмыльнулся.

- Не, Ворон, ну скажи, мат мозг у человека? Не томи приятеля, поясни, а то мысль у Гохи больше мозга - не помещается в голове, вот и сообразить не может.

- Ну, блин, я таки счас тебя урою! - подпрыгнул Гоха.

- Да тихо вы! - опять прикрикнул Ворон. Он привык к постоянным перепалкам напарников и реагировал так, для порядка. - Гоха, что тебе неясно?

- Так, может, бандиты под гон попали? - Гоха уже начинал задыхаться.

Хрен заржал, к нему присоединился Чубатый. Ворон вздохнул.

- Выброса-то не было, Гоха, откуда гон? Неоткуда ему взяться. Мутантов поднял Змееныш. Он с ними дружит, вот они по дружбе и затоптали для него тех бандитов. Видать, хотели бандиты его пристрелить и наши денежки заграбастать, а оно вон как вышло...

Некоторое время сталкеры молча шли вдоль огороженных старых складов. Поверх забора протянулась колючая проволока, давно проржавевшая, за ним торчали крыши строений. В одном месте бетонный блок раскрошился, и сквозь решетку арматуры виднелась ветка старой узкоколейки.

Гоха все никак не мог поймать ускользающую мысль, но наконец поймал и озабочился:

- Э, а на нас он мутантов не пустит? - Напарникам не приходило это в голову, и они дружно возмутились.

- Дурак ты, Гоха! Нас же четверо, и все при стволах, балда.

- Ну так и что... - начал Гоха и замолчал, когда слева между холмами показывая заброшенный завод.

- Немного осталось, - заметил Чубатый.

- Вперед! - поддержал его Хрен.

- Давайте чуток передохнем, - взмолился Гоха. - Я вам не паровоз так мчаться.

Ворон переглянулся с Хреном и смиловился:

- Лады, десять минут перекур.

Гоха, скинув рюкзак, сел в траву, прислонился спиной к дереву и вытянул гудящие ноги.

- Ох, устал. Ну вы кони! Так бежать...

Хрен засмеялся, присаживаясь рядом. Чубатый рюкзак снял, но садиться не стал - прикурил сигарету и, повернувшись к компании спиной, уставился на ограждающую завод бетонную стену. Ворон расставил ноги, наклонившись, уперся ладонями в колени, начал глубоко и ровно дышать, считая на выдохе: два... четыре...

Придя в себя, Гоха покрутил головой.

- Слушайте, одного не пойму: зачем вообще на Змееныша охотиться? Он же, говорят, талисман Зоны. Удачу приносит стажерам. И от мутантов их спасает. А?

Хмыкнул Хрен, остальные просто посмотрели на товарища.

- Эх, Гоха, - сказал наконец Чубатый. - И как тебя еще псевдоплоть не съела?

- А чё я такого скажат? - обиделся маленький сталкер.

- Да тебе и говорить не надо, и так видно, что дурак, - не выдержал Хрен.

- Погодь, дай разъясню, - остановил его Ворон. - Гоха, мы вообще-то при оружии, от мутантов сами спасемся. Тебя Змееныш спасал хоть раз? Нет? Вот и меня тоже. И Хрена, и Чубатого. А столько бабок за всю жизнь не увидим, если одними артефактами промышлять будем. Мы ж обычные сталкеры, не Слон, который может за чью-то голову сто кусков отвалить. Сечешь? Это ведь шанс, который ваше один-единственный раз в жизни бывает. Другого такого случая у тебя не будет ни-ког-да, - раздельно закончил он. И добавил: - Подъем!

Бодрой рысью они пустились между холмами дальше. Тропа упиралась в дорогу, за которой высилась ободранная стена, когда-то крашенная казенной желтой краской. Теперь краска облупилась, местами слезла совсем, местами еще висела неряшливыми хлопьями. Вдоль стены росли акация и шиповник, среди листьев виднелись красные ягоды.

Из-за угла завода вывернул отряд - человек шесть-восемь. Сталкеры уже вышли на дорогу, отряд оказался за спиной - они бы и не заметили, может, да их окликнули.

- Кто?! - Ворон резко обернулся, вскидывая «калаш». Чубатый с Гохой и Хреном последовали его примеру. Отряд быстро приближался по дороге, шелестя травой и кустами, проросшими из трещин в асфальте.

- Освободи дорогу! - опять крикнул Заточка, шедший впереди вместе с Волей. Оба держали сталкеров под прицелом.

- Долговцы, - сказал Чубатый, поправляя лямки своего огромного рюкзака.

- Вижу, - огрызнулся Ворон. - С каких пор они тут распоряжаются? Это не их территория!

Хрен пожал плечами, осторожно расстегивая кобуру. Отряд группировки не выглядел миролюбиво, хотя явной агрессии не выказывал.

- Чего им надо? - пробормотал он.

- Не нравится мне этот, с рыбьими глазами, - поежился Гоха.

- Дорога одна на всех! - крикнул Ворон в ответ. Заточка переглянулся с капитаном Власовым, который, выйдя вперед, поравнялся с Волей.

- Соперники, - прошипел порученец. - Конкуренты, обогнать хотят!

Власов, не изменившись в лице, достал пистолет.

- Куда идете, кто такие? - крикнул Заточка. Между ними и сталкерами осталось метров пятнадцать.

- Тебе какое дело? - откликнулся Ворон. - Мы свободные бродяги, куда хотим, туда идем.

- Точно за Змеенышем, - прищурившись, шепнул Заточка.

- Слышь, мужики, а если они тоже, того? - негромко сказал Гоха. - Сейчас ведь обойдут нас, а Змееныш, может, рядом совсем... Они деньги себе заграбастают, а нам хрен псевдособачий!

- Бегом! - велел Ворон. Развернувшись, четверо сталкеров припустили по дороге, Гоха бежал сзади, быстро перебирая короткими ножками.

- Стоять! - гаркнул Заточка, рванувшись следом. - Стоять, сказал!

Долговцы побежали - все, кроме Власова. Капитан поднял пистолет и вдавил спусковой крючок. Выстрел гулко раскатился по окрестностям, Гоха споткнулся, упал на асфальт, ткнулся в него лбом. Ворон и Чубатый оглянулись. Хрен, развернувшись, вскинул автомат. Загремела очередь.

Долговцы попадали, кто-то откатился в кусты у забора, кто-то в канаву, идущую вдоль дороги, только Власов и Заточка остались стоять: первый расставил ноги и вытянул руку с пистолетом, второй опустил на одно колено. Выстрел - и Хрен отшатнулся, упал на рюкзак, перекатившись набок, замер. Долговцы открыли огонь из укрытия, Чубатый с Вороном прыгнули в канаву.

Власов, слегка пригнувшись, отбежал к стене. Заточка лихорадочно перезаряжал автомат, его захлестнула горячка боя. Ай да Власов, ай да сукин сын! Точно первый будет в погоне за мутантом! Первоначальная неприязнь к капитану сменялась удивлением и своеобразным восхищением. Хоть и выглядел Власов снулой рыбой, а действовал быстро, уверенно и безжалостно.

Воля, переглянувшись с Шустрым, начал пробираться вдоль кустов к залегшим в канаве сталкерам. Шустрый пополз по высокой траве в обход.

- Прикрывайте! - велел Власов. Кабан, кивнув, встал из кустов, поднял «печенег» и открыл огонь. Мироныч вскинул СВД. Выстрелы с той стороны затихли: сталкеры не могли и носа высунуть из своих укрытий.

Пользуясь этим, Воля подобрался к трупам и укрылся за ними. Осторожно выглянув, увидел, как колышется трава за канавой - там, где залегли сталкеры. Потянул из-за спины автомат, приподнял руку, чтобы дать отмашку.

Пулемет смолк. Воля высунул ствол из-за мертвого тела, подобрался. Противники не показывались. Боятся, ясное дело...

А потом все случилось очень быстро. Метнулся из травы Шустрый, прыгнул на спину одному сталкеру. Второй, статный блондин, вскочил, направив на долговца «калаш», Воля вдавил крючок, но это оказалось ни к чему - в лоб блондина вошла пуля: Мироныч был начеку.

Шустрый и Чубатый покатались в канаву. Воля, перебежав дорогу, встал на обочине, направил автомат вниз, но стрелять не решился.

Впрочем, это и не понадобилось: нож вошел в горло, плеснула ярко-красная, насыщенная кислородом кровь. Шустрый подскочил, отпустив врага, тот свалился в растущий на дне канавы иван-чай, дернулся пару раз и затих. Воля дважды выстрелил в него. Шустрый наклонился, перевернул - сталкер был мертв.

Заточка, ежась, прошелся вокруг трупов на дороге, заглянул в канаву. Лихорадка боя прошла, и он ощутил непонятное смущение. Зачем было их убивать? Это ж свои братаны, сталкеры... Ну, припугнуть, по башке прикладом стукнуть, нос расквасить - дело житейское. Но вот такая быстрая кровавая расправа... Порученец оглянулся на капитана Власова и увидел, что тот смотрит на него. В серых рыбьих глазах Заточке почудились насмешка и презрение.

- Три минуты отдыха, - приказал капитан, отворачиваясь. - Скиньте тела в канаву.

Волоча ноги, Змееныш вышел на край просеки, увидел бетонные постройки впереди и остановился. После столкновения с бандитами на болоте он шел больше суток и едва не падал. Понимая, что если сейчас свалится, то встать уже не сможет, Змееныш оперся о ствол березы, вглядываясь одновременно в реальное и ментальное пространства. Перед ним была грузовая железнодорожная станция, естественно, давно заброшенная. В отличие от леса вокруг там нет людей и мутантов, только где-то с краю прячется слепая собака со щенками. Змееныш поковылял вперед.

Собака оказалась слабой, истощенной, с перебитой лапой - она едва могла охотиться и лежала под платформой за административным зданием. Рядом копошились двое щенков. Когда Змееныш влез под низкую платформу, сложенную из бетонных плит, собака заворчала, но скорее жалуясь, чем предупреждая. Сил нападать у нее не было.

Под плитами царил сумрак, вдоль колеи росла густая трава. Змееныш отполз немного, сел на пахнущий мазутом гравий, достал из кармана последнюю краюху, оставшуюся от еды Одноглазого, разломил и кинул корку мутанту. Остальное медленно съел. Собака, жадно сожрав хлеб, тихо скулила. Змееныш лег на гравий, поворочался, продавливая под собой ямку, закрыл глаза.

Когда он заснул, где-то неподалеку тихо зарокотал дизельный двигатель.

* * *

- Всем сообщил? - Мировой оглянулся на Кручу. Человек-скала был вял и отвечал неохотно.

- Да всем, - отозвался тот. - Третий раз спрашиваешь.

Покинув схрон, отряд быстро обогнул Армейские склады. В лесу за ними сделали первую остановку, и Круча стал крутить ручки радиостанции, чтобы выйти на связь с наводчиками.

Кипяток по-турецки сидел возле своего рюкзака, положив на колени автомат.

- Я вообще-то против, командир. - Он сцепил пальцы, вытянув перед собой руки, зевнул и вывернул ладони, хрустнув суставами. - Делиться с кем-то... Нас и так шестеро, это меньше, чем по двадцать тыщ на брата.

- Я - Круча, прием, - повторял басом человек-скала. - Оружейник, слышишь меня? Прием. Я - Круча, Лапша, прием...

Рыжий с Дылдой открыли две банки консервов и пустили по кругу, а Теленок, бросив рюкзак, ходил по поляне, вглядываясь в лес. Мировой оттолкнул протянутую Рыжим банку. Рыжий обиделся:

- Ты чего, командир? Все из одной жрать будем.

- Как мы найдем Змееныша, Кипяток? - сердито спросил Мировой, не обращая на него внимания. - Ты что, придумал план, вычислил место и сообразил, как сделать засаду?

- Сталкеры не доверяют друг другу, - медленно проговорил Дылда, пальцами вынимая куски тушенки и отправляя в рот.

- Ну так правильно! - воскликнул Кипяток. - И чего?

Дылда прожевал и продолжил с видимым усилием:

- А того, что никто не выдаст, где...

- Короче, никто никому не скажет за здорово живешь, где Змееныш, - оборвал его Мировой. - Потому что сказать - значит отдать награду другому.

- Ну так да! - Кипяток подпрыгнул от нетерпения. - А я о чем же! Не станет нам никто помогать! Или диверсию наведут, дезу подкинут - забредем хрен знает куда...

- Оружейник, это Круча! Слышу тебя хорошо, прием. Да, понял, передам, прием. Считаю, деньги твои, прием!

Мировой резко повернулся:

- Где он?

Круча стащил наушники.

- Оружейник видел, как Змееныш на рассвете зашел на старую грузовую станцию.

- Это же у нас за спиной. - Командир отряда выпрямился, покрутив головой, одернул военную куртку. - Подъем! Пять минут на сборы!

- Погодите, что за грузовая станция? - Недовольство Кипятка как рукой сняло.

- Оружейник видел, как Змееныш залезал под платформу, - упаковывая рюкзак, сказал Круча. - Он как раз перегонял свой вагончик.

Дылда закопал консервные банки и обертку военного пайка, вытер пальцы о куртку.

- А кто сказал, что Змееныш еще там...

Отряд уже был готов. Мировой дал отмашку. Впереди пошел, приплясывая от возбуждения с «калашом» наизготовку, Кипяток, за ним Круча, Мировой и Рыжий с Теленком. Дылда топал последним.

- Змееныш идет двое суток. Должен же он когда-то отдыхать? - бросил командир.

Железные ворота станции были покорежены, створка висела на одной петле, другую затянули «ржавые волосы». Проход остался небольшой, только-только чтобы втиснуться, не задевая аномальное растение. Перед воротами Мировой остановил свою группу.

- Платформа там одна, короткая, возле административного здания. Оно в желтое выкрашено, остальные постройки серые, бетонные, не ошибетесь. Двигаемся так. - Ствол автомата он начертил в пыли план. - Круча, обходишь платформу справа, Рыжий, Дылда - огибаете администрацию и встаете слева, чтобы Змееныш не убежал. Я пройду через холл и буду страховать сверху. Кипяток, берешь Теленка, заходите от путей. Обойдете погрузчик и тепловоз, потом стреляете в Змееныша. Но постарайтесь поближе подобраться. Вопросы?

Вопросов не оказалось, и сталкеры стали по очереди входить в ворота. Мировой, протиснувшись последним, оказался на квадратной площадке для грузового транспорта. Прямо тянулись несколько путей, на второй колее стоял старый тепловоз... и тихо гудел. Теленок схватился за «калаш».

- Чего это он?!

Все тут же подняли оружие. Мировой проследил за взглядом Теленка и опустил ствол.

- Эта машина еще со второго взрыва тут, - пояснит он. - Стоит на одном месте и гудит.

В кабине горел свет. Над тепловозом с единственным вагоном, полным ярко-желтого песка, нависал погрузочный кран - большая решетчатая «П».

- А там кто-то есть, ну, внутри? - уточнил Теленок. Кипяток ухмыльнулся во весь рот.

- А ты проверь!

- Сам проверяй, - отозвался Теленок. - Шутник-переросток!

- Тихо! - шепотом приказал Мировой. - К тепловозу не подходить. Действуем согласно плану. Все готовы? Пошли. Нет, стоп! Круча, радиостанцию тут оставь, мешать будет.

Круча мог бы еще две станции утащить, но приказа послушался, стянул лямки чехла и опустил на асфальт. Передвинул на грудь автомат.

- Если только Змееныш дернется - стрелять на поражение. - Мировой окинул своих людей взглядом. - Теперь пошли!

Змеенышу снилось, что он завяз в болоте и к нему со всех сторон приближаются морские ежи, у которых почему-то выросли глаза на стебельках и прорезались зубастые пасти. Во сне Змееныш точно знал, что зубы очень ядовитые, и бултыхался в зловонной жиже, пытаясь выбраться, но только глубже увязал. Он бился - и не мог вырваться из смертельных объятий трясины, тянул руки, чтобы схватиться за нависающую над ним еловую лапу...

...Он дернулся и проснулся. Ломило в затылке, очень хотелось пить, голова совсем мутная, будто дыма туда напустили. Зажмурившись, Змееныш ладонями сдвигал виски, все еще ощущая морских ежей, которые катились к нему с разных сторон.

Слепая собака негромко заскулила, и он окончательно пришел в себя. Никакие это не ежи - он во сне так ощутил людей! Их шестеро, и они окружают платформу.

Щенкам передалось беспокойство матери, они завозились, хрустя гравием, начали тыкаться мордочками в отвисший живот собаки. Если преследователи начнут стрелять по нему, то заденут собаку, сообразил Змееныш. Он встал на корточки, упираясь ладонями в колючий, липкий от мазута гравий, прислушался к внутренним ощущениям. Лилово-черные сознания приближались от вокзала и от путей, слева и сверху - они спешили к нему, как пауки. Змееныш склонил голову, замер, раздумывая, и метнулся вправо, быстро перебирая руками и ногами.

И уперся взглядом в защитной окраски поношенные штаны. Змееныш резко выпрямился, в грудь уставился ствол автомата. Почему он не почувствовал человека?!

Круча от неожиданности едва не открыл огонь, решив, что это псевдопес или, того хуже, молодой кровосос вылетел из-под платформы.

- Ты! - выдохнул сталкер, слегка отступив. На него уставились темные глаза - вроде и человеческие, но очень странные. - Змееныш... Беги, я прикрою.

Помедлив, Змееныш кивнул на платформу.

- Там собака со щенками, не трогайте ее.

- Ты сейчас не о мутантах переживай.

Еще секунду они смотрели друг на друга, потом Змееныш сорвался с места. Круча не успел разобрать, куда он делся, секунда - и беглец пропал, будто растворился в воздухе между бетонными строениями. Сталкер развернулся, поднимая оружие, к нему бежал Мировой.

- Ты видел его?

- Глаза отвел, мутант, - прогудел Круча. - Проскочил мимо!

- Сюда! - крикнул Мировой, оборачиваясь, и махнул рукой. С другой стороны платформы вынырнули Дылда с Рыжим, Поспешили к ним. Из-за вагона показались Кипяток и Теленок. - Внимательно смотреть, он где-то здесь!

Растянувшись небольшой цепью, наемники пошли вдоль путей, оглядываясь, водя стволами из стороны в сторону.

- Куда он мог исчезнуть? - гудел Круча с искренним удивлением. - Точно не на станцию, я б заметил...

- Вон! - звонко крикнул Теленок, указывая вверх. Все подняли головы.

- Ну, блин, мутант! - воскликнул Кипяток с суеверным ужасом. Высоко над ними Змееныш балансировал, шагая по краю погрузочного крана, опорами которому служили два мощных решетчатых столба.

- Как он туда залез? - пробормотал Мировой, поднимая автомат.

Командир не успел выстрелить. Громкая очередь распорол воздух, заглушив гудение тепловоза. Змееныш упал на балку - и тут же внизу упал Рыжий. Он повалился на шпалы, нелепо раскинув руки, котелок на рюкзаке лязгнул о рельс. Мировой, пригнувшись, прыгнул к платформе, Круча опустился на гравий и пополз за ним. Стреляли с другой стороны путей, там из пролома в бетонной стене выныривали фигуры в камуфляже.

- Долговцы! - крикнул Теленок.

Дылда с Кипятком бросились в колею, залегли между рельсов и открыли огонь. Долговцы попрятались за грузовую платформу, стоящую на последнем пути, Мировой со своего места видел рюкзак одного из них. Тщательно прицелившись, он выстрелил - и услышал протяжный крик.

- Откуда они взялись, кровосос побори?! - хрипло спросил командир у лежащего рядом Кручи.

Тот не отвечал, раздвинув траву, смотрел куда-то. Мировой выглянул - и увидел, что Змееныш ползет по мосту, распластавшись на ржавой балке. Наемник поднял автомат... Ударом мощной ладони Круча впечатал его голову в гравий. Пуля, просвистев над макушкой, раскрошила бетон в глубине под платформой. Из-за спины раздался жалобный скулеж.

Кипяток тоже заметил пробирающегося по крану Змееныша, и гнев вскипел в его груди. Их добыча, жирный кусок в сто тысяч, убегает! Он встал на колени, целясь, дал длинную очередь - и повалился лицом на рельсы, оросив кровью шпалы. Мировой с Кручей не целясь выстрелили в сторону должговцев.

Змееныш прыгнул. С двух сторон несколько человек ждали этого, и воздух над заброшенной станцией огласила канонада. Никто не разобрал, попал он или нет, - гибкое тело свалилось в открытый вагон, скатилось по песку к ржавому борту.

Присевший за платформой Заточка повернул голову влево, вправо, осматривая отряд. Мироныч лежал на спине, раскрыв рот, глядел в небо мертвыми глазами.

- Эй, Власов... - начал Заточка, но капитан поднял руку, и он смолк.

- Окружаем, - приказал Власов. - Петля - ползком влево, вокруг платформы, прикроем. Воля - вправо, за ту платформу. Видишь этот дом?

- Администрация местная, - кивнул Воля.

- Сзади там пожарная лестница должна быть. На крышу, оттуда глядишь на меня, по сигналу огонь.

- Есть! - откликнулся Воля, и Петля кивнул. Мировой понял, что дела плохи, когда заметил, как один из должговцев нырнул за платформу. Кипяток с Рыжим, видимо, мертвы - Рыжий так точно, - Змееныш куда-то подевался. Мировой, обычно не склонный к отвлеченным размышлениям, вдруг ясно понял: это наказание. За то, что пошел против совести. Наемник выстрелил, заменил опустевший магазин, достал гранату и, поймав испуганный взгляд оглянувшегося Теленка, выкрикнул:

- Отступайте! Прикрываем! - после чего, приподнявшись, дал длинную очередь, затем взмахнул рукой.

Круча тоже открыл огонь. За грузовой платформой Заточка присел, когда вокруг застучали пули. Улегшись, попытался выстрелить снизу, между колесами, но там все было засыпано землей, платформа, по сути, лежала на ней, а не стояла на колесах. Воля, низко пригнувшись, бежал к углу административного здания, Петля полз вдоль передка гудящего тепловоза.

- Щас разделаем их! - кровожадно сказал Заточка присевшему рядом Кабану. За последние дни помощник Слона ощутил вкус к убийствам.

Сквозь разбитое боковое окно Змееныш ввалился в кабину тепловоза, присев, огляделся. Выстрелы грохотали где-то рядом, его могли заметить в любое мгновение. Змееныш податся вперед, разглядывая широкий пульт, рычаги и рукояти, датчики. Под полом гудело, тепловоз мелко дрожал. На короточках Змееныш подобрался к рычагам - некоторые были стерты, ими пользовались чаще.

Неподалеку взорвалась граната, тут же под носом тепловоза дико заорали. Змееныш рванул рычаг, потертый сильнее других, провернул какую-то рукоять, другую, ударил по кнопкам... Он действовал наугад, следуя лишь советам хорошо развитой интуиции. Раздалось шипение, когда отключился пневматический тормоз. Понятия не имея о том, что делает, Змееныш перекинул рукоять забора скорости. Прыгнула стрелка на одном датчике, мигнули ребристые кругляши из прозрачного пластика - и тепловоз дернулся.

Заточка, после взрыва гранаты распластавшийся на земле, сначала услышал истошный вопль Петли, а потом ощутил, как дрогнула земля. Он поднялся на колени, увидел Петлю, посеченного осколками разорвавшейся гранаты, - и тут что-то большое надвинулось на десантника, закрыло... Поезд! Этот чертов состав на один вагон поехал! Порученец вскочил. На лице повернувшегося к нему Власова впервые возникло подобие человеческого чувства.

- Что происхо... - начал он.

- Уходит, тварюка! - взвизгнул Заточка и метнулся к тепловозу. Он не мог знать точно, кто забрался в кабину, - но кто, кроме мутанта, способен запустить этот аномальный тепловоз?! Заточка вспрыгнул на подножку, заглянул в разбитое окно, увидел Змееныша прямо перед собой, вскинул пистолет и выстрелил. Змееныш, краем глаза заметив движение сбоку, развернулся. Пуля ударила в плечо, он отшатнулся, но прежде чем порученец выстрелил во второй раз, подался вперед и врезал ему в челюсть. Подошвы соскользнули, Заточка отпрыгнул, чтоб не затянуло под колеса, выпустив пистолет, покатился по насыпи.

Тепловоз медленно, тяжело набирал ход. Со скрежетом он расплющил лежащий на путях лист жести, дальше ветка полого повернула, мимо понеслись деревья. Несколько сосенок проросли между шпалами - покатым передок смял их, сломал, как спички. Прижимая ладонь к плечу, Змееныш сел, вытянул ноги. Через голову стянув рубаху, оглядел плечо, оторвал рукав и стянул рану. Опираясь о пульт управления, он поднялся, поглядел вперед - и схватился за рычаги.

Дылда с Теленком волокли раненого Кипятка к воротам, Мировой и Круча прикрывали их короткими очередями. Впрочем, долговцы не преследовали - когда тепловоз поехал, в отступающих наемников выстрелили лишь несколько раз. Сталкеры добрались до опушки, углубились в лес и лишь когда едва не напоролась на жарку, тихо гудящую возле замшелой коряги, остановились. Теленок с оханьем упал на землю, Дылда, осторожно уложив Кипятка, присел на корточки, рядом с ним опустился Круча и тяжело устался на командира.

- Прекращаем охоту, - сказал тот и отвернулся.

Заточка, скрежеща зубами, подскочил к долговцам и выпучил глаза, увидев Петлю - живого! Посеченный осколками сталкер лежал на спине и дергал ногой от боли. Штанина была срезана, Воля с Кабаном перетягивали бедро жгутом. Капитан Власов повернулся к порученцу.

- Где он?

- На поезде уехал!

- Кабан, помогай Петле, - приказал Власов. - Остальные - за мной.

Он побежал по шпалам, Заточка и долговцы устремились следом. За краем станции рельсы полого изгибались, исчезая за сосновой рощей. Заточка, урча от ярости, рванулся за тепловозом, и тут из-за деревьев донесся треск гравия и низкий рокот.

Увидев, что пути искорежены взрывом, Змееныш схватился за рычаги, но было поздно. Передние колеса продавили изогнутые спиралью рельсы, вмяли - и тепловоз с разгону выехал на гравий. Затрещало, загрохотало, колеса полностью ушли в мелкие камни, машина встала, кренясь. Хромая, Змееныш добрался до окна, перевалился через край и выпал наружу. Заскрежетала, выламываясь, сцепка, груженный песком вагон приподняло. Змееныш скатился по выпуклому гладкому борту, упал на камни, вскочил и похромал прочь.

Спустя пару минут к стоящему под углом сорок пять градусов тепловозу вышли долговцы. В это время Змееныш был уже далеко.

3

Он шатался, часто падал, но заставлял себя вставать и идти дальше. Беглец повернул на северо-запад, чтобы забраться в самую глушь леса за Янтарем и переждать, залечить раны, да хотя бы отоспаться. Если его ловят на северном направлении, то к западу, возможно, не станут искать. Там и артефактов почти нет, поэтому туда никто не заходит, никто не увидит его и не сдаст охотникам.

Одну группу преследователей Змееныш ощутил задолго до их появления - несмотря на рану, он был настороже. Сталкеры не заметили его, лежащего за кустами буквально в двух шагах, прошли мимо. А Змееныш еще долго помнил их жгучее лилово-черное излучение. Все люди, попадающиеся теперь на пути, охвачены жадой убийства.

Он мог понять, почему его смерти желает Слон, но все эти охотники? Они лишь жаждали заполучить деньги, которые Змееныша никогда не интересовали, которых он вообще не ценил - просто шершавые бумажки с цифрами и рисунками. Мазай когда-то объяснял ему, для чего нужны деньги: их изобрели ради удобства, это просто единица измерения, мера стоимости товаров или услуг. Но Змееныш не мог проникнуться ценностью денег. Для него они не значили ничего, и выходило, что все эти люди хотят убить его ради никчемной вещи, ерунды, бессмысленных бумажных прямоугольников.

Змееныш забрался в самую глубь какого-то болота, от усталости и боли почти ничего не видя вокруг, едва обходя редкие аномалии. Пахло стоячей водой и плесенью. Змееныш выполз на сушу под вечер, вцепившись в траву, весь облепленный ряской, ткнулся лицом в

землю и замер. Было тихо и спокойно, но расслабляться рано - надо найти укрытие, где его не тронут ни люди, ни мутанты, когда он потеряет сознание. А оно уже начинало отключаться, порою ему слышались чьи-то голоса, неясные тени мелькали вокруг, вставали лица из прошлого...

Неподалеку зарычат псевдопес. Змееныш напряг последние силы, поднялся, шатаясь. Где-то за кустами текла река, доносился плеск воды, а впереди на поляне стояла вросшая в землю избушка.

Из-за кустов выскочили три псевдопса, побежали к Змеенышу, рыча. Он сосредоточился, пытаясь поднять в себе волну, при помощи которой сбил с ног Кирзу и Стопку, - но сил не было. Попробовал взять мутантов под контроль - не вышло, хотя они остановились, не добежав до человека, заворчали, поджали обрубки хвостов и сели перед ним.

Последнее усилие добило его, Змееныш покачнулся, но как-то устоял. Едва переставляя ноги, прошел между псевдопсами, добрел до избушки. Смеркалось, стало холодно, его пробиравал озноб. Змееныш остановился перед приоткрытой дверью. У него не осталось сил даже на то, чтобы удивиться. Наверное, здесь никто не живет, слишком глухие места. Змееныш навалился на дверь плечом, та распахнулась с тяжелым скрипом. В избушке было совсем темно. Понимая, что еще несколько секунд, и он свалится, Змееныш оглянулся - псевдопсы сидели на том же месте, повернув к нему морды, - прикрыл дверь за собой и шагнул к лежанке, смутно видневшейся под стеной. Еще один неверный шаг. Еще. Глаза привыкали к тусклому освещению, из теней выступали предметы обстановки: грубо сколоченный стол, полка на стене, высокий табурет, самодельное деревянное кресло в углу, фигура в кресле...

Змееныш замер. Там сидел кровосос и в упор смотрел на гостя. Змееныш напрягся, пытаясь увидеть сознание мутанта, но в ментальном пространстве была глухая пустота, лишь тени клубились в нем - все быстрее, быстрее... Глаза кровососа блеснули, в полутьме Змеенышу показалось, что щупальца его шевельнулись. А потом пол ушел из-под ног, и Змееныш упал лицом вниз.

Он пришел в себя на лежанке, укрытый тонким одеялом, с влажной повязкой на лбу. Приподнялся на локте, пытаясь сквозь мутную пелену разглядеть, что вокруг. Увидел маленькое окошко, полутемное помещение с низким потолком, стол, кресло... В кресле сидел кровосос и топорщил щупальца. Змееныш откинулся на подушку и опять потерял сознание.

Его лихорадило всю ночь, бросало то в жар, то в холод, иногда он плакал, как ребенок, иногда кричал, выл, щелкал зубами и сыпал проклятиями. Пару раз ненадолго приходил в себя, но не мог понять, где находится, а потом пугающие видения теснее обступали лежанку, и Змееныш опять проваливался в бред. Он не чувствовал, как чьи-то руки переворачивают его, обтирают грудь и спину водой с уксусом, меняют холодную тряпку на лбу. В очередной раз ненадолго придя в себя, Змееныш разглядел в предрассветных сумерках бревна потолка, между которыми торчал почерневший от времени мох. Позже эти черные пряди преследовали его в бреду, опутывали, стягивали горло и грудь, мешая дышать, Змееныш срывал их, но они вырастали снова и снова, лезли отовсюду, окружали и засасывали, как тряпина. А потом знакомый голос бормотал что-то успокаивающее, пропитанной уксусом тряпкой стирали мох с тела, и приходило тяжелое забытие - до нового приступа.

Очнулся Змееныш поздним утром. Сознание было на удивление чистым, в голове еще немного гудело, по телу разливалась слабость - но он открыл глаза и смог разглядеть низкий потолок, полку с кружками и жестяными банками на стене, связку трав в углу. Змееныш приподнялся, сел, медленно стянул с себя одеяло. Кровосос сидел в кресле под стеной, выпуклые стекляшки глаз поблескивали в лучах солнца, льющихся сквозь окно.

Скрипнула дверь.

- Очнулся? - спросил знакомый голос.

Змееныш поднял голову - в избушку вошел патлатый мужик с клочковатой седой бородой и кустистыми бровями. Поставил под стеной ружье, неторопливо пересек комнату, по дороге взяв со стола дымящуюся кружку, сел на краю лежанки.

- Мазай, - сказал Змееныш.
- Это бульон, выпей, тебе сейчас в самый раз.

Змееныш обхватил кружку ладонями, сделал несколько глотков. Горячий, наваристый бульон наполнил его теплом. Откинувшись на подушку, Змееныш сказал:

- Мазай, ты... Я думал, ты мертв.
- Некоторое время и я так думал, - откликнулся хозяин, усмехнувшись в бороду.
- Но как ты оказался тут? Варвара сказала, что ты погиб в холодце.

Мазай качнул головой.

- А! Вот как Заточка объяснил Слону, почему без меня вернулся. Не погиб я, как видишь. Ладно, ты пей, это бульон из тушенки и всяких полезных кореньев.

- Как ты здесь очутился? - Змееныш кивнул на чучело кровососа.

- ЭТОТ-ТО... - улыбнулся Мазай. - Он меня чуть не прикончил. Я тогда еле ушел от Заточки, раненый, сюда приполз - а тут он. В этой избушке жил. Старый был, дряхлый, но сильный еще.

Змееныш допил бульон, выпрямился на лежанке, и Мазай взял у него кружку.

- Пулю из плеча я вытащил, рану стянул хорошо. Кровь уже не идет. Попробуй встать. Посидишь на солнце, придешь в себя.

Змееныш спустил ноги на пол, нашел свои ботинки возле топчана. Пальцы дрожали от слабости, голова еще кружилась, но он сумел завязать шнурки. Мазай помог встать, поддерживая, вывел наружу. Показал влево, на невысокий холм.

- Видишь трава с красными листьями? Это кровянка. Редкая штука. Я выпил отвар из нее и дал кровососу себя укусить.

Змееныш недоверчиво смотрел на Мазая.

- Ты выжил после укуса кровососа?

- Ну да. Кровянка ядовитая, но для людей куда меньше, чем для кровососов. Он сдох, а я оклемался.

Два дня валялся на лавке, пока в себя не пришел. Короче, я теперь жив, а он чучело. Набил его, чтобы память была: редко кому удается с кровососом таким способом разделаться, и о каждом случае легенды в Зоне ходят. Ну и потом... я же один, а так вроде компания какая-то. - Мазай смущенно почесал затылок. - Я иногда даже разговариваю с ним.

Змееныш опустился на низкую лавку возле избушки, подставил лицо теплему солнцу. День выдался на удивление ясный, редкость в Зоне. Облака плыли лишь у горизонта.

- Как ты живешь? - спросил он. Змеенышу здесь понравилось: очень тихо, спокойно, плещет за кустами река, едва слышно шелестят на ветру листья кровянки, иногда только хрустнет, сломавшись, сухая ветка где-то в лесу.

Мазай присел рядом. Из-за дома выскочил псевдопес, подбежал к сталкеру и ткнулся мордой в колени. Мазай стал чесать мутанта за ушами.

- Приручил вот. Кинулась их мамаша на меня, а я не понял, что она щенков прикрывала, и пристрелил. Потом слышу - повизгивают под корягой. Пришлось взять к себе. Ко мне привыкли, не трогают, а других мутантов отваживают от дома.

- Тут есть люди? - спросил Змееныш, касаясь ноющего плеча.

- Никого нет. Глухомань, сталкеры сюда не заходят. Но болото это необычное - после каждого выброса аномалии появляются. Дальше поселок заброшенный, я там в подвале выброс пережидая, а как обратно иду - всегда три-четыре аномалии в болоте вылезли, ну и артефакты бывают. Соберу сколько-нибудь - и иду к людям, меняю на еду, на одежду, на оружие...

- Ты на людях бываешь, и никто не узнал тебя? - недоверчиво спросил Змееныш. - Обязательно пошел бы слух, что ты выжил! Я... переживал...

- Да я зарос, видишь. - Мазай смущенно подергал себя за бороду. - И когда спрашивают, называюсь Отшельником. Мало ли таких в Зоне? Никому не интересно, кем я был раньше... - Мазай покосился на гостя и спросил: - Ну хорошо, а теперь скажи: как ты сюда забрел?

- На меня охотятся, - сказал Змееныш. Мазай сразу посерьезнел.

- Идем в дом, - сказал он. - Пока есть будем, расскажешь.

На обед была молодая картошка, жареные лисички и консервированная фасоль. Стуча ложкой о миску, Мазай изучал измученное лицо гостя. Змееныш был сосредоточен, ел мало, без охоты, уставившись в стол перед собой. Только за чаем начал рассказывать. Мазай узнал про Оксану, Слона, о том, что произошло на бревне, ведущем через пограничный овраг, услышал про облаву.

- Что ты собираешься делать? - помолчав, спросил он.

Змееныш откинулся на стуле, посмотрел на кровососа в кресле, на хозяина.

- В покое меня не оставят. Или они меня убьют, или я их. Поэтому я...

- Не торопись, - сказал Мазай, - лучше обдумай все сначала. Обдумай и... не надо мараться.

- Мараться?! - Змееныш вскинул голову. - Да они... это они убили Оксану! Они, а не я. И теперь за это охотятся на меня!

Хозяин достал из кармана кусок газеты, положил на стол, развернул - там лежал табак. Он скрутил самокрутку, почиркал спичкой, раскурил. Избушку наполнил дух крепкого самосада. Все это время Мазай о чем-то размышлял, сведя брови над переносицей.

- Тебе не предлагаю, ты вряд ли курить начал. - Змееныш покачал головой, и тогда Мазай заговорил:

- Хорошо, ты им отомстишь - и что дальше? Что от этого изменится? Ну пусть умрут те, кого ты ненавидишь. И что? Думаешь, твоя жизнь станет счастливее?

- Да, - сказал Змееныш, подумав. - Или... или нет. Не знаю, это не важно. Не важно, что станет с моей жизнью, главное, что это будет справедливо.

Мазай затаился, выпустил в потолок клуб сизого дыма.

- Нет никакой справедливости, - сказал он. - Справедливость относительна. Для одного справедливо то, для другого это, и разные справедливости противоречат друг другу. Ты же все равно шел на север? Пойдем вместе, вдвоем в Зоне веселее. Уйдем за ЧАЭС, куда-нибудь, где никто не живет, где никто не будет знать ни тебя, ни меня. Тут хорошо, но я засиделся на одном месте, скучно уже стало...

- Ты не понимаешь! - перебил Змееныш. Темные глаза его сверкнули. - Эти люди хуже зверей. А как с тобой Слон обошелся, помнишь? Теперь ты в этой глуши живешь, в избе кровососа, а Слон жиреет, и совесть ему спать не мешает. Я отомщу за Оксану - и за тебя тоже.

Щурясь, Мазай посмотрел в окно, где солнечный свет стал глуше - набежали облака.

- Я ведь тоже хотел отомстить, - негромко сказал он. - Хотел убить Слона. Пробраться в Лесной Дом, подкараулить... но не сделал этого. Не потому что боялся, просто понял: месть бессмысленна. Это просто удовлетворение твоих эмоций, а все разговоры про справедливость - выдумывание оправданий.

Змееныш, уставившись в стену, катал по столу последнюю картофелину.

- Я не знаю, - признался он наконец. - Мне не хочется никого убивать. Вернее, хочется - но только Слона. У этих людей, которые охотятся на меня, такое излучение... черно-желтое, мутное. Злобное. А у меня... - он положил ладонь на лоб, - у меня этого нет. Вернее, оно возникает, только когда я вспоминаю о Слоне. Ведь он застрелил Оксану. Когда я убегал... чем дальше, тем все сильнее ощущал себя зверем. Как будто я становился мутантом, в голове почти не было мыслей, хотелось рычать, бросаться на людей, грызть их... И еще я стал забывать слова. Только теперь, когда поговорил с тобой, это прошло. Но они же не оставят меня в покое. Пойдут по моему следу даже за ЧАЭС. Наверное, Слон обещал много денег, раз столько людей охотятся за мной. Люди хуже мутантов, потому что из-за денег готовы на все.

Мазай раздавил окурок о край стола, положил на спичечный коробок.

- Послушай, что я тебе скажу. Больше не буду уговаривать. Это глупо звучит, напыщенно, но... Мечь иссушает душу. Понимаешь? Если ты сделаешь это, убьешь Слона, - как станешь жить дальше? Ты больше не будешь получать удовольствия от простых вещей, которые и составляют жизнь. От солнца, от природы, от движения, от... от познания. - Он кивнул на полочку у себя за спиной, где стопкой лежали книги.

Змееныш хлопнул по столу, встал, собираясь сказать что-то резкое, но вместо этого повалился на стул, обхватив голову, и замер. Мазай ждал. Прошла минута, другая... Змееныш поднял на него взгляд.

- Ты прав, - тихо сказал он. - Давай уйдем отсюда вдвоем.

- Вот и хорошо. Я соберусь быстро - через два часа выйдем. За три-четыре дня пройдем мимо Армейских складов, дальше Лиманск и Рыжий лес, там опаснее, но сталкеров меньше. Охота там может захлебнуться. Значит, идем?

Змееныш кивнул. На дворе заворчал псевдопес.

- Это еще что? - нахмурился Мазай. - Сиди тут, я гляну.

Сняв висящее на стене ружье, он шагнул к двери. Змееныш вскочил.

- Нет, стой!

Но Мазай уже открыл дверь, поднимая оружие.

Два выстрела слились в один. Змееныш бросился к Мазаю и успел подхватить его. Сквозь дверной проем он увидел стоящего далеко от избушки Заточку с автоматом. Пуля из ружья Мазая ранила высокого мощного долговца, шагнувшего из кустов с пулеметом в руках, - великан медленно валился набок.

Мазай захрипел, судорожно дергая левой рукой. Ногой захлопнув дверь, Змееныш оттащил его от порога. Он уже ощутил шесть наполненных агрессией и жаждой убийства человеческих сознаний, окружавших избушку.

- Мазай! - шепнул он, склоняясь над старым сталкером. Рубаха на груди того потемнела.

Кровоаво-алая, горячая ярость поднялась из глубин сознания. Змееныш зарычал, оскалившись, чистый высокий лоб его пробороzдили морщины, лицо исказилось.

- Мазай!!! - Возглас мало напоминал человеческий голос, скорее звериный вой.

И тогда снаружи ответили псевдопсы. Змееныш окатил их яростью, выплеснул, ошпарил, как кипятком, - трое мутантов бросились на людей.

Темно-рыжий, самый крупный, прыгнул на Заточку, вцепился ему в правую руку. Порученец, заорав, уронил автомат, выхватил левой самодельный нож и вонзил псу в загривок.

Палевая самка, едва слышно рыча, на брюхе подкралась к людям, трава почти целиком скрывала ее. Она выскочила на подошедшего ближе всех к дому маленького сталкера.

Шустрый не успел закричать - самка повисла у него на груди, мощные челюсти перекусили горло. Сталкер повалился на землю.

Капитан Власов, раздвинув ветви елочек, шагнул на поляну. Окинув ее одним быстрым взглядом, достал пистолет, направил в голову рыжего псевдопса, дерущегося с Заточкой, и трижды выстрелил. Мутант повалился на человека, порученец заизвивался под ним, пытаясь выбраться.

Раненый Петля, не успев поднять автомат, схватился с третьим псевдопсом: душил его, а тот рычал, щелкая клыками, тянулся к горлу человека. Вытащив нож, Воля подбежал к ним, вогнал клинок в бок мутанта. Сжимая того одной рукой, Петля потянул со спины автомат.

Но тут самка, оставив тело Шустрого, прыгнула Воле на спину, вгрызлась ему в затылок. Воля закричал, выгнувшись назад. Самка раскрошила клыками позвонки, и долговец обмяк, голова упала на грудь. Руки разжались, Воля мешком повалился в траву, а самка бросилась на Петлю, вдвоем с серым псевдопсом опрокинула вставшего было долговца. Серый издох, поймав брюхом несколько пуль из его автомата, и сразу за ним умер Петля. Самка с рычанием обернулась, почуяв человека, - капитан Власов, подойдя почти вплотную, вогнал в нее остаток патронов из ТТ. Отбросив пистолет, поднял автомат, быстрыми шагами направился к избушке. Лицо его оставалось равнодушным, рыбы глаза глядели на закрытую дверь.

Власов сильным пинком открыл ее, пригнулся, собираясь прыгнуть внутрь.

Прямо перед ним топорщил щупальца старый кровосос.

Этого Власов не ожидал. Он моргнул и вдавил спусковой крючок. Полетели клочья плоти и солома, но Власов не успел осознать, что перед ним чучело.

Стоящий сбоку от двери Змееныш повернулся, вскидывая ружье, ствол почти уперся в висок капитана, гроыхнул выстрел, и Власов упал на мутанта, перевернув его вместе с креслом.

Глава десятая. Охота змееныша. Свора

1

Руки мелко дрожали, голова тряслась, иногда Слон вздрагивал, будто услышав быстрые шаги прямо за спиной, облизывал сухие потрескавшиеся губы. А еще он часто оглядывался на узкую дверь в стене возле шкафа.

На столе в кабинете Слона круглосуточно работала радиостанция, все свободное время он слушал эфир, ловя сообщения о передвижении Змееныша. Он знал о нападении Кирзы и Стопки - эти всем растрезвонили; знал про неудачу трех бандитов во главе с Гробом - найденные в болоте у Янтаря тела опознали. Слышал Слон и про столкновение «Долга» с группой Мирового на заброшенной грузовой станции, где часто останавливал свой вагончик Оружейник.

Но больше ему ничего не было известно. Последнее известие пустил в эфир Оружейник, видевший трупы сталкеров и должовцев, а также сошедший с рельсов тепловоз. Это случилось четыре дня назад. И с тех пор - тишина.

Верней, эфир разрывался от слухов и домыслов, но никто не видел, куда ушли должовцы с Заточкой. Да и где остатки отряда Мирового? Хотя эти могли остановиться в одном из своих схронов и зализывали там раны. Но вот где порученец, почему отряд Власова задержался, отчего не шлют вестей? Слон крутил в руках многострадальную глиняную статуэтку с приклеенной головой и подумывал о покупке бронзовой фигуры - и надежнее, и тяжелее, если швырнуть в кого-то...

Мысли в очередной раз понеслись по накатанной колее. За это время можно дойти чуть не до Лиманска! Куда делся отряд «Долга», почему молчит Заточка? Неужели мутант положил всех? Такого не может быть! У него есть всякие хитрые способности, но Змееныш не супермен, обычный мальчишка, довольно хилый, хоть и выносливый. Ему не по силам победить отряд хорошо подготовленных бойцов! Значит, Заточка с остальными еще преследуют его, они просто углубились в Зону, идут по следу на север... Хорошо, но сколько можно идти? Все эти люди не первый день Зону топчут, должны давно догнать мутанта, тем более он почти наверняка ранен после встреч с многочисленными преследователями. Так что, он таки их всех положил? Нет, этого не может быть!

Мысль замкнулась. Слон выругался и отставил статуэтку. Так он только изматывает себя, надо отвлечься, заняться делами - проверить склады, назначить сталкеров в поход, на дежурство, пересчитать выручку за последние артефакты, отложить долю полковника Рябого... Есть чем заняться, чтобы беспокойные мысли в голове не крутились. Слон тяжело поднялся, обошел стол, закрыл жалюзи. Солнце садилось в облака над горизонтом, окрасив небо на западе багрово-алым цветом. На дворе Варвара развешивала белье, старый Игнат на скамейке возле кухни играл на аккордеоне, его слушали сталкеры, кто-то под водокачкой резался в домино - сюда доносились азартные крики и щелчки фишек.

На лестнице послышались тяжелые шаги. Слон обернулся. Кого еще нелегкая принесла? Он никого не ждет сегодня...

Дверь распахнулась, в кабинет ввалился Заточка. Весь грязный, правая рука висит в самодельной петле на шее, кое-как обмотанная тряпками, и рубахи под курткой нет.

- Ты?! - изумился Слон. - Ну, говори!

Заточка сделал несколько шагов, оперся о стол, безумным взглядом посмотрел на хозяина. Серое лицо было заляпано кровью, левую бровь пересекал воспаленный шрам.

- Где должовцы? - спросил Слон, уже зная ответ.

Порученец зло ощерился, глаза сверкнули.

- Полегли они. Все.

- Но ты его убил? - Слон схватил помощника за плечи, встряхнул так, что голова Заточки мотнулась на худой жилистой шее. - Ты убил его, спрашиваю?!

- Жив он, - хрипло выдохнул помощник в лицо хозяина. - Жив мутант! Мы его загнали, но он... Там Мазай был - я его пришил. А мутант - остальных. И Власова... я уполз, раненый. Теперь он сюда пойдет!

- Сюда пойдет? - растерянно повторил Слон.

- А ты отсидеться думал? А, нет! - Заточка вдруг засмеялся, толкнув Слона, отступил. Ноги заплелись, он покачнулся. - Думал отсидеться на холме своем, чужими руками мутанта завалить? Не выйдет! - Порученец погрозил Слону грязным кулаком. - Мутант сам за тобой придет, спросит с тебя: за Мазая, за Оксану...

Ярость ударила Слона в голову.

- У меня - за Оксану?! - взревел он. - Это мутант виноват! Это я с него спрошу...

Замахнувшись, он шагнул к Заточке, собираясь врезать по ухмыляющейся роже, но не успел: глаза того закатились, взмахнув руками, порученец повалился на пол.

Змееныш похоронил Мазая и псевдопсов на холме у зарослей кровянки, чтобы звери не могли разрыть могилы. А должовцев хоронить не стал - оттащил тела вдоль болота на большую поляну и бросил там.

Стараясь не зацепить раненое плечо, он залез на старый дуб, уселся в развилке ветвей и стал ждать. Мыслей не было, Змееныш растворился в окружающем мире, в шелесте листвы и прохладных лучах солнца. Он просидел неподвижно почти два часа, пока на опушке не появилась стая псевдопсов, привлеченная запахом мертвечины. Крупный вожак вышел вперед, настороженно приняхиваясь. Фыркнул и побежал к трупам.

Стая последовала за ним. Змееныш не шевелился, наблюдая за мутантами. Не обнаружив опасности, вожак, а за ним и остальные накинулись на должовцев.

Змееныш, погрузившийся в ментальное пространство, почти не видел окружающее - вокруг колыхался темно-серый дым, шел ленивыми волнами, и в волнах этих качались, словно буйки, сознания псевдопсов. Куда более примитивные, чем человеческие, но изощреннее, чем, к примеру, у кабанов. Змееныш заранее обдумал, что будет делать, и теперь принялся плести псисеть, чуть касаясь звериных разумов, вытягивать из них нити - едва заметные паутинки желания и воли, которыми он собирался связать стаю воедино.

Только когда мутанты насытились, он приступил к делу. Первым заметил неладное вожак - поднял серую башку, прислушиваясь. Змееныш натянул ментальную сеть, опутавшую стаю, и наконец каждый псевдопес ощутил чужака, вторгшегося в сознание. Мутанты заволновались, рыча, начали кружить по поляне. Нити, связывающие их со Змеенышем, зазвенели от напряжения. Змееныш мысленно потянул, сгоняя псевдопсов к центру опушки.

Вожак залаял - неумело, хрипя и кашляя. Этот крупный серый псевдопес сопротивлялся больше всего, сознание его бурлило, будто суп в котелке над костром, вспухало пузырями гнева, удивления, растерянности... Змееныш перенес на вожака все внимание, потянул из его разума новую нить. Связь между человеком и мутантом стала крепче, Змееныш направил в сознание псевдопса приказ: встань в центре опушки, созови стаю. Ответом было утробное рычание. Серый вожак закрутился на месте, злоба плеснула во все стороны, брызнула обжигающими каплями. Змееныш отпрянул, мутант прыгнул к дубу, человек напрягся, но поздно: соединяющая их нить порвалась, и сеть распалась. Встав на задние лапы, вожак подрал когтями кору, отскочил, вновь бросился на дерево и забегал вокруг, яростно рыча. Освобожденная от чужого влияния стая присоединилась к нему.

Разноголосый вой, ворчание и фыркание зазвучали над поляной. Змееныш неподвижно наблюдал за стаей. Он попал в ловушку - мутанты почуяли его, и теперь их разгоряченные сознания, замуتنные злобой и агрессией, не поддавались влиянию.

Обхватив ствол, Змееныш прижался к нему горячим лбом. Он еще не оправился после ранения, а на создание псисети и попытку управлять стаей с непривычки потратил слишком много сил. Собрав все, что у него осталось, Змееныш покрепче вцепился в ствол одной рукой, не обращая внимания на ноющее плечо, нагнулся - и ударил по вожаку. Агрессивная ярость рухнула сверху, будто бревно, расплющила серого. Тот взвыл, растянувшись в траве.

Затем медленно поднялся, скул и шатаясь, поджал хвост и бросился прочь с поляны. За ним побежали остальные. Когда недовольное рычание смолкло, Змееныш сполз с дерева и вернулся в избушку.

Он поселился в доме Мазая. После попытки управлять мутантами Змееныш отсыпался два дня, затем решил повторить эксперимент и вернулся к поляне. От долговцев почти ничего не осталось, две слепые собаки вяло грызли кости.

На этот раз Змееныш поступил немного иначе. Он не стал ничего извлекать из сознаний мутантов - кажется, это слишком сильно нервировало их и в конечном счете мешало подчиниться чужой воле, - но сплел псисеть из своей ненависти и воли и уже готовую накинуд на слепых собак.

Теперь он сумел управлять ими. Через сеть Змееныш ощущал все их примитивные эмоции и желания и, добавляя к ним незаметные импульсы или короткие отчетливые приказы, направлял мутантов туда, куда хотел. Он погонял собак по опушке, чтобы они привыкли. Поначалу звери сопротивлялись, скулили, спотыкались - но скоро освоились и притихли.

Через некоторое время Змеенышу показалось, что он ощущает даже оттенок удовольствия в сознаниях собак или, возможно, благодарности - они решили, что теперь о них позаботятся. Ментальное рабство показалось им более безопасным, чем вольная жизнь. Смирившись с тем, что они подчинены чужой воле, оба мутанта убедили себя, что воля эта принадлежит кому-то, кто умнее, хитрее, сильнее их... принадлежит вожаку. Как и для большинства людей, рабство стало для них приемлемее свободы.

Повинуясь мысленным приказам Змееныша, собаки подбежали к нему, припали к земле, виляя хвостами, затем стали кружить по поляне. Убедившись, что полностью управляет мутантами, Змееныш послал их в лес, к избушке. Собаки побежали впереди, он ощущал, как с каждым шагом слабеет связь, и, двигаясь следом, усиливал ее, накачивал психической энергией, пока не почувствовал усталость. Змееныш понял, что может контролировать мутантов, когда они находятся в круге радиусом до ста метров. Наверное, через какое-то время он сумеет увеличить это расстояние...

Шли дни. Змееныш экспериментировал и учился.

Он с безучастным удивлением наблюдал за собой со стороны и отмечал, как изменился после смерти Мазая. Она стала последней каплей - теперь Змееныш все меньше был человеком. Слепая ярость и жажда мести, охватившие его после смерти Мазая - последнего живого существа, связывавшего его с людьми, - ушли в глубь сознания. Их сменила холодая, чистая, расчетливая ненависть. Конечно, он отомстит. И это будет такая месть, от которой не уйдет никто. Не только Слон и его подручные - ни один человек в Зоне. Для этого нужны силы. Силы и оружие. Поэтому Змееныш подолгу спал, хорошо ел - и тренировался дни напролет.

2

Добравшись до заброшенного поселка, отряд Мирового остановился в двухэтажном председательском доме, сохранившемся лучше других построек. Это был запасной схрон, не такой обжитой, как подвалы школы, но сюда было ближе. Раны Кипятка оказались опасными, Мировой подозревал, что тот не выживет. Раненого положили на втором этаже, перевязали и сделали несколько уколов. На пятый день после перестрелки в грузовой станции Кипяток еще бредил. Круча, как сиделка в больнице, промывал воспалившуюся рану, менял повязку, делал уколы обезболивающего и антибиотиков, однако Кипяток не приходил в себя. И в бреду все твердил про сто тысяч. Мировой не мог это слушать и больше не поднимался к раненому.

Всех охватило уныние. Сталкеры спали до полудня, после завтрака валялись на кроватях, почти не разговаривая, старались не смотреть друг на друга. Дылда листал книги из шкафа председателя - какие-то древние отчеты о съездах коммунистической партии и сельскохозяйственные журналы с пожелтевшими страницами, Теленок иногда плакал.

Мировой мрачно ходил по комнате, заложив руки за спину. Круча почти все время проводил на втором этаже возле друга. Рюкзак Рыжего лежал в углу, возле него стояла рюмка, накрытая высохшим куском черного хлеба.

Острее всех упадок сил ощущал Мировой. Для него схватка с долговцами была чем-то большим, чем неудавшаяся операция. На седьмой день он не выдержал и сорвался на спустившегося вниз Кручу:

- Чего похороны изображаешь? - Человек-скала равнодушно посмотрел на Мирового.
- Не шуми, всем хреново.

Мировой с видимым усилием взял себя в руки, прекратил мерить шагами комнату и остановился возле стола. В доме было холодно, влажно, слабо пахло плесенью. За окнами стемнело, под потолком горела люстра в самодельном абажуре; натянутая на проволочный каркас красная ткань окрашивала комнату в тревожные багровые тона. Теленок валялся на кровати, закинув ногу на ногу, Дылда в углу под торшером уткнулся в книгу. Круча прошел к столу, налил в кружку остывшего чая из эмалированного чайника, взял из миски холодную картофелину в мундире, макнул ее в соль, не очищая. Клеенка на столе была изрезана, рисунок почти стерся.

- Как Кипяток? - спросил Мировой, побарабанив пальцами по столу. - Сегодня его бреда не слышно.

- Зашел бы и глянул, - не прожевав, глухо отозвался Круча.
- Хочешь сказать, я плохой командир? - вспыхнул Мировой, в упор глядя на сталкера. Человек-скала пожал плечами.

- Ты сам это сказал, - пробормотал он и громко глотнул.

Мировой ударил кулаком по столу.

- Давайте с этим разберемся! Сколько можно молчать? Вы все думаете, что я слажал и не справился. Упустил Змееныша и награду, подставил Кипятка под пули... так думаете? Ну, отвечайте! - Командир обвел группу взглядом.

Поморщившись, Дылда оторвался от книги:

- Ты не прав, командир.
- Может быть. Тогда объясни, почему ты целыми дня читаешь, никуда не выходишь, почти не жрешь и в глаза мне не смотришь?

Сталкер отложил книгу, поднявшись, подошел к столу, сел рядом с Кручей.

- Ну, хватит. Не вышло, облажались, чего теперь? Ты не виноват...

Мировой упрямо качнул головой.

- Вы все думаете, что я виноват, что я послал вас на заведомо невыполнимую операцию, что я убил Рыжего! - Лицо его побледнело, на щеках выступили красные пятна. Он долго сдерживал себя, и теперь гнев рвался наружу. Дылда с Кручей переглянулись, они еще никогда не видели дисциплинированного командира, бывшего военного, таким.

- Командир, в чем дело? - окликнул его Круча. - Ну, не вышло, так чего теперь кричать? Мы знали, на что шли, и Рыжий знал. В Зоне у каждого смерть за плечом стоит.

Мировой, тяжело дыша, сел и уставился в стену.

Теленок поднялся, подошел к столу, взял из миски картофелину, откусил и принялся вяло жевать, не отходя и не садясь. Задор новичка исчез, Теленок поддался общему настроению и бездумно хандрил. В голове крутилась только одна мысль: неужели теперь всегда будет так? Может, тогда лучше уйти? Он уже забыл, что его привело в Зону, что толкнуло бросить все и присоединиться к сталкерской вольнице.

Мировой поднял голову, посмотрел на равнодушного Теленка.

- Это наказание, - внятно произнес он, переводя взгляд на Кручу. Тот с удивлением посмотрел на помрачневшего командира. - Наказание, - повторил Мировой. - Я не суеверный, вы знаете, никогда ни в какую мистику не верил. Но Зона меня наказала за то, что...

Он не договорил - на окраине поселка завывали на разные голоса псевдопсы и слепые собаки. Все, кроме Мирового, бросились к окнам. Тусклый свет луны озарял темные силуэты, вынырывающие из мрака на краю леса.

- Это же... - начал Теленок.

Волна мутантов захлестнула поселок - большая стая псевдопсов и слепых собак, между которыми неслись кабаны. Услышав щелканье клешней, Дылда крикнул:

- Псевдоплоть!

- Сюда бегут. - Круча поспешил к лестнице, схватив стоящий возле дверей автомат, кинулся наверх. Дылда с Теленком тоже взялись за оружие, выставили стволы в окна и открыли огонь.

Бездеятельным оставался только Мировой. Он стоял посреди комнаты и зло улыбался, не пытаясь взять оружие.

- Мутант пришел отомстить, - почти с облегчением произнес он. - Мутант, Змееныш.

Теленок оглянулся на командира, раскрыв рот, собрался крикнуть что-то, но так и не крикнул.

В маленькой комнатке на втором этаже Круча оттащил кровать Кипятка от окна, выбив стекло, начал стрелять. Псевдопсы, слепые собаки и кабаны бежали по улице к дому, проламывали частоколы. Круча поливал их короткими очередями, то один, то другой мутант падал, но остальные неслись дальше, дом дрожал от их топота.

Вдруг в свете луны мелькнул огромный силуэт. Это еще кто? Круча подался вперед, но не смог разглядеть - чудовище исчезло за углом соседнего дома. Сверху было видно, что в движении необычной стаи, на первый взгляд казавшемся хаотичным, присутствует система: звери делились на несколько групп, и в середине каждой бежал особо крупный мутант.

Кипяток вдруг очнулся, приподнялся на локте, одеяло сползло, открывая замотанную бинтами грудь.

- Круча! - позвал он. Человек-скала с удивлением обернулся.

- Ну! - крикнул он и подскочил к приятелю. - Очнулся?! Ляг, ляг обратно!

- Я его чувствую, - сказал Кипяток и пронзительно ясными глазами посмотрел в лицо Круче. - Он там. - Сталкер вытянул похудевшую руку в сторону окна.

- Да это гон, просто гон! - Круча положил ладони на его плечи, нажал, укладывая обратно. Кипяток не сопротивлялся.

- Нет, это он, - произнес раненый. - Прощай, Круча. - Он закрыл глаза и сложил руки на груди поверх повязки, будто покойник. Потрясенный сталкер выпрямился. Это было так не похоже на веселого забияку Кипятка...

Псевдопсы завывали под самым домом, и Круча, опомнившись, бросился к окну. Выглянул - звери окружали строение, пытались запрыгнуть в окна, двое кабанов топтались на крыльце, толкая дверь. На гон не похоже, подумал Круча и открыл огонь.

На первом этаже Дылда с Теленком почти одновременно прекратили стрелять, поняв, что мутантов слишком много.

- Не переводите боеприпасы! - Дылда отбежал к рюкзаку, выхватил из бокового отделения несколько магазинов и вернулся. Положив рожки на подоконник, он крикнул, перекрывая вой и рычание, проникающие в комнату: - Дверь заперта, они сюда не влезут! Будем стрелять только по тем, кто в окно прыгнет! Командир!

Все еще стоящий посреди комнаты Мировой наконец очнулся - тряхнул головой и, оглядевшись, схватил автомат.

От воя и визга мутантов закладывало уши. В дверь ударили. Наемники переглянулись.

Зазвенело стекло, посыпались осколки, открытая рама покосилась - на подоконник запрыгнул псевдопес. Теленок и Мировой одновременно выстрелили, мутант захрипел, и Дылда пинком сбросил его обратно. На месте зверя тут же возник другой. Дверь затряслась от мощных ударов. Вверху раздалась длинная очередь - Круча стрелял по кабанам, топчущимся на крыльце.

И вдруг тяжелый мерный топот почти заглушил все звуки. На несколько мгновений наемники замерли в недоумении.

Что-то огромное тараном вломилось в дом. Задняя стена осыпалась, в клубах пыли они увидели псевдогиганта.

От удара здание содрогнулось, Круча повалился на пол. Трещина рассекла потолок над кроватью, посыпалась штукатурка, Круча закричал, приподнимаясь, протягивая к товарищу руку, - но ничего не успел сделать. Затрепетала разорванная дранка, трещина расширилась, и

груда облепленных известью кирпичей выпала из нее, как внутренности из распоротого брюха. Они засыпали лежащего в позе мертвеца Кипятка - он умер, не шевельнувшись, не издав ни звука. Обвалилась часть крыши и вся задняя стена, в проломе показалась голова мутанта-великана. Круча сел, поднял автомат и короткой очередью ударил по глазам псевдогиганта.

- Получай, мутант! - заорал он.

Это был странный псевдогигант, видимо, произошла какая-то мутация внутри мутировавшего вида. Обычно у псевдогигантов маленькие, рудиментарные ручки, которыми они ничего не могут делать, но у этой особи были развитые руки, целые лапищи, прямо экскаваторные ковши какие-то!

А потом патроны кончились. Чудовище заворочалось, взмахнуло своими огромными руками - вновь посыпались кирпичи, полетела штукатурка, взметнулась белая пыль. Каменный осколок резанул по виску, половина кирпича свалилась на темя. Круча бросил автомат, выхватив нож, поднялся и побежал, набирая ход, как мощный самосвал. Сделав несколько шагов, он оттолкнулся от поломанных досок на краю пола, прыгнул псевдогиганту на плечи и вонзил нож ему в шею.

Мутант взревел. Ручища, похожая на стрелу подъемного крана, поднялась, пальцы-бревна обхватили человека, сжали, сдавили, как мячик. Хрустнули кости.

Теленок, Дылда и Мировой стояли в центре комнаты спиной к спине. Теленок стрелял по мутантам в окна, остальные двое поливали очередями тушу псевдогиганта. Тот шагнул вперед, верхней частью тела проламывая потолок, раздался крик - и на груду кирпичей возле ног псевдогиганта упало тело Кручи. Он напоминал куклу, попавшую в мясорубку. Голова откинулась под неестественным углом.

Теленок закричал, выстрелы позади Мирового и Дылды смолкли. Матерый псевдопес, прыгнув через окно, поймал пулю грудью, но не остановился. Теленок ударил прикладом, мутант вцепился ему в горло. Сталкер успел выхватить нож - но не смог вонзить в бок зверя, с хрипом упал, под головой растеклась лужа крови.

Мировой обернулся, короткой очередью срезал псевдопса, тот свалился на мертвого Теленка, раскинув лапы. Командир перевел ствол автомата на окно, куда пытались влезть сразу две твари.

Псевдогигант наклонился, сминая вторую стену. Полетели кирпичи, на головы людей посыпалась штукатурка. Под ударами хрустнула и просела дверь. Два мощных толчка снаружи - и крупный кабан, разбив доски, влетел в комнату. Дылда, рывком переместив ствол, открыл по нему огонь. Пули попали в волосатую морду, оставляя кровавые следы, но не остановили мутанта. Тяжелая туша врезалась в Дылду, опрокинула, смяла. Мировой отпрыгнул, с разворота всадив остаток магазина в бок кабана, отщелкнул пустой магазин, вставил новый.

Хриплое дыхание раздалось над головой, сверху протянулась могучая лапа, схватила и дернула. Мировой охнул, когда пальцы-бревна сдавили грудь. Он увидел уродливую морду перед собой - наемник и не знал, что в Зоне обитают такие огромные псевдогиганты, это был настоящий великан, - пасть раскрылась, из глубины зловонной розово-красной ямы дохнуло смрадом.

И тут нечеловеческий голос приказал:

- Оставь его!

Пальцы разжались, Мировой повалился в обломки дерева и битые кирпичи, среди которых лежал Дылда. Сплюнув кровью, командир несуществующего больше отряда встал, краем глаза увидев тонкую фигуру в проломе, едва различимую на фоне ночи. Повернулся - и не смог взглянуть на того, кто появился перед ним. Закачавшись, Мировой отступил на шаг, потом еще, споткнулся, едва не упал. От темного силуэта ползла удушливая мгла, застилала окружающее. Перехватило дыхание, в голове зазвенело.

- Уходи. - Голос звучал скорее как рык зверя, который едва складывается в невнятные слова. - На юг. Скажи всем: я иду. Я убью всех. В Зоне не останется людей.

Лагерь разбили возле уходящего в реку деревянного причала. Берег зарос кустарником, только рядом с настилом было свободное пространство. Палатки поставили за кустами, а

костер развели возле потемневших от влаги досок. Пятка притащил сушняка, подтянул ствол осинки, который сразу порубили на дрова. Иван Васильевич развел огонь, а Красавчик обтесал две рогатины и воткнул по сторонам костра. Недавно к группе Ивана Васильевича присоединились трое свободовцев из южного лагеря, бывший доктор торжественно открыл заначенную для подобного случая бутылку коньяку, и сталкеры душевно посидели у костерка.

Они успели допить бутылку, когда от палаток донесся громкий хруст. Свободовцы и Пятка с Красавчиком вскочили, направив в ту сторону автоматы.

- Это человек, сядьте, - сказал Иван Васильевич.

- Да тут люди иногда такие ходят, что хуже мутантов, - отозвался один из свободовцев, напряженно глядя в темноту. - Эй, выходи! - крикнул он.

Ветки кустов раздвинулись, на поляну перед костром выпал человек. Изможденный, военная куртка изодрана, лицо бледное и грязное, щеки ввалились, воспаленные глаза блуждают из стороны в сторону.

- Что такое?! - Свободовец опустил оружие, вслед за ним то же самое сделали остальные.

- Поднимите его, несите к костру, - распорядился Иван Васильевич. - Он в сознании?

Пятка с Красавчиком подбежали к упавшему лицом в траву человеку, подхватили под мышки.

- Да это вроде Мировой! Помните, док, тогда, в баре? - Пятка нагнулся над сталкером.

- Ну да, я его знаю, - отозвался один из свободовцев. - Что случилось, Мировой? Где твои ребята?

Мировой закашлялся, на потрескавшихся губах показалась кровь.

- Бегите, - прохрипел он. - Бегите все, скоро он здесь будет... Змееныш со своими... со сворой... Убьют всех, бегите!

- У него бред. - Иван Васильевич поднялся, взял котелок и успел перехватить руку Пятки, уже поднесшего ко рту Мирового кружку с остатками коньяка. - Не давайте ему алкоголя! Я сделаю отвар, вы пока положите его, валик под шею и под колени, вон из палатки возьмите полотенце и одеяло.

Мировой захрипел, задержался, когда его начали укладывать, попытался встать:

- Я должен идти! А вы спасайтесь, он всех...

- Нас не тронет, не беспокойся, мы Змеенышу ничего не сделали, - успокаивающе бормотал Пятка, силой пригибая голову сталкера к земле. Свободовцы держали его за плечи, Красавчик сидел на ногах.

Иван Васильевич быстро пошел по причалу в темноту. Почти черные, влажные от вечерней росы доски прогибались под его весом и тихо скрипели. Док дошел до самого конца трехметрового причала, чтобы набрать воды почище - возле глинистого берега она была мутной, - и склонился над темной речкой. Ветра не было, вода напоминала зеркало, отражение луны в облаках у дальнего берега не ломалось, свет не бликовал. Сзади донесся легкий шум, восклицание Красавчика, звуки борьбы. Тяжелый случай, подумал Иван Васильевич, зачерпывая котелком. Придется дать бедняге две капсулы парацетама...

Через мгновение на него обрушился многоголосый вой, и он вскочил, поворачиваясь. Из темноты к костру выскакивали мутанты. Раздались выстрелы, вскрикнул Пятка, завизжал псевдопес... Иван Васильевич побежал назад.

От клубка мутантов отделился крупный силуэт, метнулся навстречу. Лапы ударили по настилу, и черный псевдопес с горящими глазами прыгнул на сталкера. Заводя руку назад, тот отступил к краю причала - и обрушил полный котелок на башку мутанта. Псевдопес рыкнул, крупное тело врезалось в грудь Иван Васильевича, и с шумным плеском они повалились в реку.

Выпустив котелок, док замолотил руками по воде, фыркая и откашливаясь. Рядом барахтался мутант, пытался дотянуться до человека. Зубы щелкали возле самого лица. Иван Васильевич, подгребая одной рукой, нащупал на поясе нож. Когти псевдопса заскребли по груди, распарывая куртку, мутант разинул пасть. Сталкер лег на спину, обеими ногами оттолкнул псевдопса - его самого отнесло немного назад - и, получив свободу маневра,

вытащил наконец нож. Набрав в грудь воздуха, он нырнул. Псевдопес хрипел, подвывал, пытаясь достать человека.

Вода перед Иваном Васильевичем взбурлила, лапа ударила по темени, когти расцарапали кожу. Док выбросил вперед руку с ножом, вспоров брюхо псевдопсу, крутанул, расширяя рану, свободной рукой оттолкнул тварь и вынырнул, жадно глотая воздух. Мутант рядом кашлял и захлебывался. Иван Васильевич ударил еще дважды, а потом зверь скрылся в черной глубине.

Сталкер доплыл до причала, с трудом вылез на доски, оскальзываясь, похромал к берегу. Нож был в правой руке, вода с кровью текла по лицу, заливая глаза, а лежащие в кармане очки треснули - теперь не надеть, надо менять дужки. Тишина, воцарившаяся над берегом, пугала больше всего. Ни криков, ни стонов, ни даже дыхания... Костер догорел, но угли тлели ярко. Иван Васильевич шел, часто моргая, стряхивая влагу с ресниц, не в силах заставить себя ускорить шаг. Расслышав тихое сопение, он вскрикнул, побежал, зацепившись за торчащий из доски сучок, упал, вскочил и прыгнул вперед.

Две пары глаз уставились на него. Два лица были повернуты к сталкеру - отрубленные головы Пятки и Красавчика, насаженные на рогатины по сторонам от костра. В глазах Пятки застыло детское удивление и обида, лицо Красавчика выражало лишь ужас.

Вокруг валялись тела свободовцев. У одного перегрызено горло, у другого пробита копытом грудь, сломана рука, раздавлены пальцы... Земля вокруг разрыта: множество ног и лап потопталось тут. Широкая полоса следов вела от кустов к кострищу и дальше вдоль берега. Сбоку от отпечатков звериных лап тянулась вереница человеческих следов.

Сопение доносилось снизу. Выронив нож, Иван Васильевич на подгибающихся ногах сделал несколько шагов и опустился на колени рядом с Мировым - тот лежал лицом кверху и тяжело дышал. Его не тронули, Док не увидел ни одной свежей раны.

Губы Мирового раздвинулись, он прошептал:

- Я же говорил: спасайтесь...

3

В Лесном Доме было затишье. Почти все группы разошлись по заданиям, осталось с десяток человек для дежурства на стенах в две смены да Игнат с Варварой. Заточка валялся в лазарете, Скальпель заштопал ему бровь, обработал правую руку, укушенную псевдопсом. «Сухожилие ему покровсали, - сказал он Слону, который заглянул посмотреть. Пальцы Заточки скрючились, кисть бессильно висела. - Так и останется».

Но Заточка думал иначе. Как только повязку сняли, он всунул в скрюченную кисть, ставшую похожей на птичью лапу, эспандер и больше не выпускал его, днями напролет разминал пальцы. Скальпель ругался со своим единственным пациентом, уверяя, что руке не помочь, но Заточка упорно продолжал тренироваться, скрипя зубами от боли. Вскоре врач был вынужден признать, что ошибался, говоря о перебитом сухожилии, - рука понемногу обретала подвижность.

Слон вышел из лазарета, куда заходил каждый день. Сегодня Скальпель обещал выпустить Заточку, которому надоело маяться на койке. Утро было хмурое, низкие тучи застилали небо, с ночи собирался дождь - и никак не мог собраться. Слон обошел свои владения, заглянул на склад, где выслушал жалобы Игната на радикулит и нехватку патронов, поставил в уме галочку заказать боеприпасы; заглянув к Варваре, снял пробу с супа и вернулся в кабинет. Работалось плохо, последние дни Слон хандрил. Смутные тревожные предчувствия переполняли его.

В кабинете он задвинул жалюзи, включил настольную лампу, сел к радиостанции. Известие о гибели отряда «Долга», на который Слон возлагал столько надежд, подкосило его, оставалось лишь надеяться, что кому-то из сталкеров удастся прикончить Змееныша. Что же он за тварь, если шестерым тренированным бойцам оказался не по зубам? Последние дни по Зоне ползли какие-то смутные зловещие слухи - но ничего конкретного. Здесь нет журналистов и телевизионных репортеров, чтобы заснять горячую новость и показать в

прайм-тайм по телевидению, нет официальных правительственных новостей и пресс-релизов - поэтому никто ничего толком не знал. Но то, что в Зоне происходит нечто из ряда вон выходящее, понимали все.

Слон оглянулся на дверь возле шкафа, вновь устался на радиостанцию. Надо придумать что-то еще - Большой Хозяин потому и стал Большим, что никогда не ждал милостей от судьбы. Раз не выгорело с долговцами, надо привлечь к поимке мутанта кого-то покрупнее. Рука потянулась к радиостанции...

Резкий тревожный сигнал заставил его вздрогнуть. Слон включил аппарат, настроенный на частоту, по которой он связывался с одним из своих наводчиков.

- Прием, прием! - надрывался голос.

- Это Слон, прием, - отозвался Слон. - Что тако... Он не договорил, голос заорал:

- Мутант твой совсем озверел! Поднял зверье, это хуже, чем гон! Управляет ими, людей убивает... Сталкеры с его пути уходят, пропускают его, слышишь?! Свора Змееныша к тебе подходит - к Лесному Дому!

Несколько секунд Слон сидел неподвижно, потом, ни слова не говоря, отключился. И вновь устался в круг света от лампы, лежащий на столе.

Дверь со скрипом приоткрылась, показалась голова Заточки.

- Хозяин... Скальпель, гад, выпустил меня наконец. - Он вошел в кабинет, сжимая в скрюченных пальцах резиновое кольцо. Вместо грязноватой пижамы, которую выдал Скальпель, на Заточке были защитные штаны, заправленные в ботинки, и старая брезентовая куртка.

Порученец и Слон обменялись взглядами. Последнее время в их отношениях возникла трещина. Раньше Заточка был верен, как пес, угодлив, иногда подобострастен - и очень искренен в своей преданности боссу. Теперь, как казалось, преданность осталась... но что-то было не так в водянистых глазах, которые не моргая глядели на Большого Хозяина, что-то изменилось в сером угрюмом лице. Слону казалось, что Заточка все время мысленно спрашивает его: как ты мог? Как мог выстрелить в спину Оксаны?

Слон и сам то и дело спрашивал себя о том же. И вопрос этот сводил его в могилу: за месяц он постарел на десять лет.

- Что надо делать? - спросил Заточка, переступив с ноги на ногу.

- Ты вовремя, - сказал Слон, отводя взгляд. - Свяжись с полковником.

Постепенно ментальная Зона заслоняла реальную. Змееныш привык смотреть на мир через дымку иного восприятия, но теперь это иное окутывало весь мир. Окружающее посерело, выцвело, стало похоже на старое одеяло, в складках которого были разбросаны клубки чужих сознаний, людей или мутантов.

С тех пор как Свора уничтожила отряд Мирового, хозяин ее не произнес ни единого слова. Благодаря постоянным тренировкам и глухой, мрачной целеустремленности чувствительность и силы его постоянно росли. Теперь Змееныш мог удерживать под контролем несколько десятков элементов, как он про себя называл мутантов, рассылать их по отдельности или группами на полкилометра от себя, а то и дальше. Он продолжал экспериментировать, находил все новых зверей, присоединял к псисети, пока она не разрослась так, что превратилась в запутанную паутину из сотен перекрещенных нитей. Поняв, что переусердствовал, Змееныш отпустил часть мутантов и упростил сеть, создав на ней более симметричный, упорядоченный узор. Часть освобожденных зверей вскоре умерла, он нашел их трупы возле последней стоянки.

Змееныш понял, что сознание мутанта может сломаться, если слишком нажимать. К примеру, нельзя заставлять кабана подчиняться псевдопсу, каждую породу лучше держать отдельной группой, доверяя управление вожаку того же вида, а самому контролировать вожаков. Это избавляет от утомительной необходимости командовать сразу многими десятками сознаний.

Так он открыл ступенчатый контроль. Змееныш мысленно присудил трем вожакам звания сержантов - огромному секачу, крупному серому псевдопсу и старой слепой собаке, рыжей опытной самке. Подчиненные им звери стали рядовыми, Змееныш хотел ввести еще условное звание капитана - но отказался от этой мысли. Четырехслойная сеть слишком

сложна, он опять вернется к запутанным несимметричным узорам. Трех ступеней достаточно: Змееныш в роли капитана, управляющие малыми группами сержанты и рядовые мутанты. Вскоре он понял, что легче ориентироваться в сети, если сержанты получают условные обозначения, то есть имена. Конечно, не слишком сложные - их мозги не способны осознать длинные сочетания символов. Кабан стал Клыкком, псевдопес - Азиатом (у него были узкие темные полосы на морде, издавала напоминая раскосые восточные глаза), а слепая собака - Лилит. Клык был туп и абсолютно бесстрашен, Азиат - свиреп и очень быстр, Лилит - хитра и лукава. Змееныш предполагал, что позже присоединит к Своре еще несколько малых групп, но пока что необходимо добиться полной слаженности от уже включенных в нее мутантов.

Через некоторое время он понял, что стал в сознании зверей кем-то вроде универсального вожака - неким сверхзверем, одновременно кабаном, псом и собакой, объединившим черты разных пород. Могучим, свирепым, безжалостным, но справедливым. Однажды, когда они уже миновали Янтарь и остановились под прикрытием гряды холмов, ему удалось ненадолго взглянуть на себя глазами Азиата. Змееныш увидел грозную косматую фигуру, состоящую из темного дыма. Дым клубился, очертания беспрерывно менялись, фигура то становилась по-кабаньи громоздкой, то вытягивалась, превращаясь в волчью...

Рядовые мутанты, чьи сознания стали узелками псисети, воспринимали Змееныша как сильного зверя с умом человека, намного превосходящим их собственный. А своим сержантам он представлялся аморфной демонической сущностью, могущественным зверочеловеком. Поначалу это сбивало с толку примитивные разумы, мутанты даже пытались восставать против психоконтроля, но после смирились и на свой звериный лад решили, что Змееныш - некая высшая сущность, Бог Зоны. После этого бунт стал невозможен.

Они встали на отдых в заброшенном поселке: мутантов надо было отпустить на охоту и дать им поспать. Полуразрушенные дома кишели крысами, и элементы славно поохотились. Теперь они спали - псевдопсы и слепые собаки рядом, кабаны в стороне, между ними псевдогигант, которого Змееныш назвал Самсоном, а на окраине поселка - два матерых кровососа, Ромул и Рем. Эти имена Змееныш видел в детской книжке по античной истории, которую ему когда-то, очень давно, давал читать Мазай.

Солнце пряталось за облаками. Хозяин Своры устроился в летней кухне посреди заросшего малиной и крапивой сада, разжег печку и лег на лавке, глядя в огонь. В сероватой дымке ментального пространства отчетливо вырисовывалась цель - Лесной Дом на холме. Первый удар должен прийти туда. Оксану убил Слон, Мазая убил Заточка, а послал его опять-таки Слон, значит, сначала умрут эти двое. И все, кто вокруг них. А потом Змееныш начнет планомерно очищать Зону от смрадного дыхания человеческой расы.

Элементы спали - он отпустил всех, кроме вожаков. Сознания Клыка, Лилит и Азиата едва заметно тлели, как и разумы Ромула, Рема и Самсона. Сеть потускнела, почти не занимая внимание хозяина, - лишь благодаря этому он ощутил новые сознания. Внизу, под землей.

Они были куда разумнее зверей. Необычные, какие-то чумные, дикие сознания - нервные, вспыльчивые, агрессивные, полубезумные. Змееныш не сразу понял, кто это, а когда сообразил - резко сел на лавке. Они могут быть полезны, так как способны на множество действий, которые не могут совершать звери в силу своей физиологии. К примеру, ни кабан, ни псевдопес не способны швырнуть камень - разве что кровососы, хотя и они не очень-то это умеют, у них другие достоинства. А уж здоровяк Самсон своей лапищей скорее способен раздавить камень в порошок, чем метко бросить его.

Змееныш потянулся под землю, где, как он понял теперь, находилось несколько подвалов, соединенных коридорами. Потенциальных элементов там было около двадцати - двадцать пять, если считать детенышей. Сознания переливались разноцветными эмоциями, довольно простыми, но разнообразными, почти как у людей.

Стоило коснуться отдельных сознаний, как они взбурлили. Змееныш почувствовал, как мутанты забегали в своих подвалах и начали собираться вокруг одного, самого сильного, чей

разум, до того спящий, ярко вспыхнул. Хозяин Своры ощутил на себе его внимание - как будто кто-то посмотрел ему прямо в глаза.

Вожак. Он-то и нужен. Подчинить вожака - и другие станут послушными. Змееныш замер, вцепившись в край лавки, сосредоточился, растянул писеть, высвободил несколько нитей и стал плести из них жгут. В этот момент чужое сознание запылало факелом и сразу погасло, выплюнув молнию. Пробив пространство, ментальный заряд вонзился в мозг Змееныша.

В висках полыхнул огонь, перед глазами потемнело. Вскрикнув, Змееныш слетел с лавки на землю. Писеть пошла волнами, неслышно затрещала, разрываясь, в дымной полумгле фонариками вспыхнули множество сознаний - спящие вокруг сада элементы просыпались. Донеслось ворчание, утробный рык Азиата. Самсон по-прежнему спал, но Ромул и Рем проснулись. Их разумы были как два болотно-зеленых клубка, слепленных из тины, земли и влажных водорослей, залитых спекшейся кровью. Опасность, хозяин? - вопрос пришел от Лилит.

Змееныш лежал на спине, не шевелясь. В первое мгновение атака обескуражила его: никто из мутантов раньше не пытался нападать, - но он быстро пришел в себя. Успокоительно коснувшись сознания Лилит, Змееныш осторожно разгладил писеть. Одновременно другая его часть продолжала плести жгут из нитей - и когда сознание противника опять начало разгораться, чтобы создать второй псизаряд, Змееныш ударил по нему. Жгут плетью хлестнул по разуму мутанта, по скопищу примитивных мыслей, устремлений, инстинктов, эмоций. Сознание забурило, мутант неслышно взревел от боли, вновь попытался атаковать Змееныша, но тот продолжал хлестать псиплетью, погружая туго натянутый жгут в ментальное пространство чужого разума.

И одновременно он показал противнику себя - спроецировал в его мозг образ, который видели элементы Своры, - грозную косматую фигуру звериного Бога. В ментальном пространстве Змееныш услышал крик... и мутант сдался. Его разум почти погас, лишь отдельные искры мыслей вспыхивали на поверхности.

Змееныш вспотел, ладони стали мокрыми. Он связал жгут петлей, накинуд на волю бывшего противника, сдавил, подчиняя. И едва не переусердствовал - чуть было не сломал чужой разум, но вовремя остановился.

С другими элементами ему хватало одной нити на каждого, а то и одной нити сразу для нескольких, но тут придется держать жгут, постоянно тратя психические силы. Не важно. Зато он получил новый сильный отряд в свою Свору.

Змееныш пустил по жгуту мелкие волны разной длины, передавая приказ: детенышей и старых самок оставить внизу, остальные наверх. Одновременно он связался с сержантами, Самсоном, Ромулом и Ремом, объяснил, что вскоре из-под земли появятся новые элементы, с ними не следует воевать. Лилит заинтересовалась, Клыку было все равно, Азиат свирепо рыкнул: драться! Нет, не драться, успокоил его Змееныш. Драка будет скоро, большая драка, Азиат и его рядовые останутся довольны. А пока что следует принять новичков, которые появятся вот-вот...

Тут как раз они и появились: неподалеку тяжело заскрипела дверь, и поднявшийся на ноги Змееныш пошел через сад.

Оказалось, что это не дверь, а крышка амбарного люка возле сарая. Посреди поля с могучим зевком уселся спящий в бурьяне Самсон, протер кулаками глаза, огляделся. Вокруг поднимались головы псевдопсов, из-за покосившегося забора выглянула Лилит, над оградой возникли головы кровососов - все ждали новичков из-под земли.

И те явились - один за другим, щурясь от непривычного света, наружу полезли бюеры. Азиат, вынырнувший из бурьяна, зарычал, Змееныш ощутил волнение в писети, движение элементов, и властной рукой утомил всех. Мутанты-карлики столпились вокруг люка, толкая друг друга, почесываясь, неразборчиво ворча. Азиат скалился, широко расставив лапы. В ментальном пространстве повисло напряжение, все элементы ощущали, что снизу поднимается самое мощное сознание из табора бюеров. От него к разумам всех карликов тянулись управляющие нити. Донесся звук неровных шагов, бюеры посторонились,

освобождая проход, заскулил какой-то молодой элемент из отряда Лилит, шерсть на загривке Азиата стала дыбом.

Глава табора выступил под солнечный свет.

Для бюрера он был огромен. Пузатый, кривоногий карлик с могучими плечами и длинными, как у обезьяны, руками, похожий на старую гориллу. Тугое коричневое брюхо перетягивал пояс из грязной ткани с бахромой. Из-под нее, будто клинок, выступала берцовая кость. Черные волосы, вымазанные жиром, висели сосульками. В расплющенный коричневый нос было вдето звено ржавой колодезной цепи. В руке вожак, словно топорик, сжимал челюсть какого-то мутанта. Прихрамывая на левую ногу, с хрустом сгибая и разгибая узловатые колени, он прошел сквозь толпу бюреров, волоча за собой челюсть мутанта, и остановился напротив Змееныша. Горящие мрачным темным огнем глаза оглядели Свору. Кто-то вновь заскулил, кто-то попятился, поджав хвост, глухо заворчал Самсон, Азиат, не сдержавшись, коротко рыкнул. Повернув голову, вожак табора посмотрел на Змееныша. Несколько секунд они стояли не шевелясь, потом бюрер стукнул себя кулаком в грудь и склонил голову набок.

Шайтан, передал Змееныш по всей псисети. Имя нового сержанта - Шайтан.

Глава одиннадцатая. Лесной дом. Атака

1

В ворота Лесного Дома въехал военный джип. Водитель хорошо знал это место и сразу подрулил к крыльцу водокачки. Дверца открылась, наружу вылез располневший полковник Рябой. Слон встретил его на крыльце, они с полковником обменялись вялым рукопожатием.

Большой Хозяин проводил гостя не в кабинет, где обычно вел дела, а на третий этаж, в круглую гостиную. Там был накрыт столик между двух кресел: виски, сигары, водка, семга, масло, свежий хлеб, острая овощная закуска - Варвара постаралась.

- Садись. - Слон кивнул на кресла.

- О, какая встреча! - Рябой ухмыльнулся, но приглашения не принял, встал за спинкой, сцепив руки на животе. Держался Рябой несколько напряженно: ему не нравилось, когда его вызывают. Хотя полковника вроде бы просто пригласили - но отказаться он не мог, потому и ощущал себя не в своей тарелке. «Приезжай срочно!» - что за наглость?

Слон заметил скованность гостя.

- Ну как знаешь, - сказал он. - Раз не хочешь перекусить, давай сразу к делам. - Хозяин уселся в кресло, откупорил виски, плеснул в стакан, взял кусок хлеба, кинул сверху ломтик рыбы, выпил и стал жевать. Полковник почувствовал себя еще более глупо - теперь он стоял как нашкодивший мальчишка перед директором. На круглом лице отразилось недовольство, но тут же исчезло. Вынужденно улыбнувшись, Рябой обошел кресло и присел на край.

- Как-то ты неожиданно меня... пригласил, Слои, - протянул он. - Чем обязан, с чего спешка? Последний груз скинули без проблем, курьера в Белой Церкви встретили, сейчас он на съемной квартире, скоро вернется с деньгами... - Он замолчал, видя, что хозяина сейчас не очень-то интересует все это.

Слон прожевал, обтер пальцы о штаны, глотнул виски.

- Слышал, что в Зоне творится? - спросил он, уставившись на гостя. - Или вас на Периметре не касается, пока не докатится?

Рябой нахмурился.

- Ты об этом нашествии мутантов? Слушок доходил...

- Слушок! - Слои отставил стакан. - Так я тебе добавлю слухов! Змееныша помнишь? Щенок у меня жил, я его выгнал потом...

Полковник неопределенно пошевелил пальцами.

- Которого сталкеры своим талисманом прозвали?

- Талисман, мать их! Спятил твой талисман!

Слон дрожащими пальцами потянул сигару из коробки, сунул под нос Рябому. Тот взял ее, покрутил, но курить не стал. Слон вытащил вторую, откусил кончик, выплюнул на ковер, щелкнул стоящей на столике зажигалкой в виде черепа псевдогиганта. Затянувшись густым сигарным дымом, медленно выдохнул и заговорил дальше:

- Этот Змееныш гонит мутантов. Их называют Сворой. Они идут из-за Янтаря и уничтожили уже кучу людей, которые попались на пути. Группу Мирового, лагерь дока, других - а про кого-то мы просто не знаем. И Свора идет сюда, к Лесному Дому. Мне нужна помощь, Рябой.

Услышав последние слова, разглядывавший сигару полковник вскинул голову. Он впервые слышал, чтобы могущественный Слон прямо просил о помощи. Рябой сунул сигару в нагрудный карман, похлопал ладонью по подлокотнику и спросил немного растерянно:

- Но я-то что тут могу?

- Дай солдат. Змееныш поднял волну мутантов, и скоро они будут здесь. А у меня половина людей в Зоне. Две группы я вернул, но этого все равно мало. Защити меня, кровосос побери, это в твоих интересах!

Полковник поднялся, обошел кресло и опять встал за ним, сцепив руки за спиной.

- Боюсь, Слон, что ваша просьба невыполнима, - произнес он официальным тоном. - Чтобы армия защищала stalkера... пусть даже такого, как вы? Это превышение полномочий, я не могу отдать такой приказ.

- Так придумай что-нибудь, чтобы смочь! - зарычал Слон. - Ты забыл, что ли, кому своим чином обязан? Счет в банке в Люксембурге тебе кто открыл? Кто его пополняет регулярно? Кто...

- Заткнись! - выдохнул Рябой. - Я эти деньги отрабатываю! И с должностью ты не по доброте мне помог - а потому что свой человек на Периметре нужен был, крупный человек, а не рядовой!

Слон горящими глазами уставился на него. Рябой одернул китель, успокаиваясь.

- Забываешься, Слон. Не ты один мой счет пополняешь. Сидоровича знаешь? Или Курильщика? Тоже не последний человек. А насчет помощи - как ты это себе представляешь? Как я могу послать солдат в Зону охранять кого-то? Я в армии служу, а не в банде! У меня есть свое начальство. Ты хоть отдаешь себе отчет, чего от меня хочешь?

- Да мне плевать! - заорал Слон. - Ты это можешь оформить как спецоперацию какую-то!

- Какую еще спецоперацию? - изумился Рябой.

- По уничтожению мутантов! Вам там еще не донесли, что Змееныш пообещал всю Зону очистить от людей? После Лесного Дома он кинет своих мутантов на тебя!

- Ты совсем спятил?! Военную базу он никогда не захватит!

Слон вскочил, едва не перевернув стол, шагнул к побледневшему Рябому, сжимая кулаки.

- Так, значит... - сказал он придушенно. - Тогда вот что, полковник. Каждая наша сделка у меня зафиксирована. Я передам все отчеты твоему начальству...

- Которое тоже в доле, - криво улыбнулся Рябой, но глаза его забегали. - Слон, чего ты добиваешься? Хочешь все дело засыпать? Ладно, это твое решение. Но не думай, что ты единственный, с кем можно... - Он рубанул воздух ребром ладони и заключил: - Мы не можем с тобой договориться, я уезжаю.

- Никуда ты не поедешь. - Слон положил огромные ладони на столик, наклонился вперед. - Помнишь полковника Курочкина, прошлого начальника базы?

Рябой напрягся, полное лицо побледнело.

- Курочкина? - хрипло повторил он. - Да он умер давно, с чего ты вдруг о нем...

- Но как умер? Это я тоже знаю, Рябой. И кое-какие фотографии у меня остались. Да и свидетели найдутся, если хорошо пошукать.

- Да будь ты проклят, тварь! - выдохнул Рябой. Вытащив из кармана сигару, он сломал ее, смял и швырнул в лицо Слона облачко сухой коричневой трухи, после чего, развернувшись, бросился вон из комнаты.

Слухами Зона полнится. То, о чем пока не ведали военные Периметра - а вернее, чему они пока не придавали особого значения, - знали уже все сталкеры, обитатели временных лагерей, постоянных баз, одиночки и отряды, командиры группировок, бродяги и перекупщики: Мутант идет к Лесному Дому. И Свора его все больше. Уже никто не вспоминал старое имя, теперь его называли только так.

Поначалу ему еще пытались мешать, находились отдельные смельчаки с СВД или отчаянные бригады, желающие заполучить сто тысяч, однако после гибели крупного отряда свободовцев все лишь спешно убиралось с пути Своры. Если бы «Долг» со «Свободой» заключили перемирие и провели совместную операцию, возможно, им удалось бы разбить не слишком пока многочисленное войско Мутанта. Но группировки, разобщенные длительной враждой, не смогли найти в себе силы для этого.

Больше не осталось никого, кто мог бы помешать ей, - и наконец Свора подошла к Лесному Дому.

Прихрамывая, Слон обходил свои владения и расставлял посты. В Лесном Доме осталось меньше двадцати человек. На водокачку затащили еще два пулемета, чтобы можно было простреливать склон со всех сторон. К Филину на крыше присоединились Емеля и Заика. Две срочно прибывшие из Зоны группы, забравшиеся недалеко и успевшие вернуться, встали на стены - четыре человека Лысого и пятеро Деляги. Трое носили наверх стволы и цинки с патронами, ворота склада были распахнуты настежь, старый Игнат топтался возле них и все бормотал, разводя руками.

На него не обращали внимания. Варвару загнали в водокачку, там также оставались Колобок с Заточкой и Слон, который поднялся на крышу и с помощью мини-рации руководил действиями сталкеров. Филин в бинокль осматривал окрестности, по большей части он глядел на север и северо-запад: Змееныш должен был появиться оттуда.

Мертвый, Коновал и Дикобраз, закончив таскать боеприпасы, присоединились к сталкерам на стенах. Тревожная тишина повисла над Лесным Домом.

* * *

Переходя овраг по широкому бревну, Змееныш на миг сбился с шага, но затем пошел быстрее. Поток псевдопсов и слепых собак захлестнул окрестности, за ними выступало стадо кабанов, следом топал, сотрясая землю, Самсон, семенили бюреры во главе с Шайтаном, замыкали Ромул и Рем.

Змееныш в который раз обдумывал план нападения. Сложнее всего было с бюрерами: даже их относительно развитое сознание не могло справиться со стрельбой из автомата. Ведь это не только нажимать на спусковой крючок, но и целиться, перезаряжать... До того Змееныш не стремился обзавестись оружием, но после появления Шайтана с его карликами забрал стволы и ножи у убитых свободовцев. Он понимал: придется брать бюреров-стрелков под личный контроль, как бы это ни сказалось на ходе всей операции.

Зона затаила дыхание в ожидании грозных событий. Солнце повисло низко над горизонтом, казалось, даже облака не движутся в чистом бледно-голубом небе. Первыми из леса выбежали кабаны. Филин, прокричав на весь Лесной Дом: «Идут!!!», нервно дернул спусковой крючок, и тишину разодрала короткая очередь.

- Стой! - гаркнул Слон в ухо сталкера. Тот икнул от волнения и вытер мокрые ладони о штаны. Емеля с Заикой вытянули шеи, глядя на несущееся к холму стадо крупных, как на подбор, мутантов.

- Там же мины... - прошептал Емеля, облизнув сухие губы.

- Вот и берегите патроны, - отрезал Слон, сжимая рацию. - Стреляйте в тех, кто прорвется.

Змееныш не просто приказал Клыкку направить стадо к зданию на вершине холма. Чтобы привести кабанов в ярость, он через псисеть подключился к их простым сознаниям, нашел в каждом тлеющую искорку природной ярости и раздул ее несколькими ментальными импульсами. Затем поднял на поверхность собственную ярость - как тогда, давно, когда погибла экспедиция Мазая, - и послал ее кабанам. Ненависть ко всему живому застила

разумы мутантов красной пеленой, и кабаны ломанулись по склону, ничего не видя перед собой.

Черно-коричневое цунами захлестнуло подножие холма. Змееныш подтолкнул, и волна разделилась на три потока - средний хлынул вверх, два других пошли в обход, огибая холм, заходя с других сторон.

- Стратег хренов. - Слоны сплюнул и крикнул в рацию: - Готовсь!

Топот ног сотрясал землю. Мутанты промчались между развалюхами в нижней части склона и вырвались на открытое пространство, разбивая копытами опоясывающую холм дорогу.

Мощный взрыв взметнул фонтан земли, разбросав нескольких кабанов. Других ранили осколки, и мутанты заматались, давя друг друга, натыкаясь на новые мины, на остатки изб, оград, колодезных срубов и сараев. Заика что-то пробормотал, Емеля зажмурился.

Послышались взрывы с южной стороны и тут же - с западной. Сталкеры на стенах пригнулись, затыкая уши. Дым застилал склоны, уже невозможно было разобраться, что там происходит, из сизых клубов взметалось пламя, грохот взрывов. Визг и хрюканье раскатились по лесу.

Змееныш не стал выбирать себе хорошее место для наблюдения, залезать на дерево или искать другую возвышенность: ему не надо было видеть глазами. Он сел на обочине дороги спиной к холму, опустив ноги в канаву, сложил руки на коленях, сощурившись, окинул мысленным взором картину боя. Ощутил новые сознания, злобные и хитрые... Ага, это крысы, прячущиеся в некоторых подвалах и амбарах.

Загрохотали взрывы, Змееныш почувствовал замешательство кабанов и усилил давление, поддал ярости, как машинист подбрасывает уголь в топку паровоза, направил оставшихся в живых к бетонной стене вокруг водокачки. Нужно взорвать как можно больше мин, чтобы расчистить дорогу остальным. Кабаны носились по холму, врезались друг в друга, пропарывая клыками бока, снова натыкались на мины - и гибли.

Взрывы стали реже, вскоре они почти стихли. Ветер относил дым к лесу, сквозь сизые клубы стали поступать очертания разрушенных построек и трупов между ними. Некоторые развалюхи остались целы, но большинство рассыпались, две избы горели.

Клык прорвался к ограде, сознание его вспыхнуло свирепой яростью, но тут загрохотал пулемет. Если бы секач успел добраться до подножия бетонных плит, пулеметчик с крыши не смог бы его накрыть, но мутант не успел - крупнокалиберные пули пробili спину, сломали хребет. Азиат, лежащий на дороге за спиной Змееныша, вскочил, тихо взывал, скребя когтями землю. Змееныш послал ему успокаивающий импульс. Что-то глухо пророкотал Самсон, поднял голову сидящий под деревом Рем, а Ромул поскреб кривыми когтями грудь. Скоро, передал Змееныш по всей Своре.

Вслед за Клыком из дыма к ограде вырвались последние кабаны - их осталось с десяток, не больше.

- Огонь! - скомандовал Слоны.

Застучали пулеметы, сталкеры на стенах тоже начали стрелять. Ослепленные яростью и дымом кабаны неслись вперед и падали под пулями, не пытаясь увернуться.

- Ага! - закричал Емеля, водя стволом из стороны в сторону, и тут же воскликнул: - Это что такое?!

Из леса выскочили слепые собаки. Впереди стаи длинными прыжками мчалась рыжая самка.

Беспрепятственно преодолев склон, они с лаем начали носиться вокруг стены.

- Дьявол! - взревел Филин, пытаясь накрыть очередью рыжую самку. - Они ж наши выстрелы чувствуют!

Некоторым мутантам действительно удавалось увернуться от пуль, отпрыгивая в последний миг. Их все равно убивали, но телепатические способности собак усложнили задачу осажденных. Лежащие за пулеметами Филин, Емеля и Заика перебили больше всех, сталкерам на стенах везло меньше, они часто промахивались. Собаки продолжали носиться вокруг стены, лая и рыча. Люди, чувствуя себя в безопасности, ощутили азарт - это

напоминало тир со стрельбой по движущимся мишеням, и на стене даже стали раздаваться смешки, кто-то предложил соседу на спор, что сумет пристрелить больше мутантов...

Этого и добивался Змееныш. Увлеченные стрельбой сталкеры не увидели, как псевдогигант под охраной пятерых вооруженных автоматами бюреров вышел из леса. Самсон успел подойти почти к самым воротам, когда его наконец заметили сквозь дым. Со всех сторон зазвучало:

- Эй!

- Смотрите!

- Идут!

- Что это?!

Бюреры с человеческим оружием! Невиданное зрелище вызвало среди сталкеров панику. Неужели Мутант что-то сделал с этим подземным отродьем, что-то мистическое, непонятное, отчего полуживотные-полудикари разом поумнели и научились обращаться с автоматами?

Кулак Самсона обрушился на ворота. Створки содрогнулись, жалобно заскрипели петли. Сталкеры возле ворот высунулись из-за стены и открыли огонь. Сидящий на обочине Змееныш вцепился в свои колени. Одновременно подняв автоматы, бюреры вдавили спусковые крючки. Один сталкер вскрикнул, схватившись за плечо, упал на землю, другие поспешно спрятались.

С крыши водокачки пулеметчики не могли стрелять по псевдогиганту: его скрывали ворота.

Пока пятерка бюреров защищала Самсона, в атаку включились остальные карлики. Раздался хриплый вой, он быстро нарастал. Филин перекрестился, увидев подземного жителя, непривычно высокого, с отвисшим брюхом и огромной челюстью в руках, который вырвался из-за развалин. За ним бежали другие карлики, а впереди склон окутывало разреженное серое облако, оно катилось, постепенно густея, увеличиваясь...

- Камни! - крикнул Филин. - Берегись!!!

Сотни поднятых бюрерами камней заколотили по ограде, по стене водокачки и по головам тех сталкеров, кто не успел спрятаться. Рухнул с проломленным черепом Скальпель, завизжал, прижав ладонь к раздробленному плечу, Лысый.

Для Змееныша это была самая сложная часть атаки. Приходилось держать в голове сразу пять сознаний, контролировать их одновременно, смотреть пятью парами глаз, десятью руками поднимать автоматы, пятью пальцами нажимать на спусковой крючок, целиться в пять разных целей... Пять картин мира накладывались друг на друга, мешаясь, с пяти разных ракурсов чередовался обзор на ворота и стены вокруг - а ведь еще надо было заставлять Самсона ломать створки, сдерживать рвущихся в бой псевдопсов и направлять слепых собак, которые по-прежнему отвлекали сталкеров на стенах. Он много тренировался, но голова все равно болела, ее будто распирало от множества картин и чужих эмоций, перед глазами ползли пульсирующие круги. Уже несколько раз он терял контроль то над одним, то над другим бюрером-стрелком, с трудом восстанавливал - пока наконец не понял: минута-другая, и писеть рассыплется.

Самсон, попятившись, сделал несколько шагов и врезал в ворота плечом. Сведя вместе руки, ударил кулаками, отошел, взял разбег - и снова толкнул плечом. Створки стонали, скрипели, гнулись, из креплений посыпались болты.

На крыше резко пахло порохом. Макушка псевдогиганта иногда мелькала за створками, бюреров вообще не было видно. Выругавшись, Слон схватил гранату, швырнул ее за ворота, но не добросил. Рвануло во дворе, осколки посекали ноги прячущегося на ограде сталкера, тот заорал, упал вниз. Слон опять выругался. Псевдогигант снова ударил в ворота.

- Прикрой меня! - велел Мертвый Дикобразу. Отложив «калаш», он взял свою СВД. Дикобраз выставил ствол автомата из-за стены и открыл огонь. Мертвый прислушался к тяжелым мерным ударам и скрипу металла, выбрав момент, высунулся и не целясь вогнал пулю в глаз Самсона.

Змееныш мысленно отпрянул, ощутив острую боль, пронзившую псевдогиганта, и послал приказ. В ментальном пространстве время движется иначе - с точки зрения обычной физической реальности сигнал был молниеносным.

Через мгновение после того как Мертвый выстрелил, один из стоящих под воротами бюреров повернул автомат и вдавил спусковой крючок. Мертвый выпрямился, удивленно посмотрел на Дикобраза, коснулся указательным пальцем черно-красной дыры посреди лба - и в обнимку с винтовкой повалился во двор. Пули распоролы воздух над головой, Дикобраз присел, прислонился спиной к стене, тяжело дыша. Сердце его бешено колотилось.

Самсон сделал неверный шаг. Второй. Начал заваливаться влево. Змееныш, ощутив это, дал импульс, псевдогигант выставил ногу и устоял. Змееныш мысленно подтолкнул его. Самсон упал лицом вперед, прямо на ворота, - и со скрежетом проломил одну створку.

- Огонь! - заорал Слон, увидев в открывшемся проеме пятерых карликов с автоматами.

Через долю мгновения Змееныш приказал бюрерам отступить. Двое шагнули в стороны, под прикрытия ограда, стреляя по тем, кто пытался высунуться сверху, остальные пошли назад. Один упал, когда Емеля выстрелил ему в спину, а потом во двор Лесного Дома хлынули слепые собаки. Со стен сталкеры начали стрелять по ним, застучали все три пулемета на крыше.

Дикобраз только перезарядил «калаш», как рядом с ним на бетонную полку вспрыгнул огромный пузатый бюрер с ржавой серьгой в носу. В руках он сжимал человеческую берцовую кость и челюсть какого-то мутанта. Темные глаза, полные хитрости и безумия, уставились в лицо сталкера. Такого страшилища Дикобраз еще не видел. Разинув рот, он ткнул стволом в коричневое брюхо, но выстрелить не успел - Шайтан обрушил челюсть ему на голову, и Дикобраз без вскрика упал на землю..

Сунув кость за пояс, Шайтан нацепил челюсть на предплечье и спрыгнул во двор.

- Куда он?! - закричал Слон, увидев, как огромный бюрер ныряет в сторожку, стоящую сбоку от проломленных ворот. - Подстрелите его!

Но никто ничего не успел сделать - Шайтан выкатился обратно, сжимая подсумок с гранатами, и рванулся наружу. Вслед запоздало простучал пулемет Емели, а Шайтан скрылся в туче пыли, окутавшей основание холма.

Через несколько секунд бюреры вернулись - теперь вместо камней они несли гранаты. Слон, выпрямившись во весь рост на краю крыши, окинул долгим взглядом происходящее внизу и громовым голосом проорал:

- Отступать! Всем отступать!

Гранаты взлетели, и череда взрывов прокатилась по вершине стены.

- Все со стен! - Слон включил рацию, хотя теперь в этом не было смысла. - Лысый, Деляга, уводите людей! Прекратить огонь!!! - Он пнул лежащего у пулемета Заику.

Сталкеры стали прыгать с ограда, и одновременно стая псевдопсов под предводительством Азиата ринулась во двор.

- Отходите в водокачку! - орал Слон, перегнувшись через бордюр. Но было поздно: его люди схватились с мутантами врукопашную, а пулеметы молчали, невозможно было стрелять без риска задеть своих.

- Вниз! - Слон схватил Филина за плечо, вздернул на ноги. - Быстро вниз!

На крышу упала граната, закрутилась у бордюра. Слон, последним нырнув в люк, захлопнул крышку. Над головой раздался взрыв, посыпалась бетонная крошка.

На крыльце Заточка вонзил нож в брюхо псевдопсу. Мимо пробежал Дикобраз. Коновал, держась за плечо, вырвался из свалки тел - крупный серый мутант с черными полосками на морде прыгнул ему на плечи и мощными челюстями вгрызся в затылок. Сталкер упал, разбросав руки, на пальцы ему наступил Деляга, заскочил на крыльцо, но в спину ему полетела граната. Заточка едва успел повалиться внутрь водокачки и пинком прикрыть дверь. Гроыхнул взрыв, башня дрогнула. Когда дым рассеялся, Заточка поднялся, достал пистолет и выглянул. В глаза ему смотрели два кровососа. Заточка выстрелил, отпрянув, захлопнул дверь, заложил засов.

Оставшихся на дворе сталкеров добивали псевдопсы. Серые с рыжими подпалинами спины заполонили двор, между ними рыскали слепые собаки. Бюреры остались на склоне.

Змееныш внутренним взором окинул холм. Людей в водокачке явно немного, все элементы собрались вокруг нее. Змееныш потянул нити, ведущие к болотно-зеленым сознаниям Ромула и Рема, пустил волну приказа: Ломайте дверь. Поднялся, отряхнув штаны, пересек дорогу и стал подниматься по склону холма, продолжая наблюдать за обстановкой. Вот Лилит зализывает рану на боку, а это Азиат с наслаждением вгрызся в горло Деляги... Шайтан сидит на вершине ограды, равномерно стуча костью по бетону, разглядывает окрестности, и в глубине его сознания ворочаются темные, бунтарские мысли... Клык мертв, как и Самсон...

В этот момент Ромул и Рем, едва не столкнувшись головами, одновременно с разбегу врезались в дверь водокачки.

По зданию разнеслось эхо удара. Стоящие на лестнице Слон с Заточкой переглянулись. Порученец поднял пистолет, Слон отступил на ступень выше, прижимая к боку «калаш». Удар повторился - казалось, вздрогнул весь холм. Вверху тихо скрипнула дверь, раздалися шаги, Слон поднял голову, увидел, кто появился в верхней части лестницы, и закричал:

- Иди к себе!

А потом сквозь рычание, предсмертные крики, фыркание и тяжелые удары в обиталище Слона проник рокот вертолетных винтов.

Звук донесся с юга, и Змееныш недоуменно поднял голову. Что это, военные? Откуда они здесь, зачем?

Заложив крутой вираж, Ми-24 открыл огонь из пары четырехствольных пулеметов, и пули калибра двенадцать и семь смертельным градом накрыли двор. Псы взвыли и заметались, протяжно захрипел Ромул, спина Рема взорвалась, когда в нее попали сразу несколько пуль. Шайтан, будто не замечая вертолета, еще несколько секунд разглядывал двор, потом кувыркнулся спиной назад и пропал из виду. Мутанты рванулись наружу - через проломленные ворота, по трупам Самсона. Немногие сумевшие выжить псевдопсы, слепые собаки и бюреры побежали по склонам к лесу. Вспыхнуло алой ненавистью и погасло сознание Азиата. Разорвался, будто в него бросили гранату, разум Лилит, во все стороны разлетелись розовые ошметки - и рыжей самки не стало.

Псисеть порвалась. Змееныш схватился за голову, согнулся пополам. Череп заполнился многоголосым воем, охватившая мутантов паника ударила в него, швырнула на землю. Несколько мгновений он еще видел угольки чужих сознаний - и ярко горящее пятно разума Шайтана, который бежал в лес вместе со всеми, но, казалось, пытался остановить панику у рядовых элементов, подчинить их себе, причем не только тварей своей породы, но всех, кто выжил. Змееныш выпрямился, потянулся к бюреру, передавая приказ: Останови их, верни к холму. И вдруг ощутил в ответ злорадство, презрение. Теперь я - хозяин Своры! Это было последней мыслью Шайтана, которую услышал Змееныш, потом вожак бюреров исчез из ментального пространства.

Вертолет, покружив над холмом, сел на крышу. Пулеметы стихли. Раскрылись дверцы, наружу выскочили четверо десантников. Поднялась крышка люка, наверх выбрался Заточка, потом Слон. Закричав, порученец показал в сторону Змееныша, вскинул пистолет, выстрелил не целясь - и неожиданно для себя самого попал. Пуля ударила над правой лопаткой, прошла навылет, Змееныш упал. Люди на крыше водокачки уставились на него.

Змееныш встал, покачиваясь, побежал с холма.

- Следи за ним! - крикнул Слон. Порученец прыгнул к бордюру, водя биноклем из стороны в сторону. Слон, окинув коротким взглядом командира отряда, кивнул на открытый люк. Четверо десантников стали спускаться в водокачку, а Слон полез в кабину вертолета. Там он переговорил с пилотом, и когда соскочил обратно на крышу, машина взлетела.

- Вижу его! - завопил Заточка и махнул пилоту, указывая направление.

2

Змееныш быстро шел по редколесью, зажимая рану под ключицей. Надо собирать новую Свору, тренировать элементы, разрабатывать план... сколько на это уйдет времени?

Сзади накатил рокот винтов, громыхнул четырех-ствольный пулемет - и деревце рядом взорвалось щепками. Ствол переломился, крона свалилась под ноги, Змееныш прыгнул вбок, едва не наткнулся на «карусель», отскочил и побежал зигзагами, от дерева к дереву. Росли они тут редко, по большей части молодняк - спрятаться негде.

Вертолет, заложив вираж, открыл огонь из обоих пулеметов. Из земли вокруг ударили черные фонтаны, осины и березки с хрустом ломались, взвивались смерчи листвы. Змееныш бежал, ныряя то влево, то вправо, и с каждым шагом кровь толчками выплескивалась из раны.

Впереди, за ельником, было небольшое болотце, когда-то шестилетнего Змееныша туда привел Мазай - чтобы показать, как добывают артефакты. Там бегущий через лес ручей разливался по лугу, большая часть воды скапливалась в низине у опушки, застаивалась и цвела. На другой стороне луга стояла старая вышка высоковольтной линии электропередач, с нее свисали оборванные провода. Вышку обсели вороны, при появлении вертолета они загалдели.

Змееныш с разбегу прыгнул в болотце и наполовину поплыл, наполовину пополз, колотя руками и коленями по скользкому дну. Пули вспороли воду позади, он нырнул, оттолкнувшись от жижи, куда руки ушли чуть не по локоть, послал тело вбок, ухватился за осоку, подтащил себя еще немного.

Пули взбили жижу, взлетели струи грязи, болотце покрылось волнами, закачались островки зелени. С сухим шелестом заколыхался камыш на берегу. Вертолет пронесся над болотцем и пошел на разворот в опасной близости от вышки ЛЭП. Загребая из последних сил, Змееныш потянулся к стае воронов и ударил по ним, вложив в импульс все, что осталось в его душе. Несколько черных тел рухнули с металлических штанг, замертво упали на землю, но остальные взлетели, истошно галдя. Черная туча поднялась над лугом - и вертолет врезался в нее.

Змееныш вынырнул, жадно вдыхая. Застучал пулемет, вода рядом забурлила от пуль, но выстрелы тут же смолкли. Змееныш выбрался на большую кочку, отер грязь с лица, наблюдая за происходящим сверху. Вороны облепили лобовое стекло. Вертолет клюнул носом и пошел вбок. Корпус задергался, в рокот винта вплелось бульканье - и накренившийся вертолет полетел к земле. Он дотянул до края луга и врезался в вышку ЛЭП. Несущий винт подрубил боковую штангу, корпус машины словно размазался от немилосердной вибрации. Черные перья и клочья птичьих тушек разлетелись во все стороны, потом корпус смялся, и машина рухнула вниз.

Тяжелый металлический стон разлился над лугом. Это была так называемая специальная концевая опора, где воздушная электролиния переходила в систему подземных кабелей, она стояла не прямо на грунте, а на бетонном фундаменте. Опора дрогнула - и стала крениться, падая на вертолет, выворачивая из фундамента концы несущих штанг. Оставшиеся в живых вороны с хриплым карканьем кружили над ней.

Змееныш выбрался из болота, добрал до ельника и упал.

Глава двенадцатая. Лесной дом. Месть

1

Рана болела, правая рука не двигалась. Кое-как поднявшись, он побрел к болотцу. По дороге сюда Змееныш едва не наткнулся на «карусель» - может, там есть и артефакты?

Так и было: недалеко от аномалии он нашел «кровь камня». Обмотав артефакт влажными листьями, Змееныш приложил его к ране. Солнце опустилось к самому горизонту, по лугу протянулись длинные тени, стало прохладней. Разбитый вертолет бесформенной кучей лежал возле леса, вышка ЛЭП опиралась на него, застыв наискось к земле. Оставшиеся в живых вороны улетели, стояла тишина. Змееныш сел под старой березой, прислонился к стволу, закрыл глаза и стал ждать ночи, собираясь с силами.

Сталкеров в Лесном Доме осталось мало, мутанты ему сейчас не нужны: он проберется по лазу, который когда-то показала Оксана, и убьет Слона с Заточкой. Уйдет в глубину Зоны, отыщет Шайтана, уничтожит его, а после соберет новую Свору. В этом нападении на Лесной Дом он получил большой опыт, его следующая армия будет в несколько раз крупнее и куда лучше организована. Надо найти и подчинить контролеров - молодых, неискушенных, которыми он сможет управлять. Змееныш станет маршалом, они - генералами, еще будут капитаны, сержанты и рядовые - таким способом он сможет создавать отдельные войсковые подразделения, разбивать Свору на несколько крупных отрядов и посылать их разными путями, окружать противника, брать в клещи... Даже если военные пришлют еще вертолеты - они не спасут людей в Зоне. Зверья хватает, эти земли кишат мутантами. Змееныш раз за разом будет наносить удары, ведя то полномасштабные боевые действия, то партизанскую войну. В конечном счете люди ничего не смогут ему противопоставить, он выдавит их за Периметр и станет хозяином здесь.

Но это все потом - а сейчас он убьет Слона.

- Он вернется, - сказал Слон крепкому коренастому сержанту с ежиком светлых волос. Они стояли в круглой гостиной - все, кто остался жив после атаки мутантов. Трое рядовых десантников с интересом разглядывали комнату. Емеля, Филин, Дикобраз и Заика сидели на стульях у бара. Заточка устроился в кресле за столиком, где со вчерашней встречи с полковником стояли неубранные закуски, и не мигая глядел перед собой. Пальцы правой руки монотонно сжимались и разжимались, сминая резиновое кольцо.

- Нас девять человек, этого достаточно, чтобы организовать оборону, - сказал сержант.

- Одиннадцать, - перебил Слон. - В кабинете у меня еще Колобок, но он... короче, он там и останется.

- Хорошо, значит, я, мои люди, эти ваши хлопцы... - Сержант замолчал, прикидывая. - Встанем на стене и у ворот. Как можно войти сюда? Ворота, ограда - еще что? Откуда нам ждать его?

- От ворот почти ничего не осталось, - напомнил Заточка. - И еще есть один лаз через комнату... Там я буду караулить.

Сержант посмотрел на порученца, на хозяина и решил:

- Поставим ловушки.

Безлунная тихая ночь раскинулась над Зоной. Змееныш пробирался по лесу, часто спотыкаясь: короткий сон плохо восстановил силы. Рана перестала кровоточить, артефакт подействовал, но в плече пульсировала боль, правой рукой он двигал плохо.

На стенах Лесного Дома горели прожекторы, ярко освещали стену и верхнюю часть склона. Покореженные створки ворот стояли на месте - краями их прислонили к бетонным плитам и чем-то подперли. Но ворота Змееныш теперь не интересовали, он направился к полуразрушенным хибарам на склоне.

Нужная изба находилась у самого подножия, кабаны и взрывы мин не разрушили ее. Змееныш не слишком хорошо помнил это здание - думал, не придется воспользоваться, ведь ему проще было пробираться в комнату Оксаны через бетонную ограду и потом по стене в окно. Он прогнал непрошенные воспоминания и сосредоточился на цели.

Подходя к избе, Змееныш ощутил смутную тревогу и решил, что это от слабости. Последнее время, когда он стал хозяином Своры, у него не бывало таких чувств... вообще почти никаких не было. Постоянно общаясь со зверями, он и сам становился зверем, только гораздо умнее, человеческое исчезало из него. Теперь его окружили призраки давно забытых эмоций, и сильнее прочих была эта непонятная тревога. Откуда здесь опасность, ведь враги ждут наверху, в башне? Он пройдет мимо них, обманет, ударит в спину - и расправится со всеми, даже уставший и раненый. Змееныш открыл дверь, сделал два шага внутрь темной комнаты и споткнулся.

Падая, он почувствовал движение в ментальном пространстве. Вот откуда взялось ощущение опасности - нога задела растяжку гранаты!

Он дернул крышку люка и свалился в подвал за миг до взрыва. Над головой рвануло, огонь опалил бок, заложило уши. Лязгнула, опрокидываясь, поставленная недалеко от гранаты канистра с бензином. Вспыхнул огонь. Змееныша швырнуло вниз, вдавило во что-то

мягкое. Оглушенный, он повернулся на бок, едва ощущая суматошное дерганье под собой, почти не слыша писк...

В ногу вонзились острые зубы.

2

Сержант вскинул голову, ткнул пальцем в сторону загоревшейся хибары.

- Там! - крикнул он. - За мной, добьем его! Вы, трое, здесь пока стойте на всякий случай.

Солдаты и Дикобраз прыгнули с ограды, придерживая автоматы, побежали вниз. Свет прожекторов не доставал до хижин, но нужный домик был прекрасно виден.

Заика, Филин и Емеля остались на посту, глядя, как занимается хибара. Филин повернулся к остальным - и встретился взглядом с Заикой. Тут же на них уставился Емеля. Эти трое уже давно подумывали об одном и том же, но до сих пор ни у кого не хватало смелости вслух высказать свои мысли. А теперь Филин решился.

- Знаете, - неуверенно начал он, - мне что-то совсем не хочется Змееныша убивать...

- С чего ты взял, что придется? - спросил Емеля, отводя взгляд. - Десантура его сейчас на шашлык порежет, если он еще не сгорел.

- А вдруг нет? - Филин глянул через ограду. Несколько фигур спешили к разгорающейся хижине. - Я вот как-то не верю в это. За ним сколько народу охотилось... Змееныш увертливый. И везучий, ага. И если он выберется... уж нас-то точно пришьет. Слышали, что он с Пяткой и Красавчиком сделал?

Сталкеры разом посмотрели в сторону хижины. Десантники уже скрылись из виду.

- Уходить н-надо, - сказал Заика и перекинул ремень «калаша» через голову. - М-мне, б-блин, никогда н-не нравилось у С-слоняры работать.

- Да ты что? - удивился Емеля. - Слон больше всех платит!

- Да плевать, сколько он платит! - выкрикнул Филин, вскакивая. - Зато сталкеров за людей не считает. А работа всегда найдется. Идем, Заика!

Двое сталкеров прыгнули со стены.

- Да куда ж вы пойдете, дураки? - наклонившись, закричал испуганный Емеля. - Э, не бросайте меня тут!

- А к Курильщику, - откликнулся Филин.

- Курильщик - такая же сволочь, как и Слон. Меня, говорю, подождите! - засуетился Емеля, неловко слезая следом за ними.

От хижин донеслись крики. Сталкеры переглянулись и что есть духу припустили вокруг бетонной ограды, чтобы спуститься по другому склону.

Змееныш ощутил множество агрессивных сознаний вокруг: в подвале сидели крысы. Еще не до конца придя в себя, оглушенный, он ментальным ударом отбросил мутантов, попятился, сел.

И тут же услышал сверху голоса - в разгорающийся дом вбежали люди. Змееныш ощутил их злобу, желание убить. В голове еще шумело после взрыва, драться он не мог. И когда первый десантник показался в отверстии люка, Змееныш дал импульс. Вереща, крысы рванулись вверх по деревянной лесенке. Десантник отшатнулся, вскинув автомат, открыл огонь. Выстрелы задержали первых крыс, но следующие вгрызлись ему в ноги, а те, что бежали сзади, обогнули бойца и набросились на других людей.

Змееныш не мог раскинуть писеть, но он сумел найти крысиного волка - самого крупного, самого сильного зверя - и почти без сопротивления захватил его сознание. Крыс задержался, Змееныш нажал, беря его под контроль, дал команду... Крысиный волк двумя длинными скачками взлетел по лестнице и рванулся к сержанту, вошедшему в дом последним. Прыгнул, растопырив лапы, вцепился человеку в лицо. Сержант закричал, выпустив автомат, стал отдирать мутанта. Тяжелый крысиный волк сполз по лицу, оставляя глубокие раны, обвил длинным жестким хвостом плечи человека - и вонзил зубы ему в шею. Сонная артерия лопнула под клыками.

Застучали автоматы, крики наполнили хибару, в которой уже стало жарко от огня, облизывающего стены и пол. Змееныш отпустил сознание крысиного волка, теперь и без него справятся. Поднявшись, он шагнул в проем хода, ведущего к Лесному Дому.

Заточка неподвижно лежал на кровати Оксаны, сжимая левой рукой пистолет, направив ствол в сторону лаза под окном. В комнате было темно, только полоска света падала через приоткрытую дверь с площадки. Здесь свет включать нельзя, это выдаст присутствие человека, но и полная темнота не годится, тогда он не увидит мутанта, когда тот появится из лаза.

Заточка не доверял ни военным, ни сталкерам, он теперь не верил даже Слону, поэтому спустился в Оксанину комнату, чтобы самостоятельно устроить засаду. И когда далеко снизу донесся взрыв, порученец не ослабил бдительность - наоборот, весь подобрался. Он еще долго лежал в тишине, а потом расслышал совсем легкий шорох. Не отводя ствол от отверстия под окном, взял пистолет обеими руками. Палец на спусковом крючке напрягся.

Еще карабкаясь по скобам, вбитым в стену водокачки, Змееныш почуял Заточку. У Змееныша не было оружия, к тому же порученец в любом случае находился в более выигрышном положении: за ним первый выстрел - едва гость покажется в отверстии, - и этот выстрел почти наверняка станет последним.

Но Змееныш не раздумывал. Добравшись до места, где лаз расширялся, он сел на корточки, упираясь в стену, и закрыл глаза. Постепенно смолкли все звуки внешнего мира, и дымчатое ментальное пространство развернулось вокруг. Очертания дыры над головой, едва заметно подсвеченной из комнаты, смазались, зато перед внутренним взором четко проступило сознание притаившегося Заточки. Человеческий разум слишком сложный, чтобы им управлять, - но Змееныш и не собирался брать старого врага под контроль, ему было нужно другое. Он подобрался, ощутив в солнечном сплетении комок гнева, - и что было сил ударил им в центр черно-лилового, с красными прожилками, сознания Заточки. И одновременно прыгнул.

Заточка заметил движение и успел выстрелить. Но за мгновение до этого что-то толкнуло его изнутри, рука дернулась, и пуля ушла выше, попала в подоконник. Из дыры тенью метнулся Змееныш. Порученец вскочил, целясь в грудь, - и захрипел, повалился обратно на кровать. Змееныш вырос, стал огромной косматой фигурой, навис - от него исходила тяжелая мрачная энергия, которая вдавила Заточку в матрас. Голову сжал железный обруч боли, сознание помутилось.

Порученец задержался, он еще чувствовал пальцы, ощущал металл пистолета - но не мог сделать ни движения. А Змееныш наступал, продолжая давить, ломая сознание. Заточка корчился на кровати, дергая рукой с пистолетом, стараясь нацелить его на врага. Глаза выкатились, он прокусил нижнюю губу. Потекла кровь, Заточка с шипением втянул ее в себя, глотнул теплую соленую жидкость.

Змееныш ощутил, как навстречу ему встает ненависть, такая же сильная, как его. Она создала преграду между ними - и Заточка смог двинуть рукой. Он вновь задержался. Между искривленных губ стекали кровь и слюна, порученец, дрожа от напряжения, стал медленно поднимать руку. Хрипя, он навел пистолет на Змееныша. Тот почувствовал, как напрягся палец на спусковом крючке, как вспыхнула в Заточке злая радость. Перед глазами Змееныша встала картина: Оксана в ручье, волосы развеваются в потоке воды, будто водоросли, кровь и рана на шее... Кому ты служишь? Тому, кто убил ее? - он ударил этой мыслью в сознание Заточки, послав туда картину мертвой девушки, и, будто тараном, пробил стену ненависти, созданную врагом.

- Нет... - хрипнул порученец, мотнув головой. - Она не... Я...

Змееныш представил его сознание в виде картонной коробки - и стал мять эту коробку, ломая стенки, вминая грани.

Заточка заорал. Его скрутило, рука с пистолетом откинулась назад, палец вдавил крючок, пули пошли в стену. Потом пальцы разжались, руки сами стали подниматься и легли на шею. Сипя и дергая ногами, Заточка стал душить себя. Глаза выкатились, язык выпал - а порученец все сжимал горло, до крови вдавливая ногти в кожу.

Когда Змееныш пришел в себя, Заточка был мертв. Тяжело дыша, Змееныш наклонился над кроватью, взгляделся в искаженное ужасом серое лицо, повернулся и вышел из комнаты.

Глава тринадцатая. Правда. Люди и чудовища

1

На площадке он едва не упал, сделав несколько шагов, оперся о стену. Он потратил слишком много психических сил, на Слона их уже не хватит. Поэтому Змееныш вернулся, снял с пояса Заточки самодельный нож и опять вышел в коридор.

Он толкнул дверь кабинета.

Подпирающий стену Колобок вскинул пистолет. Змееныш плеснул на телохранителя остатки эмоций - того толкнуло в грудь; раскинув руки, Колобок спиной врезался в стену и сполз по ней. Пистолет отлетел под стол. Колобок заморгал, привставая.

Змееныш в упор посмотрел на него.

Перебирая руками по стене, телохранитель поднялся. Глянул на Змееныша, на сидящего в кресле Слона, на узкую дверь в стене за спиной хозяина, опустил голову - и бочком вышел наружу мимо Змееныша.

Сгорбившийся Слон даже не обернулся вслед охраннику. Змееныш обошел стол, встал перед хозяином Лесного Дома... и если бы хоть что-то от прежнего Змееныша еще осталось в его душе, он бы ужаснулся. Горе сломило Слона. Не стало крупного сильного мужчины с властными движениями и уверенным взглядом. В кресле сидел старик с трясущимися руками.

Но у теперешнего Змееныша этот старик не вызвал жалости. Подняв нож, он шагнул вперед. Слон глухо сказал:

- Ты похож на отца.

Змееныш замер. В комнате было полутемно, горела лишь тусклая настольная лампа с зеленым абажуром. Хозяин медленно поднял взгляд.

- На Ворона, - пояснил он. - Ворон... Я почти забыл его лицо. Если бы не ты - забыл бы точно. Он был моим напарником, мы с ним вдвоем Лесной Дом заложили. Удачливый, сволочь. И тоже что-то такое чуял, как ты. Вернее, это ты как он, только у тебя оно развилось сильнее. - Слон распрямил спину, уперся трясущимися руками в подлокотники, попробовал встать - и не смог. По лбу потекла капля пота. Змееныш смотрел на него, и Слон заговорил вновь: - Он тогда один в Зону пошел и богатый хабар взял. Очень богатый. Меня обидел. Говорил перед тем: опасно, я могу не вернуться... Кто из нас тогда об опасности думал? Вернулся, да еще с хабаром, а я вроде как ни при чем. Ну, я его и убил. Не один - с Заточкой. Заточку Ворон под ребра успел ранить. Хабар я себе забрал, с него мое богатство и пошло. А баба Ворона с дитем в Зоне тогда была вместе с ним, на стоянке. Она видела, как все произошло. Значит, нам надо было довершить дело. Но она сбежала, ночью с дитем в Зону бросилась, мы за ней. Упустили. Потом услышали вой псевдопсов, поняли: за женой Ворона стая увязалась. Значит, конец ей. Ладно, вернулись в Лесной Дом. И вот такая получилась ирония злая, что Мазай тебя на следующий день ко мне притащил. - Слон поднял взгляд и прямо посмотрел в глаза Змееныша. - Теперь все знаешь. Убивай, не жди.

Змееныш прорычал что-то неразборчивое, шагнул к нему, занося руку с ножом. Лезвие блеснуло в свете лампы. Слон откинул голову, подставляя шею.

За дверью позади кресла раздались шаги. Рука Змееныша еще двигалась, но взгляд метнулся к двери. Слон сидел не шевелясь. Змееныш качнулся вбок, рука дернулась книзу - и нож вонзился в подлокотник возле запястья Слона. Шаги стали громче.

Кто-то подошел к двери.

- А-а... - выдавил Змееныш.

Лицо от усилий исказилось - уже давно, очень давно он не произносил ни слова. Губы приоткрылись, язык дергался за ними, стараясь выпихнуть наружу неподатливые комки слов.

- Ша... Шаги, - прохрипел Змееныш и отдельно, по складам, произнес: - Я говорил ей, что всегда узнаю эти шаги.

Дверь открылась, в комнату вошла Оксана. И тогда Змееныш закричал.

2

Еще в звуке этих шагов он ощутил что-то новое, страшное - и теперь увидел, чем оно вызвано. Как и Слон, Оксана постарела на много лет. Куда делась та веселая семнадцатилетняя девчонка? Тусклые волосы были собраны в хвост на затылке, лицо осунулось, заострился подбородок, посерели щеки. На лбу появились морщины, и глаза... Они потухли, жизнь исчезла из них.

Медицинский корсет плотно облегал шею, поддерживая голову, в руке была трость. Прихрамывая, опираясь на трость, Оксана встала между Слоном и Змеенышем, закрыв собою отца.

- Прекрати! - Голос был все тем же, звонким и чистым, и по контрасту ее вид казался еще ужасней. - Не смей!

Змееныш попятился, темные глаза его стали черными. Слон сидел в той же позе, закрыв глаза. Бросив трость, Оксана схватила его за руку, повернулась к Змеенышу.

- Посмотри на себя! - выкрикнула она. - Кем ты стал?! Мне говорили... отец говорил... Сколько ты убил? Ты и твоя свора чудовищ? Ты теперь сам чудовище!

Она выдернула нож из подлокотника и швырнула его под ноги Змееныша.

- Если хочешь убить его - убей и меня! Зарежь обоих, теперь для тебя это легко, разве нет?! - Она бросилась к Змеенышу, чтобы ударить его, и вскрикнула. Правая нога подогнулась, Оксана упала и зарыдала. Сидящий неподвижно Слон открыл глаза и с немим состраданием посмотрел на дочь. Змееныш шагнул к ней, нагнулся, чтобы помочь, но она отпрянула от него, будто от хищного зверя, оттолкнула его руки. В глазах плеснулся испуг - и это едва не заставило Змееныша вновь закричать. Она боялась его. Боялась!

- Ты был человеком, а стал хуже зверя, - проговорила Оксана, на коленях придвигаясь к отцу.

Змееныш хотел рассказать ей все: про убийство Мазая, из-за которого и собрал Свору, про то, что был уверен в ее смерти, что это ошибка и еще можно все исправить, что они могут уйти в Зону или он может покинуть Зону вместе с ней... и не сказал ничего. Он понял: все это бессмысленно, больше не будет ничего. И когда пришло понимание - что-то сломалось внутри. Будто из груди исчезла решетка ненависти, скрывшая прочие чувства, способные помешать мести. Голова закружилась, он отступил на шаг и впервые за много дней вдохнул полной грудью. Оксана и Слон смотрели на него.

Тяжесть всего, что он совершил, всей этой череды кровавых убийств обрушилась на него. Змееныш застонал. Ссутулившись, не глядя на отца и дочь, он повернулся и медленно вышел. Спустился по лестнице, во двор, перешагивая через трупы, достиг ворот и побрел по склону к лесу.

В комнате под крышей башни наступила тишина. Оксана сидела на подлокотнике, обняв отца за шею, он положил широкую ладонь на ее руку и гладил запястье.

Послышался нарастающий рокот вертолета, здание дрогнуло - Ми-24 опустил на крышу. Стукнула крышка люка, раздались быстрые шаги.

Придерживая фуражку за козырек, в дверь шагнул полковник Рябой. Дочь и отец сидели не шевелясь, хотя взгляд Слона переместился на гостя.

- Ну?! - закричал полковник.

Положив руку на затылок дочери, Слон вытянул другую, показал на север.

- Туда ушел.

Рябой развернулся и выбежал из кабинета, по ведущей наверх лестнице загрохотали его сапоги. Оксана еще несколько секунд сидела неподвижно, не веря своим ушам, - и наконец поняла, отшатнувшись, вскочила.

- Зачем? - спросила она. - Что ты делаешь, папа? Зачем ты сказал, куда он...

- Чтобы его убили. - Слон пожал плечами. - А что ты думала - я прощу мутанту все, что он натворил?

- Ты... Это ты мутант! - крикнула она. - Ты хуже его! Потому что он понял, а ты - нет! Боже мой, и после всего этого ты остался таким же, каким был?! Я остановлю их!

Схватив с пола трость, она заковыляла к двери.

- Не остановишь, - сказал Слон, привставая. - Подожди, не ходи!

Оксана вышла из комнаты. Послышался рокот улетающего вертолета. Слон сидел, сжимая подлокотники трясущимися руками, и ждал. Издалека донесся частый стук пулеметов.

Эпилог

Потом говорили, что видели его мертвое тело под бревном, в ручье, текущем по дну оврага. А кто-то утверждал, что Змееныш брел мимо бара «100 рентген», хотя в том сгорбленном человеке с пустым лицом трудно было узнать восемнадцатилетнего мальчишку. Но другие толковали, что он сдружился со старым контролером и ушел за ЧАЭС, будто он пересек Большой Северный Могильник и был убит охраной таинственного Бункера. Впрочем, многие не верили в это - ведь один прапорщик-забудыга с КПИ, проворачивающий всякие мелкие делишки со сталкерами и перекупщиками, всерьез уверял каждого, кто готов был выставить бутылку водки, что видел Змееныша, пересекающего Периметр, - будто бы тот навсегда ушел из Зоны в большой мир.

Много чего говорили, но правду не знал никто. И долгое время о Змееныше ничего не было слышно.

Детектор лжи

Пригоршню Хромой считал человеком несерьезным и легкомысленным, поэтому не сомневался: если встреча в глухом урочище, где нет четких ориентиров, значит, непременно выйдет какая-нибудь накладка. То ли опоздает Пригоршня, то ли место перепутает. Тем удивительней оказалось, что сигнал на экране ПДА появился точно в том квадрате, где была назначена встреча, и именно в условленное время. Тут же на комп Хромоу упало сообщение: «Я тебя вижу! А ты меня?» «В масштабе один к ста», - отозвался Хромой.

Через четверть часа Пригоршня показался в натуральную величину - крупный улыбчивый блондин спортивного сложения. Даже шрам на лбу его не портил, а только добавлял мужественности.

- Привет, Хромой!

- Здорово. А чего ты один и пешком?

В самом деле, обычно Никита и его напарник, сталкер по прозвищу Химик, разъезжали на «Малыше» - бронированном вездеходе.

- Наш человек в булочную на такси не ездит, - отрезал Никита, потом пояснил. - Андрюха «Малыша» в «Сундук» погнал, на техобслуживание. Давно пора, накопилось там всякого...

- А ты чего ж не с ним?

- Так я это... - Пригоршня замялся. - Ну что, пойдём? А то торчим тут, как...

- Идем, - согласился Хромой, направляясь по тропе, по которой сюда пришел Пригоршня. - Так чего у тебя в «Сундуке»-то?

Никита почесал в затылке.

- Да Сорняк, понимаешь... Ну, он вообще должен бы соображать, кого на работу берет!

- О ком речь?

- Девчонка у него новая, Танюхой звать.

- А-а... - Хромой начал догадываться. Пригоршня всегда нравился женщинам, а уж у Сорняка контингент был, так сказать, очень влюбчивый.

- Так вот, она новенькая, понимаешь? Я ж не знал, что он сам на нее глаз положил!
- Сорняк положил глаз на Танюху, - уточнил Хромой, - и ты тоже? Глаз? Ох, не глаз ты, Никита, туда положил...

Пригоршня издал неопределенный звук - что-то среднее между смехом и фырканьем.

- Ладно, я понял. Химик укатил к Сорняку, а ты остался... и зачем позвал?

Пригоршня постарался сделать серьезное лицо.

- Есть дело, Хромой. Младшего Ковалю завалили. Я у них кантуюсь, пока Химик ездит, ну и решил тебя позвать...

- Опа-а... - только и сказал Хромой.

Братья Ковали организовали сталкерскую стоянку южнее Рыжего леса. Вообще сейчас в этих краях хозяйничали свободовцы, стоянки под их контролем, но Ковали - люди спокойные и авторитетные, в разборки не вступают, на себя много не берут. Со «Свободой» у них нейтралитет. Останавливаются у Ковалей в основном охотники, люди старомодные и грубые - те, которым не нравятся веселье и суета. Сталкеры помоложе предпочитают тусоваться со свободовцами. Пригоршне в самый раз было бы туда...

- А чего тебя к Ковалям занесло? - Никита шмыгнул носом.

- Химик оставил. Сказал, там я ничего не испорчу. Несправедливый он. Разве я чего портил?

- А Танюху?

- Танюха сама, я ж не виноват, что ко мне бабы липнут!

- Ладно, ладно... я не Химик, не оправдывайся. Ну так что там с Ковалем?

- Младшего Ковалю ночью зарезали. Тихо, никто не слышал. Пропали бабки, кое-какой хабар... это старший Коваль обнаружил. На хазе шестнадцать рыл, охрана клянется - никто не выходил, значит, убийца все еще там. И, прикинь, никто этого вроде сделать не мог! Дверь изнутри заперта, ключ торчал в замке. А Ковалю едва башку не отхватили, горло перерезано... Крови натекло... Ну и пропало много, и бабки, и барахло - так Михаил сказал... Орет, никого не выпущу, пока убийцу не найдем.

- А я здесь при чем? Я Ковалю не убивал.

- Не, без вопросов! Не в том дело - ты убийцу и найдешь! Михаил обещал, что половину украденного хабара даст, там одной налички тысяч двадцать было, прикинь!

- Так я ж...

- Не бойсь! Я Ковалю конкретно расписал, что ты крутой сыщик.

- Я? - Хромой остановился, пришлось и Никите притормозить.

- Ты, а кто же? Химик-то умотал, понимаешь? У Химика котелок варит, он бы просек, что там к чему. День бы походил хмурый, второй, позаглядывал бы везде - и вычислил убийцу, небось не сложно-то. А я не того... я больше насчет пострелять, чем подумать. Ну и другой там народ в лагере то же не того... - Пригоршня покрутил головой. - Не интеллигентные, короче, все парнищи, я бы даже сказал: наоборот. Охотники всякие дремучие, сталкеры, которые годами за Периметр носу не кажут. Соль Зоны, причем не йодированная. - Никита зашагал дальше, потянув следом Хромого, которого ухватил за рукав. - А ты - человек образованный, с понятиями, хоть и молодой. Я рассказал, как ты Пустовара вычислил, как его на глазах у вояк грохнул, мол, ты спец. Да не волнуйся, главное, дело-то плевое! Мы ж все на базе Ковалевской торчим - все, кто ночью был. И убийца тоже, куда он не делся. Тут только правильно выбрать. А Михаил обещал, что тому, кто найдет...

- А если я не смогу найти?

- Странный ты, Хромой. Как это не сможешь? Мы ж все, кто ночью был, там и...

- Ага. - Хромой задумчиво окинул взглядом рослого спутника. - Я вот сперва подумал, почему Коваль тебя вообще выпустил... потом понял: ну точно, ты вне подозрений. Типа, сталкер Петров, «санта симплицита»... Кстати, слышал анекдот? Сталкер Петров встречается контролера, а тот говорит: никогда не видел бюрера с ружьем... Э, погоди, куда ты меня ведешь?

Густые заросли сменили редколесье, земля пошла под уклон, все чаще встречались сырые впадины. Кривые, чахлые деревья росли все реже.

- Ну, - Никита замылся, - тут еще в одно место зайти надо.

- Какое еще одно место?

- Так это... Я же тебе толкую: грубый народ у Ковалей, дикий, лесной. Приведи, говорят, Шамана. Шаман, типа, убийцу враз укажет. А я думаю, такой хабар Шаману жирно будет. Лучше пусть нормальный человек заработает и со мной поделится...

- Да погоди ты про хабар! - Хромой поморщился. - Что за Шаман? Кстати, мой ПДА показывает впереди болото.

- А! Так ты не знаешь? Точно, ты же здесь недавно! - Улыбка Пригоршни сделалась и вовсе лучезарной. - Тогда тебе интересно будет.

- Чего интересно? Там болото!

- Так я и говорю, Шаман на болоте живет. Он не любит, когдалюдно, на болоте прячется. Да ты не беспокойся, оно небольшое, скоро на месте будем. Вон, гляди, тропа - это уже к его домику ведет.

Хромой проследил, куда тычет пальцем Пригоршня - в самом деле, тропа. Там, где они находились, было еще сухо, но дальше тянулись лужи грязи, окна ржавой, затянутой пленкой воды да кочки, облепленные зеленой дрянью. Вдалеке что-то чавкало, хлюпало, лениво плескалось - но что именно, не разглядеть. День выдался теплый, над топью вставал вонючий туман, застилающий окрестности. Время от времени налетал ветерок, шевелил влажные пласты испарений, тогда становилась лучше видна тропа, уводящая в глубину болота - где по кочкам, где по бревнам, брошенным между островками. Путь отмечали вешки, воткнутые в вязкую бурую массу. Иногда тропинка скрывалась в воде, там вешки торчали гуще.

- Вот я тебе завидую: ты Шамана еще не видал, так порадуешься... - разглагольствовал Пригоршня. - Такого и в цирке не покажут. Идем, тебя ждет незабываемое зрелище.

- На моем ПДА только мы с тобой, - заметил Хромой. - Нет третьего сигнала. Может, ушел твой Шаман куда-то по делам? Неохота в эту грязь зазря лазить.

- Нет, он здесь, только ПДА не включил. Он же тебе Шаман, а не хрен псевдособачий! Видишь, вешки торчат, значит, дома. Шаман, когда уходит, вешки за собой выдергивает, чтобы чужие не влезли. Ну, идем, не стой, держись за мной поближе.

Пригоршня подобрал у края воды кривую длинную палку, выпачканную грязью, Хромой последовал его примеру. Они пошли по отмеченной вешками тропе, прощупывая путь перед собой, осторожно передвигаясь от одной отметки к другой. Пригоршня шагал первым, на его компе избушка Шамана была отмечена, и он изредка поглядывал на ПДА.

Хромой почти сразу умудрился вляпаться по колено и теперь раздраженно бурчал на ходу:

- Вешки он собирает... чтоб не влезли... Да что здесь кому понадобится? Бюлерам разве что грязи свежей набрать? Или лягух наловить на завтрак?... Кто б сюда поперся... Однажды сталкер Петров выстирал снарягу в озере. Теперь вместо озера там болото.

- А мы уже пришли! - бодро объявил Никита. - Во, гляди. Точно, Шаман дома и жрать готовит. Слышишь, как воняет? И дым идет.

Посреди болота на небольшом островке Хромой разглядел хижину, сложенную из почерневших от сырости бревен. Домик порос зелено-бурыми бородами мха, картина вышла довольно живописная... но Хромой этого оценить не мог, поскольку был дальтоником. Над короткой трубой, торчавшей из крыши, и в самом деле курился дымок. На другом краю островка сквозь туман поблескивали сполохи жарки.

- Эй, Шаман! - издали заорал Пригоршня. - Открывай, телеграмма пришла!

Низенькая дверца со скрипом отворилась, высунулся человек. Поглядел на гостей, шагнул вперед, распрямил спину. Настоящий великан - куда крупней здоровяка Пригоршни. Ветер, как по заказу, погнал струи тумана, которые серым саваном окутали хозяина болот. Рослая фигура Шамана была задрапирована в широкую накидку, на голове его Хромой разглядел что-то вроде короны. Струи тумана обтекали гигантскую фигуру, сквозь призрачную пелену темный силуэт казался еще больше.

- Не ори, бродяга, - хрипло пророкотал хозяин. - Чего надо тебе?

Пригоршня несколько замылся, но быстро справился со смущением.

- Шаман, идем с нами к Ковалям. Младшего брата зарезали, Михаил награду обещает тому, кто убийцу найдет. Мужики тебя решили позвать.

Шаман тяжело задумался, глядя поверх голов гостей. Хромой, хотя был циником, скептиком и материалистом, невольно поежился. Как-то непривычно он себя почувствовал в этом туманном месте, да еще рядом со странным болотным жителем. Было в Шамане что-то по-настоящему необычное, даже по меркам Зоны удивительное.

- Хабар украли, половину - тому, кто найдет, - добавил Пригоршня. - Хороший хабар.

- Что же, - изрек Шаман. - Ступайте, откуда пришли, той же дорогой. Да не оглядывайтесь, не то беда выйдет! Духи смотрят в спину. Не сердите духов!

Сталкеры пошли обратно, теперь первым оказался Хромой. Он двигался вдоль вешек не так уверенно, как Никита, поэтому Шаман успел их догнать и выбрался на берег болота почти одновременно с гостями. Великан прижимал к груди охапку вешек - на ходу выдергивал. Он бросил грязные палки на траву и перекинул из-за спины трехлинейку Мосина, обмотанную шерстяной тряпкой с грязной бахромой. Из тряпья выступат конец ствола и короткий трехгранный штык - ржавый и очень зловещий, неприятный с виду. Мрачно сопя, Шаман оглядел провожатых. Хромой с любопытством наблюдал за ним - таких колоритных обитателей Зоны он прежде не встречал. Хозяин болота в самом деле оказался ростом выше Пригоршни, да и в плечах пошире, с головы до ног его окутывал плащ, живописно заляпанный грязью и разрисованный странными символами. Кое-где на балахон нашиты пробитые гильзы, косточки, перья - все перемазанное болотной тиной. На ногах здоровенные сапожищи, в тени под капюшоном прячется покрытое узорами лицо, то ли разрисованное, то ли в татуировках. А еще гигантскую фигуру украшали челюсти псевдогиганта, напыленные поверх капюшона на манер короны.

- Ты! - Огромный грязный палец уставился в лицо Никиты. - Бензином воняешь. Это дрянь. Дурно воняешь! Это не нужно! Неправильно!

- Так а чего, а как же... - удивился сталкер. - Костер, там, разжечь, если сыро, так бензинчику плеснешь, бывает, или еще что...

- Костер - это нужно. Правильно, - смиловился Шаман. - Живой огонь. Зона не для того мира, где бензин. Наг человек, и бос, и глуп пред Зоной. Но дан людям живой огонь! Он нам нужен, он правильный... Ты!

Ручища указала на Хромого.

- А это Хромой! - пояснил Пригоршня. - Он тут недавно.

- Ты, человек, - не слушая, продолжал рокотать болотный житель, - на компьютер глядишь часто. Это неправильно, это плохо. Ты - человек, а не машина.

Хромой пожал плечами. Ну да, он поглядывал на монитор КПК, ждал, включит ли Шаман свой, выйдя из болота. Нет, не включил.

- Идем, что ли? - В присутствии болотного великана Пригоршня казался меньше, чем был на самом деле. - По дороге расскажу, как у Ковалей было.

- Огонь расскажет, - величественно откликнулся Шаман. - Ты напутаешь, огонь не соврет. Он скажет верно, а не так, как ты увидел. Человек врет. Сам себе врет больше, чем другому. Огонь все видит.

- Да как хочешь, - покладисто согласился Никита. - Огонь, так огонь, кто б спорил, а я ж - так никогда.

Пока шли к лагерю Ковалей, Хромой украдкой разглядывал Шамана. Тот шагал широко, держался чуть в стороне, а ПДА так и не включил, хотя Хромой был уверен - под грязной хламидой наверняка припрятан комп. Ишь, толкует о вреде техники, а «мосинкой» не брезгует.

Пригоршня не мог молчать подолгу, он то и дело принимался болтать, но стоило Шаману бросить в его сторону хмурый взгляд - сразу смолкал. Взгляд у Шамана был тяжелый, гнетущий. Рисунки на физиономии, спрятанной в тени под капюшоном, выглядели пугающе - казалось, будто по лицу пробегают волны, темные пятна сливаются в странные изменчивые узоры. Изредка Шаман издавал глухие мрачные звуки, не похожие на членораздельную речь.

Братья Ковали обосновались на старой подстанции, несколько обветшалых зданий до сих пор окружала двухметровая бетонная ограда. До катастрофы в этом месте проходила высоковольтная линия, ажурные мачты и сейчас торчали на холмах, ветер мотал обрывки кабелей.

Ковали нарастили забор, поверх намотали колючей проволоки, поставили на крыше центральной постройки решетчатую каланчу, прожектор. Местечко они выбрали удачное - в округе безопасных убежищ немного, а шастать в здешних краях ночью рискованно. Клиентура не переводилась. Постоянной связи с большой землей у Ковалей не было, однако перекупщики охотно имели с ними дело, потому что знали братьев как людей обязательных и честных. В общем, лагерь приносил небольшой, зато стабильный доход, хозяев все уважали, врагов у них не было... даже свободовцы, контролировавшие округу, не пытались подмять заведение - возможно, потому что угрюмые охотники и следопыты, составлявшие ковалевскую клиентуру, не слишком интересовали веселых ребят из группировки. Имелось и еще одно соображение: лесовики потому и собираются к Ковалям, что избегают шебутную молодежь. Установятся здесь свободовские порядки - и эти сталкеры перестанут приходить на подстанцию, а без них какой смысл ночлежку держать в такой глуши? В общем, подстанция оставалась островком спокойствия.

У Ковалей на службе состояли шесть человек. Старший брат, Михаил, этой ночью был в отлучке - ходил к перекупщику, взяв с собой одного бойца, так что сторожить подстанцию остались младший брат и пять охранников. Двое, дневная смена, отсыпались, сторожили трое: пара у ворот и третий на вышке с прожектором. Младший Коваль, Николай, спал один на втором этаже административного здания, где хозяева устроили штаб-квартиру и склад.

Как сумели зарезать Николая, непонятно, толстенная дверь была заперта изнутри, ключ торчал в замке. Бойцы дрыхли на первом этаже и клянутся, что никто не проходил, но это ничего не значит - спали же, не могли услышать, если убийца тихонько прошел по лестнице. Постояльцы провели ночь в бывших служебных зданиях, но, конечно, все тоже спали, никто за соседом не следил. Единственными, у кого было алиби, оказались бойцы ночной смены. У ворот мужики дежурили вдвоем, ни один не отлучался. Теоретически третий мог спуститься по хлипкой лестнице с каланчи, но парни на воротах уверяли, что обязательно услышали бы, да и охранники - люди надежные, работали на Ковалей давно, никогда с ними не ссорились...

Все это Пригоршня вполголоса поведал Хромому, пока пробирались от болота. Шаман делал вид, что не слушает, но ловил каждое слово. Он держался настороже, пару раз поднимал руку - по этому знаку Пригоршня с Хромым останавливались, тогда становился слышен отдаленный шум, треск веток, шелест листвы... какие-то звери пробирались по редколесью. У сталкеров не было желания проверять, что за мутанты там бродят, они сворачивали и обходили звериные тропы стороной.

Когда на пути попадались аномалии, Шаман с его острым слухом вполне мог ориентироваться по писку ПДА спутников - а может, обладал каким-то особым чутьем на опасности? Не разобрать.

На подстанции обстановка была мрачной - как и положено месту, где произошло преступление и под подозрением куча народу. Хромой, конечно, догадывался, что так будет, однако не учел, какие люди собираются у Ковалей. По двору слонялись какие-то угрюмые типы - как раз такие, какими описал Никита, соль Зоны, причем не йодированная, а скорее каменная. Дремучие бородатые мужики, покрытые шрамами, в грязных мятых комбезах. Снаряга на них выглядела как летопись сталкерских походов, каждая складка, царапина, прореха, разрез - это памятная запись, рассказ о каком-то приключении. Ну и настроение, конечно, было соответствующее, сталкеры глядели друг на друга с подозрением. Как-никак, один из них убийца. Охранники Ковалей демонстративно поглаживали стволы и сурово хмурились, если кто-то из постояльцев приближался к воротам.

Когда во двор вступил Шаман, Михаил Коваль отбивался от пары сталкеров, требовавших, чтобы им открыли ворота. Михаил - квадратный массивный мужик поперек себя шире - от своих постояльцев внешностью не сильно отличался, такой же дремучий с виду, разве что борода кое-как подстрижена да одежда поаккуратней. Оно и понятно: хотя

Коваль уже давно на вечной прописке и на большую землю не показывается, однако время от времени ему приходится иметь дело с крупными перекупщиками, партнеры должны видеть, что он приличный мужчина, а не сталкер Петров какой-то. По одежке встречают, как-никак, по снаряге провожают.

Хозяин лагеря морщился и вяло отбивался, сталкеры наседали.

- Ты ж нас давно знаешь, ё-моё! - хрипло орал долговязый тощий Кирза. - Или ты чего? На нас, что ли, думаешь? Сколько лет! Мы у тебя сколько лет кантуемся!..

- Не ори ты, не шуми с утра пораньше! - Морщинистый Стопка, разящий самогоном на весь двор, схватил напарника за локоть, а сам повернулся, притирая Коваль к стене, так, чтобы тот не мог ускользнуть. - Не, ну, Миха, не, ну ты сам прикинь: у нас информация есть, верный человечек скинул. Хороший хабар можно взять. Нам человечку нужно процент отдать? Нужно, я спрашиваю? О! А если он не только нам, а если мы припозднимся...

Вокруг толпились сталкеры - видно было, что они готовы поддержать Кирзу со Стопкой и навалиться на Коваль всей братвой.

- Да не наседай, не наседай! - угрюмо отмахивался тот. - Брата моего какая-то падла зарезала, это ты понимаешь? Брата!

Голос Коваль стал тверже.

- Ты понял, Стопка? Пока убийцу не возьму, никто отсюда не уйдет! Я к вам со всей добротой, пока ворота на замке - ешьте, пейте, рубля не возьму. Вы мои гости, ну?

- Информация у нас... - бубнил Стопка. Слово «информация» не вязалось с заскорузлым небритым мужиком, но сталкер повторял его с удовольствием.

- Нет времени нам здесь сидеть! - снова влез Кирза, хватая хозяина за плечо.

- Да отвали ты! - не выдержал наконец Коваль, скидывая руку. - Я ж к вам по-хорошему! Ни обыскивать не велел, ничего...

- А ты вели обыскивать! - взвился Кирза, нависая над кряжистым хозяином. - Ну, попробуй! Я тебе кто? Сопля зеленая? Да мы в Зоне сколько лет, нас последний кровосос знает!.. Обыскивать он нас будет, ё-моё!

- Правильно, Кирза, скажи ему, - встрял сталкер помоложе, невысокий парень по кличке Дантист с кривыми черными зубами.

Охранники зашевелились, придвигаясь поближе. Тут с вышки крикнул дозорный:

- Идут! Шаман идет!

Шамана встретили с энтузиазмом.

- О, ну теперь будет дело! Шаман быстро разберется! - объявил Дантист, заглядывая великану в лицо. - Это ж сам Шаман, не какой-нибудь стручок!

Болотный затворник по-прежнему глядел поверх голов и, если даже похвалы были ему приятны, не подавал виду.

Коваль, растолкав спорщиков, пробился к нему.

- Шаман, слушай, тут такое дело...

Гость величественно поднял огромную ладонь.

- Ничего не говори. Мне огонь обо всем поведает. Брата покажи, хочу видеть.

Уяснив, что в его сторону никто не глядит, Хромой ткнул локтем Пригоршню, который, развесив уши, прислушивался к разговору. Тот опомнился и поспешно вставил:

- Михаил, вот это Хромой, я тебе говорил о нем.

- Этот, что ли, который мастак задачки распутывать? - Коваль оглядел сталкера с ног до головы и как будто остался недоволен.

- Это человек с компьютерами, - пророкотал Шаман, - не верь ему.

- Да мне в общем-то все равно. - Хромой пожал плечами. - Я сюда не напрашивался, могу и назад.

- Погоди, парень, я ж просто тебя не знаю совсем, - устало промолвил Коваль и провел ладонью по лицу. Смерть брата он переносил стойко, но видно было, что ему тяжело. - Погоди. Пусть Шаман попробует, если у него не выйдет, тогда твой черед, лады? Шаман по ночам с духами говорит, а тебе до утра времени, а?

- У Шамана всегда выходит, - вставил кто-то. - Он быстро...

- Пусть так будет, - влез в разговор Стопка. - Слышь, Кирза? До завтрашнего утра здесь еще перетопчемся. Тока, Миха, водки скажи чтоб принесли.

- А что за человека ты привел, Пригоршня? - встрепенулся Кирза. - Этому я тоже не дам себя обыскивать, заранее говорю! Откуда я знаю, какие у него намерения?

- Да какой там обыск. - Хромой примирительно улыбнулся. - У меня метод будет практически бесконтактный.

- Чего-о?

- Детектор лжи, слышали про такую штуку? Вы по очереди проходите испытание, это недолго, минута-две. Ничего обидного.

- Чё еще за детектор лажи? - изумился Стопка.

- Детектор лжи, - поправил Дантист и сплюнул под ноги. - Ты не ври, я слышал, это сложная электроника, да и бандура здоровенная должна быть.

Хромой вытащил из рюкзака тоненькую книжку в самодельном переплете и потряс в воздухе.

- У меня принципиально иная технология. Проверенная!

- Точно! - тут же встрял Никита. - Хромой никогда промашки не давал. Если говорит, что найдет, значит, найдет. Да я сколько раз видал, как он...

- Ладно, чего языками чесать, - подвел итог Коваль. - Идем, Шаман, глянешь на Коленьку.

- Я с вами, - пристроился следом Хромой. - Мне детектор нужно правильно отладить, так что погляжу сперва.

Административное здание, где обосновались Ковали, выглядело как и любое подобного рода место в Зоне - повсюду грязь, ржавые консервные банки, сломанная мебель. Хромой мельком заглянул в зал на первом этаже, где размещались бойцы, прикинул расположение брошенных на пол матрасов - хотя дверь не запиралась, вполне возможно, что по лестнице поднимался чужой, и никто не заметил. Тем более охранники спали. А вот комната, где ночевал покойный Николай, наоборот была оснащена тяжелой дверью, обитой стальными листами. Не то чтобы Ковали опасались нападения, но в этой комнате хранились их ценности, потому и оборудовали такую дверь.

Чтобы утром проникнуть в запертую комнату, старшему Ковалю пришлось дверь ломать - приподнять в петлях и выгнуть язык замка.

- Вдвоем дверь ворочали, третий снизу ломом поддевал, - пояснил Михаил. - А ключ-то в замке, вон - так и торчит.

- Духи, - пророкотал Шаман, пригибаясь в дверном проеме.

Коваль с гостем прошли в комнату, Хромой туда едва заглянул, увидел вывернутые ящики письменного стола, распахнутые шкафы, залитую кровью кровать и тело в углу, накрытое дерюжкой. Пригоршня, которого никто в общем-то не приглашал, проскользнул следом и встал в углу, чтобы не мешать. Хромой тем временем вытащил ключ из замка, внимательно осмотрел, хмыкнул и спрятал в карман.

- Духи побывали, - звучно гудел Шаман, прохаживаясь по комнате. Полы просторного одеяния взлетали, поднимая ветерок, смерчи пыли и клочья бумаги шелестели над старым линолеумом позади великана. - Черный Сталкер, его работа... ему в запертую дверь войти легко... Черный Сталкер в смерти виноват! Духи не любят живых, ох, не любят! Только огнем от них можно уберечься. Живой огонь - это правильно. Где огня не развели, туда Черный Сталкер ночной тенью входит! Замком да железом каленым духов не остановишь!

- Это чё, и хабар духи уволокли? - с любопытством осведомился Пригоршня.

- Ты! - Шаман развернулся и ткнул в него огромным пальцем. - Человек, пропахший бензином! Ты тоже для духов добыча! Всякий, кто мертвый огонь зажег, к нему духи придут! Всякий им добыча! Черный Сталкер по Зоне ходит! Он все видит! Он знает вас, каждого! Каждого! За каждым в свой черед придет он! Живой огонь от духов защита.

Хромой, хотя был до сих пор уверен, что на него эти штучки не действуют, и то ощутил, как по спине ползут противные мурашки и нехороший холод клубком свертывается в животе... А Пригоршня побледнел, но не сдавался:

- Не, Шаман, ты лучше скажи, куда Черный Сталкер хабар заныкал?

- Ты! - Шаман уставил палец в грудь Михаила Ковалья. - Меня слушай! Этой ночью огонь жечь станем. С духами говорить буду. Не один Черный Сталкер в Зоне есть, и другие найдутся. Духи людей не любят, а друг друга еще сильнее! Они скажут, в кого Черный Сталкер вселился, кто им обуян. Кто Черным Сталкером обуян, тот хабар унес. Бей его, пытай тогда, пока тайник с хабаром не выдаст! Убивай его, все едино душа сгинула! Не жалея! Нынче ночью будем огонь жечь. Живой огонь! Живой огонь!

Великан развернулся и широченными шагами вышел из комнаты с мертвецом. Протопал по лестнице... и тут же за окном стих шум голосов. Одного вида Шамана было достаточно, чтоб все умолкали.

Михаил стоял над телом брата и потирал лоб, щеки его лоснились от пота.

- Уф-ф-ф... - Пригоршня провел ладонью по лицу, поглядел на мокрые пальцы. - Вот это мужик... Сколько раз его видел, а все равно в пот бросает. Как он завоюет про свой огонь...

- Колоссальный мужик, - согласился Хромой. - Другого бы за такие номера давно отметилили, а этот видно, что небитый.

- Ты Шамана не трожь, - буркнул Коваль. - Скажи лучше, что ты делать станешь? Имеешь какие мысли?

Хромой пожал плечами.

- Если у Шамана не выйдет, я попробую. Как раз к ночи соберу детектор лжи, там в общем-то ничего сложного, просто нужно знать, как это делается.

Он снова показал книжечку.

- У меня здесь подробно технология описана. Ты только заставь людей поучаствовать, остальное - дело техники.

Вошел охранник, оглядел собравшихся, повернулся к Михаилу.

- Шаман в дальнюю будку ушел, велел, чтоб не мешали, он готовится к ночи. Еще сказал: как стемнеет, огонь разжигать. И это, люди к вечеру еще соберутся, кто насчет Коли не знает... Ну, постояльцы. Не пускать их? И Монтер приперся, говорит - ты звал.

- Пускать всех, - буркнул Коваль. - Пусть ночуют, как обычно, чего ж... А Монтеру скажи, пусть проволоку посмотрит. Мы с Колей хотели по ограде ток пустить, так я вызвал Монтера. Мы с Колей...

Все замолчали. Михаил махнул рукой:

- Ладно, сходи за носилками, спустим тело вниз. Могилу-то вырыли?

До темноты Шаман просидел в бывшей трансформаторной будке. Никто его, разумеется, не беспокоил. Хромой бродил по стоянке, присматривал подходящее помещение, потом рылся в грудах ржавых железяк, собирал всякий хлам, выдергивал провода в потрескавшейся от времени изоляции. Почему-то особенно долго он крутился у старых кострищ, переворачивал камни, поднимая облачка золы, копался в углях... Пригоршня оказался в роли помощника - стаскивал находки Хромого в сарайчик. Иногда тот заглядывал в потрепанную книжечку и скупно улыбался. На расспросы любопытного Никиты не отвечал. Бросил только:

- Жалко, что этих чумазых в самом деле обыскать нельзя. Ты понимаешь, на торце ключа глубокие царапины - его снаружи щипцами захватили, да и провернули в замке. Тоже мне духи-хуюхи... Щипцы длинные тонкие должны быть - найти бы, у кого... хотя, если не дурак, убийца щипчики давно выбросил.

- Что, вот просто так - щипцами? - расстроился Никита. - Я-то думал, там хитрое что-то, с подковыркой, а там вон как, без затей... Аж досадно теперь.

Потом Хромой переговорил с Монтером - сталкером, который неплохо разбирался в электротехнике. Тот охотно рассказал, что затея Ковалей - дурацкая, ни к чему пропускать ток по гребню стены на высоте больше двух метров.

- Чисто понты для приезжих. Какой мутант туда полезет? А человеку что, человека так не остановишь... Зато питание нужно. Михаил говорит, ему «батареек» нанесут, ну так и что? «Батареек» не напасешься, если хорошую напругу давать. - Монтер, тощий сморщенный мужик неопределенного возраста, трепался охотно, ему было не по себе, явился

выполнить работу, а попал на похороны. - А говорить Ковалю сейчас бесполезно, он от смерти брата не в себе.

Хромой поддакивал, соглашался, заодно выцыганил у Монтера несколько светодиодов. Пригоршня наблюдал за приготовлениями, пытался выспрашивать, но Хромой только загадочно улыбался. Наконец Никите надоело, он пошел потрепаться со сталкерами, тем более что Михаил Коваль выдал пол-ящика водки вдобавок к обеду - мол, помяните Колю. Настоящие поминки обещал устроить после того, как найдут убийцу.

Начало темнеть, и сталкеры собрались у сарая, в котором медитировал Шаман. Тот не показывался, но охотники постарше, кто уже видел колдуна в деле, объясняли: нужно дожидаться темноты. Под вечер пришли еще несколько сталкеров, эти были не в курсе дела, им объяснили, что происходит, показали Хромого и домик, где скрывался болотный великан. Вновь прибывшие тоже решили поглядеть, как тот станет вызывать духов. Хромой с его потрепанной книжечкой и кривыми ухмылками впечатления не произвел, однако Никита добросовестно рассказывал байки про сыщика - из его болтовни явствовало, что Хромой крут, как гималайские склоны, видит всех насквозь и точно укажет убийцу.

Охранники Ковалья тоже готовились, они за день отоспались по очереди и теперь явились все шестеро, увешанные оружием. На каланчу с прожектором втащили крупнокалиберный пулемет, при этом хлипкие ступени скрипели так отчаянно, что стало очевидно - если бы в прошлую ночь дозорный спускался, он бы при этом пол-лагеря разбудил. Бойцы заняли позиции на крышах пристроек, чтобы держать под прицелом весь двор. Это, конечно, гостям было не по душе, но делать нечего - все понимали: Коваль в своем праве. Убийство брата - не шутки... Еще охранники сложили кучу дров перед входом в сарай Шамана, а когда стемнело - сталкеры развели большой костер. Наконец явился Михаил. В одной руке кольт, в другой - бутылка. Время от времени он делал глоток, но на ногах держался твердо, и взгляд у него был цепкий, внимательный.

- Ну, - хмуро бросил Коваль, - начнем. Шаман! Ты готов?

Взгляды сталкеров сошлись на темном дверном проеме - и Шаман явился! Громадный силуэт выплыл из мрака, царившего внутри сарая, - будто лоскут ночи влетел в освещенный круг около костра. Взметнулись полы плаща, ветер подхватил ворохи оранжевых искр, завертел огненной метелью, погнал по кругу. Отблески пламени вырывали из тьмы удивленные лица сталкеров, хотя сам Шаман странным образом оставался в темноте.

Еще одно плавное текучее движение - он сбросил плащ, и огонь, до сих пор избегавший великана, метнулся навстречу, охватил, окутал рыжими сполохами. Торс с развитой мускулатурой покрывали темные разводы, бесконечные извилистые линии, концентрические фигуры, неправильные, искривленные. Рисунки струились, текли, сплетаясь в невероятный узор. На лоснящемся теле колдуна двигались мышцы, пробежали алые блики... Он играл мускулами, и пятна плясали, менялись, затягивая огромный торс новыми узорами. Рисунок менялся на глазах, будто картинка в калейдоскопе.

- Живой огонь! - зарычал Шаман. - Живой огонь! Духи слышат! Духи меня видят! Духи лесов, духи болот, духи радиации, духи гравитации! Духи света и духи тьмы, духи холода и духи жара! И ты, Черный Сталкер, самый могучий из всех!

Шаман запрокинул голову, широко раскидывая испещренные узорами ручищи, тело его содрогалось, мышцы вздувались и опадали. Он начал танцевать - медленно, грузно, завораживающе.

- Ты здесь, Черный Сталкер, я вижу тебя! Я чувствую тебя! Ты здесь, ты среди нас! Огонь, огонь, живой огонь поможет мне! Я найду тебя, Черный Сталкер, я найду твоё тело, злобный дух!

Шаман раскачивался все сильнее, руки взлетали и падали, костер под ногами судорожно выбрасывал языки пламени, и тени металась по лицам, по грязным стенам. Рычащий бас взмывал с ворохами искр, уносился к черному небу Зоны:

- Огонь, огонь, живой огонь! Помоги нам, укажи Черного Сталкера! Кто убил?! Кто украл?! Кто кровью замаран, кто Черным Сталкером обуян?! Живой, живой огонь! Ты видишь нас, ты знаешь все!!!

Хромой, заканчивавший приготовления в соседнем сарае, тоже вышел к костру. Пляска Шамана обладала неотразимым магнетизмом, сталкеры молча глядели на его движения широко распахнутыми глазами, многие начинали дергаться в такт, тени прыгали по лицам, и прерывистые, нервческие движения людей попадали в ритм с танцем теней и напевным ревом великана.

А великан замер над огнем, как черная скала, и огромный палец его пополз по кругу, поочередно указывая на собравшихся. Те вздрагивали, ежились, кто-то отступил назад, кто-то даже зажмурился... Рука гиганта описала петлю и пошла в обратную сторону. Неожиданно Шаман перемахнул через костер, окутанный взметнувшимися языками пламени, сграбастал тщедушную фигуру, навис, стискивая ручишами.

- Ты! Говори! Говори, Черный Сталкер! Ну! - Обвиняемый, совсем невидный под насевшим на него великаном, захрипел, и Шаман слегка ослабил хватку.

- Говори! Живой огонь, дай ему сил сказать! Говори - Черный Сталкер в тебе?! Говори!!!

- Черный Сталкер во мне... - пролепетал коротышка.

- Ага!! Духи все видят! Говори, Черный Сталкер велел убить! Говори!!!

- Черный Сталкер велел убить...

- А-а-а!!! - взвыл Шаман.

И тут же несколько человек, введенных в транс его танцем, завывли:

- А-а-а!

- О-о-о!

Где-то далеко-далеко вой подхватила стая слепых псов...

- Постой, Шаман, - неожиданно отчетливо произнес Коваль. - Ты кого мне поймал? Это же Монтер, я его сам вызвал, он только сегодня пришел.

Собравшихся будто ледяной водой окатило - и наваждение исчезло. Михаил запрокинул голову, сделав длинный глоток, швырнул почти пустую бутылку в костер. Зашипело пламя, стало светлей.

- Точно! - выкрикнул Пригоршня радостно. - Это Монтер! Обознались духи-то, а, Шаманчик?

Великан разжал ладони, и тщедушный сталкер соскользнул на землю. Соседи отступили в тень, словно никто не хотел оказаться рядом с жертвой болотного чародея.

- Духи не ошибаются, - твердо произнес колдун. - Значит, и в него Черный Сталкер тоже вселился.

- А не пошел бы ты, Шаман, - невыразительным тоном проямлил Коваль. Ствол его кольта глядел под ноги великану, - к себе в болото? Мне убийца брата нужен, а не фокусы... Гипнотизер хренов.

- Сдохнете здесь все! Черный Сталкер нашел сюда тропку! Теперь всех захватит, всем теперь пропасть! Одного за другим, одного за другим! - завел Шаман, но сталкеры уже стряхнули оцепенение.

По кругу пробежали короткие вздохи, зрители зашевелились, приходя в себя.

- Эй, мужики, поднимите Монтера, - велел Михаил. - Водки ему дайте, что ли. А ты, Шаман...

- Уйду! - твердо объявил великан. - Это место проклято, духи отвернулись, огонь не поможет. Все передохнете, один за другим, один за другим... Черный Сталкер уже здесь.

Шаман подхватил свой плащ, резким движением набросил на мокрые после пляски плечи. Взял винтовку и гигантскими шагами устремился к воротам. Несколько человек, среди которых выделялся ростом Кирза, отперли их, а едва Шаман шагнул наружу - поспешно закрыли. В этих краях ночью ворота следует держать на запоре. Хромой не вмешивался, он поглядывал на монитор. Когда в стороне от скопления сигналов зажглась еще одна звездочка, удовлетворенно хмыкнул.

- А этот Шаман не такой дурак, ПДА все же включил, когда никто не смотрит.

- Шаман смелый, - бросил Стопка и потянулся к початой бутылке, стоящей на земле у его ног, - в одиночку ночью ушел. Ну ладно, теперь чего?

Коваль поискал глазами Хромого.

- Твой черед.

- У меня все готово, - отозвался тот. - Только вам всем придется руки помыть. Знаете анекдот? Сталкер Петров как-то помылся, заодно и старый ватник на себе нашел.

- Ты брось эти шутки свои, - пробурчал Кирза, с сомнением почесывая впалую грудь под расстегнутым воротом грязной рубахи.

В стороне протяжно застонал Монтер, он выходил из транса.

- У меня все по теории. - Хромой продемонстрировал книжечку. - Нужно чтобы руки были сухие и чистые. Значит, так. В сарае мы с Пригоршней собрали машину. Детектор лжи, слышали, конечно?

- Слыхати, слышали, - буркнул Стопка, - небось мы не дикие какие. Говори дальше.

- С чудесами магии мы уже пробовали, - уверенно продолжил Хромой, - теперь будем по науке. А наука нас учит, что виновный волнуется. Он может контролировать свои слова, может держаться спокойно, но организм-то все равно барахлит. Температура, очень мелкая дрожь пальцев, кровяное давление, потоотделение... в общем, всего понемногу, и в микроскопических дозах, сам человек этого не ощущает и, стало быть, унять эти проявления не может. И тут уж не важно, что убийца будет думать, дело не в сознании, а в подсознании, а оно нашей воле не подчиняется. Ну вот и вся теория. Теперь практика. Поочередно все моют руки. Знаю, непривычное дело, но надо себя заставить. Дальше вытираете руки насухо, входите в сарай, один за другим. Там моя машина. Будет темно, но разберетесь - диоды светятся. Слева два диода, справа два.

Между ними плоский лист стальной. На него возлагаете персты...

- Чего? - переспросил Стопка, мрачно разглядывавший запястья. - Ты по-человечески говори!

- Ну, кладете ладони, плотненько, чтобы как можно больше площадь контакта получилась. Держите полминуты или... ну, в общем, сосчитать до тридцати - и на выход. Все собираются сзади. Сарайчик сквозной, так что не перепутаемся. Начнем, когда все по одну сторону здания станут, закончим, когда все на другой стороне соберутся. Я думаю, для чистоты эксперимента и те, кто сегодня притопа, тоже могут в очередь встать. Заодно хоть раз руки помое. Ну... и, в общем, когда убийца ручки приложит, все услышат.

- Что-то ты уверенный больно, - усомнился Дантист, - и новички тоже... Не боишься, что у твоей машины как у Шамана выйдет?

Хромой пожал плечами - мол, какие сомнения?

- Давайте, мужики, раньше ляжем, раньше кончим, - поощрил гостей Коваль. - Пригоршня, ты первый. А то веселый слишком.

Сталкеры гурьбой двинули от костра к темному зданию, в глубине которого поблескивала светодиодами машина Хромого. Принесли ведра с полотенцами. Пригоршня вымыл руки, обтер и первым шагнул в сарай. Минутой позже вышел с другой стороны, сияя неуместной улыбкой.

- Следующий! - скомандовал Коваль.

Люди по одному входили в дом, топали к светлячкам диодов, нащупывали металлическую плоскость, припечатывали ладони... Постепенно однообразные действия всем надоели, прекратились шутки насчет мытья рук, что, мол, это совсем не больно... вошел - постоял - вышел, вошел - постоял - вышел... Машина помалкивала. Все больше народу оказывалось позади строения, сталкеры озирались да поглаживали оружие - убийца среди оставшихся. Те, кто еще ждал своей очереди, опасливо косились друг на друга... хуже всего пришлось Кирзе - он оказался последним, и когда входил в сарай, над лагерем повисла такая глубокая тишина, что слышно было, как в глубине Зоны за ЧАЭС чешет спину о дерево старый кровосос. Но и Кирза благополучно прошел испытания. Машина Хромого не издала ни звука.

- Ну? - крикнул Дантист. - А теперь как? Еще раз пройти в сарай? Так всю ночь циркулировать будем?

- Пригоршня, давай! - велел Хромой.

Никита щелкнул рубильником, под крышей вспыхнули загодя установленные лампы, охранник на вышке развернул прожектор.

- Поднять руки! - громовым голосом рявкнул Хромой. - Всем смотреть друг на друга!!

Два десятка глоток с шумом выпустили воздух - у всех ладони были черные, перепачканные сажей, которую Хромой добыл в старых кострищах, чтоб вымазать как следует свой детектор. И только руки Дантиста сияли белизной в ярком свете.

Тут же убийца прыгнул в сторону, заорал:

- Не подходить! Завалю!!!

В руке его возникла граната, между бледных пальцев блеснули округлые рубчатые бока. Дантист вырвал кольцо, толпа отшатнулась, Коваль вскинул свой древний кольт... бабахнул выстрел, в белом свете мелькнуло длинное тело Пригоршни. Раненый Дантист взвыл, Никита подхватил гранату и в падении отправил ее по длинной дуге - через забор. Заорали на крышах бойцы Коваля, Стопка с Кирзой перехватили руки Дантиста, из простреленного плеча которого хлестала кровь. Убийца истошно взвыл:

- Не хотел убивать! Он проснулся, я не хоте... Прогредел взрыв, снаружи по бетонной стене заколотили осколки, оглушительно взвыли слепые псы - оказывается, свора успела подобраться совсем близко. Охранник на вышке торопливо развернул прожектор - и пулеметный грохот заглушил все звуки.

Выстрелы смолкли, завывание псов стало затихать, удаляясь. Коваль методично колотил Дантиста рукоятью колта.

- погоди, ты ж его так до смерти забьешь, - жалостливо сказал Пригоршня, склоняясь над убийцей. - Ты что, он же еще не сказал, куда хабар спрятал.

Хромому показалось, что Пригоршня что-то поднял и сунул в карман, но в неверном свете он мог и ошибиться.

- Ладно, - согласился Коваль, опуская пистолет. - Я и сам не хочу спешить... Урод!

И он врезал обмякшему Дантисту сапогом.

Пригоршня с Хромым оставили хозяина заниматься делами и побрели в административное здание, там им обещали выдать по матрасу.

- Видишь, как оно вышло, - рассеянно пробормотал Пригоршня, копаясь в кармане, - это Монтеру еще повезло. Если бы Коваль больше на грудь успел принять, так, может, и проканал бы.

- Да нет, как же? Монтер только сегодня сюда... Что ты там ковыряешься?

- А, нет, я ничего. Я говорю, Шаман никогда своих ошибок не признает. Он же видишь как дело повернул: Монтер, дескать, тоже того... одухотворенным стал.

- Инфицирован Черным Сталкером?

- Ну, типа того... Обуян, стало быть. Мол, духи не ошибаются, раз указали на Монтера, то и он в чем-то виноват.

- Да он просто выбирает того, кто легче поддается внушению. Талант, Зона его дерит. Экзорцист.

- Я вот помню, было дело, тоже стали шмотки пропадать, и позвали Шамана. Он двоих указал. Ну, то есть не сразу, а по очереди - сперва одного, потом другого. Тогда без убийства вышло, просто воровали. Так что Шаман назвал, кто виноват, тому морду набили, выгнали и по всей сетке дали рассылку: мол, этот крыса. А потом снова кражи начались... Шаман опять - вот этот! Тут уж и покража нашлась, и все. Конец истории.

- погоди, как конец? А тот, первый, которого выгнали?

- Да как... Его же ночью выгнали, без снаряги. Он и пропал, никто после не видел. Так что, хотя он, может, и не виноват, однако и предъяву Шаману некому выставить.

- Ну и порядки здесь... - покачал головой Хромой.

- А ты думал! Я же сразу сказал: народ простой, грубый.

Они помолчали.

- А я новый анекдот придумал, - сообщил Хромой. - Сталкер Петров помылся, и, когда три слоя грязи с него сошли, он опять стал пулепробиваемый. Как?

Никита покрутил головой, устало потер лицо.

- Вот у тебя шутки, как у Химики все равно, - поведал он. - Такие же мутантские, нормальному человеку ни разу не смешно. Ты лучше скажи, что за книжечку ты нам показывал? Что за теория такая?

- А тут как раз никаких шуток, в книге вся теория этого детектора описана. Почитай, это интересно.

- Да я в чтении-то не очень... - протянул Пригоршня, но книжку взял и поднес поближе к свету. Развернул самодельный переплет и прочел: Джек Лондон. «Великий кудесник»...